

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XXI Всероссийская конференция
молодых историков
(Самара, 4–5 декабря 2015 г.)

Материалы и доклады

Самара
Издательство «Самарский университет»
2015

УДК 94
ББК 63.3
П37

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук, проф. П. С. Кабытов (отв. ред.);
д-р ист. наук, проф. Э. Л. Дубман;
д-р ист. наук, проф. Н. Н. Кабытова;
д-р ист. наук, проф. М. И. Леонов;
д-р ист. наук, проф. Ю. Н. Смирнов;
канд. ист. наук, доц. В. А. Тюрин (отв. секретарь)

П37 **Платоновские чтения** : материалы и доклады XXI Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 4–5 декабря 2015 г.) / отв. ред. П. С. Кабытов. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2015. – 223 с.

ISBN 978-5-86465-711-9

В сборнике представлены статьи участников XXI Всероссийской конференции «Платоновские чтения», проходившей в Самарском национальном исследовательском университете 4–5 декабря 2015 г.

Проблематика материалов сборника представляет собой широкий спектр сюжетов социально-экономической истории, международных связей, истории взаимоотношений власти и общества, а также основных направлений общественной и исторической мысли, истории культуры и этносов России.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-86465-711-9

© Авторы, 2015
© Самарский национальный
исследовательский университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

XXI Всероссийские Платоновские чтения — 2015 г. 8

Секция I. Социально-экономические, внешнеполитические проблемы истории России

Пчелинцев А.И. О некоторых вопросах удельного строя Суздальско-Нижегородского княжества на раннем этапе его существования (1341–1364 гг.)	12
Натаров А.И. Симбиряне в полках нового строя в 1660-х — начале 1680-х гг.	14
Заплетин В.В. Следственный процесс над московскими стрельцами в 1698 году: проблема анализа стрелецкой «челобитной» В.А. Зорина	18
Кулакова Е.В. «Потешный мир» при дворе Анны Иоанновны	21
Кормилицина Е.С. Социально-экономический статус калмыцкой женщины в Российском государстве (на примере поселения Ставрополь-на-Волге)	24
Кульков А.Е. Идентификация племени русь в работах В.В. Седова	26
Моргунов Я.В. Сотрудник губернатора Грота Н.А. Воронов и его вклад в самарское регионоведение	28
Макарова А.В. Особенности отраслевого состава самарской торгово-промышленной группы в конце XIX — начале XX века	31
Елисеев А.И. Рассмотрение и реализация проектов при строительстве Самаро-Златоустовской железной дороги	33
Михеева А.С. Помощь жертвам неурожая 1911 года в материалах ЦГАСО	36
Самуилова М.О. Влияние Промышленного банка СССР на развитие экономики страны в 20-е годы XX в.	38
Новиков М.Д. Визуальная информация как способ формирования реакции населения на денежную реформу 1947 г. в СССР	41
Пономаренко И.В. Военно-промышленный комплекс малых городов Ульяновской области — фронту в годы Великой Отечественной войны	43

Секция II. Власть и общество в истории России

Мифтеева Д.М. Борьба с эпидемией Азиатской холеры (на материале Оренбургского края 1829 – 1830 гг.)	46
Мухортов М.Ю. Ополчение 1855-1856 гг. в Самарской губернии и сведения о нем в ЦГАСО	48
Кириллов В.Л. Дело III отделения 1869 г. о неизвестном списке сочинения декабриста М.С. Лунина «Взгляд на тайное общество в России»	51
Егорова Ю.О. Изменение роли печати в русской жизни во II половине XIX века	53
Шумкина Е.Н. Проблемы организации делопроизводства в самарской губернской администрации во второй половине XIX – начале XX вв.	55
Трубицын И.О. Отражение деятельности самарской корпоративной организации дворянства в «Самарских губернских ведомостях»	57
Забараускас А.С. Документы фонда Самарского уездного предводителя дворянства о сборе средств на благотворительные и патриотические акции в начале 1910-х гг.	59
Солнцев А.В. Беспорядки в ходе мобилизации 1914 года на территории Самарской губернии	62
Мирончева Е.А. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и крестьянства в начале XX века	65
Морозова А.В. Общество и власть в период 5 марта 1953 – февраль 1956 гг. (на материалах Куйбышевской области)	67
Швед С.Е. Евгений Алексеевич Косминский и власть	69
Сотников М.Г. Возрождение футбола в восстанавливаемом Сталинграде	72
Баишев Н.И. Культура футбольных болельщиков в СССР в 1945–1960-е гг. (на примере г. Куйбышева)	74
Гумеров М.М. Характеристика общих черт «исламских» радикальных организаций на территории Самарской области 1991–2012 гг.	77

Секция III. История общественной и исторической мысли, политических партий, общественных движений и организаций

Евграшин Д.А. Новые подходы в изучении Религиозных войн во Франции в современной отечественной историографии	80
Ильминская М.С. Изучение французской средневековой городской семьи XII–XIV вв. в отечественной историографии	82

Цыганова Я.М. Термины «Поволжье» и «Среднее Поволжье» в научных и публицистических изданиях второй половины XIX — начала XX вв.	84
Семькина А.С. Предпосылки Февральской революции 1917 года в новейшей историографии	86
Кузнецов Н.А. Обыватель в революции: политические траектории и пути повседневного переживания революции	89
Кузнецова М.И. Когда часы жизни остановились. Арест, суд, тюремное заключение в мемуарах революционеров	91
Аленичева Н.В. Природа «Народной расправы»: программа, тактика, психология террориста (по материалам судебного процесса над «нечаевцами»)	93
Дурнева Д.С. От пропаганды к террору: к вопросу о времени и причинах обращения народников к террористическим методам борьбы	95
Панькина М.А. «Три предмета ненависти» каторжан по очеркам В.М. Дорошевича и П.Ф. Якубовича (конец XIX в.)	98
Кирилин К.А. Кропоткин в годы Первой мировой войны	100
Козин К.Е. Д.Д. Шостакович в Куйбышеве (проблемы отечественной историографии)	102
Григорьев В.А. Предпосылки и условия возникновения либерального политического движения в СССР в конце 1980-х гг.	107
Мельников А.Ю. Объяснение феномена фашизма в советской и постсоветской исторической науке: 1985–1995 гг.	110
Мельникова К.А. Современная российская историческая наука о проблеме Холокоста	112

Секция IV. Русская культура, история этносов и повседневность

Булатова А.А. Идеологические представления волжских и дунайских болгар до принятия мировых религий	116
Михалева Е.А. Поминальные обряды в этничности нагайбаков	118
Минликаева Н.И. Пути развития исторического жанра живописи в России во второй половине XVIII — XIX вв.	120
Мкртчян Л.Г. Армяне г. Самары на рубеже XIX — XX веков	123
Чепурнова Е.И. Влияние архитектурного стиля модерн на городское пространство г. Самары	125
Потемкина М.Е. У начала провинциальной женской мемуаристики: воспоминания А.И. Стрелковой	127
Степанова А.А. Польское национальное представительство в Государственной думе Российской империи 1907 г.	130

Пурьгин А.Е. Образ Льва Николаевича Толстого в культуре «серебряного века»	132
Скачкова У.О. «Расскажем вам вкратце о нашей жизни»: «Советская женщина не на словах, а на деле» (женщина Самары 20-х гг. XX века по переписке с женщинами зарубежных стран)	135
Кулушева Л.К. Деятельность театров Оренбургской (Чкаловской) области в 30-е гг. XX в.	137
Помоленкова А.Ю. Деятельность Сталинградского отделения Союза советских писателей в 1949-1953 годах	140
Ковалёва О.А. Быт тюменцев в годы Великой Отечественной войны как аспект повседневной жизни	143
Боженко А.А. Группа «Битлз» на страницах журнала «Кругозор»	
Замуленко В.С. Повседневность Самарского университета в 1970-е – 1980-е гг.	146
Леунова М.А. Вклад купцов-старообрядцев в духовную и культурную жизнь Самарской губернии в конце XIX – начале XX вв.	151

Секция V. Международные отношения: история и современность

Плещеева А.В. Особенности взаимоотношений между царем Сиракуз Гиероном II и Римской республикой в годы Пунических войн (263 – 215 гг. до н.э.)	155
Федоров В.О. Территориальная экспансия во внешней политике США (1820-1840-е гг.)	158
Нагорнова М.А. Польский вопрос в деятельности князя А.Е. Чарторыйского	161
Рябова В.Ю. Образ русского эмигранта «первой волны» в мемуарах писателей и публицистов	163
Федорова А.В. Национальный фонд: охрана культурного и исторического наследия Великобритании	165
Бахута Н.В. «План закрывающейся двери» Альфреда фон Шлиффена – «утраченная победа» Германской империи	168
Парфирьев Д.С. СССР и сотрудничество Литвы с украинскими националистами (1920-е – 1930-е гг.)	170
Кузин Д.М. Советская политика в отношении Вьетнама и Кампучии в конце 1970-х – начале 1980-х годов	173
Наймарк Ю.С. Полет «Союз-Апполон» – взгляд через сорок лет	175
Черноиваненко Ю.О. Приграничное сотрудничество России и КНР: проблемы и перспективы	178

Хохлунова Д.С. Европейская безопасность в диалоге России и ФРГ в постбиполярный период	181
Пшеничкин С.С. Роль ЕС в борьбе с принудительным трудом	184
Тихонова А.М. Эволюция российско-французских отношений с 1991 – по 2015 гг.	186

Стендовые доклады

Александровская О.А. Военно-патриотическое воспитание молодежи в рамках работы Волгоградского отделения ВООПИК сер. 1960 – сер. 1980 гг.	189
Гречишников О.Н. К вопросу об истоках орнаментального элемента «раковина» в системе декора русской храмовой архитектуры	191
Хомицевич И.А. К вопросу о типах редких пулов Водянского городища XIV в.	194
Королева М.С. Способы декорирования платья древней мордвы Тешского бассейна	196
Накишова М.Т. Персона царя как социальный маркер идентичности в России XVII века	199
Мариненко Я.С. Особенности акционизма в России: сравнительно-историческая характеристика	201
Макогон О.А. Особенности развития и формирования общественных организаций России в конце XIX – начале XX века	205
Микеленис А.А. Формы и методы экспансионистской политики С.Ю. Витте на Дальнем Востоке	207
Калмыков И.А. Военная повседневность соцгорода в воспоминаниях горьковчан (на примере поселка им. С. Орджоникидзе города Горького)	209
Иорданская А.М. Материально-бытовые условия жизни иностранных дипломатов в России (вторая половина XIX – начало XX вв.)	212
Константинова О.Н. Принятие Конституции 1993 года как оптимальный путь вывода государства из политического кризиса	215
Замуленко Е.С. Миграционные процессы в ПФО на рубеже XX–XXI вв.	217
Арапова Ю.В. Городской голова в системе местного самоуправления	220

XXI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2015 Г.

4-5 декабря 2015 г. в Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королева на базе кафедры российской истории состоялась ежегодная конференция студентов и молодых ученых – XXI Платоновские чтения.

Платоновские Чтения являются одним из самых известных и популярных межвузовских исторических форумов научной молодежи России. В конференции принимают участие молодые исследователи из многих регионов европейской части страны, Урала и Сибири, нередко и из зарубежья. По Положению о Чтениях в них имеют право принимать участие аспиранты, научные сотрудники, преподаватели и студенты в возрасте не старше 30 лет, не имеющие ученой степени или звания. В основе работы конференции заложен конкурсный характер.

Традиционно, начиная с первых Чтений, состоявшихся в 1996 г., при организации очередной конференции ставятся базовые задачи:

- содействовать развитию научного творчества молодежи,
- пропагандировать российское национальное историческое наследие.

За двадцатилетнюю историю проведения Платоновских чтений, они показали свою эффективность для развития отечественной науки, высокую значимость для вузовской молодежи. В среднем в работе каждой из ежегодных конференций принимало участие до 150-200 студентов, соискателей и аспирантов; выступало с докладами от 50 до 70 и более человек. Тексты всех представленных на конференцию и прошедших конкурсную экспертизу докладов были опубликованы.

Платоновские чтения получили заслуженное признание в среде студенчества и молодых ученых. Их важнейшей особенностью является постоянство, регулярность, единство требований к уровню научных работ и составу участников. Проведение Чтений стало научной традицией. Во многих городах Российской Федерации – Москве, Екатеринбурге, Казани, Чебоксарах, Оренбурге, Саратове, Волгограде, Пензе и других сложился круг постоянных участников этого форума научной молодежи.

Начиная с 1996 г., организатором и головным исполнителем Платоновских чтений являлся Самарский государственный университет. В течение ряда лет методическую и научную помощь в проведении конференции оказывал Санкт-Петербургский Институт истории РАН.

Проект «Платоновские чтения» является неотъемлемой частью всей системы научной и учебной работы кафедры российской истории исторического факультета Самарского национального исследовательского университета, ежегодных научных конференций молодых ученых и студентов. Платоновские чтения объединили эту сферу научно-исследовательской деятельности в области исторических наук в единое целое не только в рамках Самары и других городов Поволжья, но и всей Российской Федерации.

Традиционным на протяжении многих лет является состав Оргкомитета конференции во главе с профессором П.С. Кабытовым. В 2015 г. в него вошли профессора А.Б. Прокофьев, А.Ф. Крутов, Ю.Н. Смирнов, Э.Л. Дубман; ответственный секретарь Чтений доцент В.А. Тюрин, лаборант Е.И. Чепурнова. Активное участие в организации конференции приняли студенты исторического факультета университета.

Как и для предшествующих конференций 2011 – 2014 гг. особенностью XXI Платоновских чтений стало увеличение количества секций до пяти. К четырем традиционным прибавилась еще одна – «Международные отношения: история и современность».

Работа конференции проходила в 2 этапа:

- заседания секций – 4 декабря 2015 года,
- пленарное заседание – 5 декабря 2015 года.

На всех 5-х секциях прозвучало 59 докладов студентов и аспирантов, а всего на заседаниях присутствовало более 100 чел.

На первой секции – «Социально-экономические, внешнеполитические проблемы истории России» выступавшие 12 докладчиков (1 аспирант, 2 соискателя, 9 магистрантов и бакалавров) представляли Московский государственный (1), Санкт-Петербургский (1), Тольяттинский государственный (1), Самарский национальный исследовательский (7) университеты; Самарский государственный институт культуры (1), Самарский областной государственный архив социально-политической истории (1). Первое место на секции за доклад «Следственный процесс над московскими стрельцами в 1698 г.: проблема анализа стрелецкой «челобитной» В.А. Зорина» присуждено магистранту Самарского национального исследовательского университета Заплетину В.В., второе место – магистранту Санкт-Петербургского государственного университета Новикову М.Д. за доклад «Визуальная информация как способ формирования положительной реакции на денежную реформу 1947 года в СССР», третье место – научному сотруднику Московского государственного университета Пчелинцеву А.И. за доклад «О некоторых вопросах удельного строя Суздальско-Нижегородского княжества на раннем этапе его существования (1341–1364 гг.)».

Вторая секция «Власть и общество в истории России» – 8 докладчиков – объединила аспирантов (4), магистрантов и бакалавров (4). Из них 4 человека представляли Самарский национальный исследовательский университет, 1 – Самарский государственный институт культуры, 1 – Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 1 – Московский государственный университет, 1 – Оренбургский государственный педагогический университет.

Первое место за доклад «Борьба с эпидемией азиатской холеры (на материале Оренбургского края 1829–1830 гг.)» присуждено аспирантке Оренбургского государственного педагогического университета Мифтеевой Д.М.; второе место – за доклад «Культура футбольного боления в СССР в 1945-

1960-е гг. (на примере г. Куйбышева) аспиранту Самарского национального исследовательского университета Баишеву Н.И.; третье место за доклад «Возрождение футбола в восстанавливаемом Сталинграде» аспиранту Волгоградского государственного социально-педагогического университета Сотникову М.Г.

В секции «История общественной и исторической мысли, политических партий, общественных движений и организаций» прозвучали 13 докладов (12 магистрантов и бакалавров, 1 аспирант). Из них Самарский национальный исследовательский университет представляли 10 докладчиков, Московский государственный университет – 2, Саратовский государственный университет – 1.

Первое место присуждено за доклад «Три предмета ненависти» каторжан по очеркам В.М. Дорошевича и П.Ф. Якубовича (конец XIX в.)» магистранту Московского государственного университета Панькиной М.А.; второе место за доклад «Формирование предпосылок и условий для возникновения либерального политического движения в СССР в конце 1980-х гг.» магистранту Самарского национального исследовательского университета Григорьеву В.А.; третье место за доклад «Отечественная историография о положении женщин в Риме в классическую эпоху» магистранту Самарского национального исследовательского университета Ильминской М.С.

Секция «Русская культура, история этносов и повседневность», на которой прозвучало 13 докладов (12 магистрантов и бакалавров, 1 аспирант), по своему составу выглядела следующим образом. Вузы Самары – 10 докладов, из них национальный исследовательский университет – 9, государственный институт культуры – 1. Представители других городов – 3 доклада, в том числе: Московский государственный университет – 1, Тюменский государственный университет – 1, Уральский федеральный университет – 1.

Первое место за доклад «Польское национальное представительство в Государственной думе Российской империи 1907 г.» президиум секции присудил студентке Московского государственного университета Степановой А.А., второе место за доклад «Расскажем вам вкратце о нашей жизни»: «Советская женщина не на словах, а на деле» (женщина Самары 20-х гг. XX века по переписке с женщинами зарубежных стран) бакалавру Самарского национального исследовательского университета Скачковой У.О.; третье место за доклад «Поминальные обряды в этничности нагайбаков» студентке Уральского федерального университета Михалевой Е.А.

Пятая секция «Международные отношения: история и современность» (13 докладчиков) – объединила 13 магистрантов и бакалавров. Из них 9 человек представляли Самарский национальный исследовательский университет, 2 человека – Московский государственный университет, 1 человек – Волгоградский государственный социально-педагогический университет и 1 человек – Самарский филиал Московского государственного педагогического университета.

Первое место на секции за доклад «СССР и сотрудничество Литвы с украинскими националистами (1920-е – 1930-е гг.)» присуждено студенту Московского государственного университета Парфирьеву Д.С., второе место бакалавру Самарского национального исследовательского университета Бахуте Н.В. за доклад «План закрывающейся двери» Альфреда фон Шлиффена – «утраченная победа» Германской империи», третье место — студенту Московского государственного университета Кузину Д.М. за доклад «Советская политика в отношении Вьетнама и Кампучии в конце 1970-х – начале 1980-х годов».

5 декабря 2015 г. состоялось пленарное заседание XXI Платоновских чтений. К участникам конференции обратился председатель Оргкомитета профессор П.С. Кабытов, отметивший необходимость дальнейшего совершенствования организации Чтений, расширения их географии, повышения уровня докладов. На пленарном заседании была проведена презентация новой книги, подготовленной профессорами кафедры российской истории Самарского национального исследовательского университета П.С. Кабытовым и Э.Л. Дубманом «С.Ф. Платонов и Самара: история и память» [1].

Вторая часть пленарного заседания была посвящена конкурсным выступлениям соискателей, занявших первые места на своих секциях. Доклады соискателей вызвали многочисленные вопросы присутствующих, были выслушаны с большим интересом. По ряду проблем, поднятых в докладах, развернулась научная дискуссия.

Коллегией профессоров звание Лауреата XXI Всероссийских Платоновских чтений было присуждено магистранту исторического факультета Самарского национального исследовательского университета **Заплетину В.В.** за доклад «*Следственный процесс над московскими стрельцами в 1698 г.: проблема анализа стрелецкой «челобитной» В.А. Зорина*».

Пленарное заседание завершилось награждением Лауреата, дипломантов и обладателей поощрительных премий, определившихся по итогам работы секций. В завершающей части пленарного заседания состоялся обмен мнениями о перспективах развития исторической науки в России, значимости проведения всероссийских форумов научной молодежи. Участники заседания предложили оказать всемерное содействие закреплению уже сложившейся традиции молодежной конференции всероссийского уровня, повысить ее статус до международного с приглашением зарубежных участников.

Библиографический список

1. Кабытов П.С., Дубман Э.Л. С.Ф. Платонов и Самара: история и память. Самара, Издательство «Самарский университет», 2015. – 90 с., 40 ил.

П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, В.А. Тюрин

СЕКЦИЯ I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

А.И. Пчелинцев

Московский государственный университет

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ УДЕЛЬНОГО СТРОЯ СУЗДАЛЬСКО-НИЖЕГОРОДСКОГО КНЯЖЕСТВА НА РАННЕМ ЭТАПЕ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ (1341–1364 ГГ.)

Великое Суздальско-Нижегородское княжество появилось в 1341 году, когда золотоордынский хан Узбек выделил огромную территорию на Волге с городами Нижним Новгородом и Городцом из великого княжества Владимирского, лишив его значительного массива земель на восточной окраине. Только появившееся территориальное образование было передано суздальскому князю Константину Васильевичу (1341-1355 гг.)

На современном этапе во взглядах отечественной историографии на вопрос об удельной системе княжества нет единства. Условно можно выделить две точки зрения. Одна принадлежит В.А. Кучкину, который считал удельный строй княжества вполне сложившимся после 1355 года. Историк полагал, что территория великого княжества была распределена следующим образом: старший сын Константина Васильевича Андрей получил Нижний Новгород и положение великого князя, второй сын Дмитрий-Фома – Суздаль, третий сын Борис – Городец, младший – Дмитрий Ноготь – села и угодья вокруг Суздаля [1, с. 240-245; 2, с. 220-223]. Иная трактовка принадлежит нижегородскому историку П.В. Чеченкову. Он, признавая область вокруг Суздаля *corpusfratrum* местной династии, пришел к выводу о нижегородско-городецкой части великого княжества при Константине Васильевиче и Андрее Константиновиче как о великокняжеском «примысле», что, соответственно, означало невозможность для Бориса Константиновича обладания Городцом до 1363/64 годов [3, с. 320-324].

В.Д. Назаров на основе актового материала XV века показал наличие у Бориса владений вокруг Суздаля [4, с. 63-73]. Однако этот факт еще не свидетельствует о Городце как о неотъемлемой части великокняжеского надела. Представляется, что в значительной степени пролить свет на удельную систему Суздальско-Нижегородского княжества может вопрос о дате основания Спасо-Евфимьева монастыря в Суздале. Пространная

редакция жития Евфимия Суздальского относит это событие к 1352 году и связывает его непосредственно с именем Бориса Константиновича [5, с. 385], что невозможно по двум причинам – во-первых, еще был жив Константин Васильевич, а у нас нет сведений о делении княжества на уделы до 1355 года. Во-вторых, Борису, рожденному в 1340 году, в 1352 году было всего 12 лет, и он вряд ли мог решать такой важный вопрос, как создание новой обители и оказание ей материальной поддержки. Логичнее выглядит иная датировка этого события – а именно промежуток между 1355 и 1363 годами [5, с. 385-386]. Это позволяет, хотя и косвенно, но подтвердить позицию П.В. Чеченкова. Маловероятно, чтобы, обладая собственным уделом, Борис стал развивать ту часть своих владений, гегемония в которой принадлежала его брату Дмитрию-Фоме. Вероятно, монастырь подобного масштаба был бы возведен в Городец. Однако мы имеем сведения о возведении большого храма Михаила Архангела в Городец только в 1369 году, причем летописи связывают это событие непосредственно с именем Бориса Константиновича: «Того же лета князь Борисъ Костянтиновичъ Суждальскый на Городципостави церковь зборнуювъ имяя свягата архангела Михаила» [6, стб. 91; 7, с. 109]. Кажется, этот акт был непосредственно связан с состоявшимся получением Городца Борисом в 1364 году и посвящен обустройству нового удельного центра.

Подобная трактовка событий позволяет объяснить и столкновение между Дмитрием-Фомой и Борисом, захватившим Нижний Новгород в нарушение порядков наследования, в 1363-1364 годах. Здесь следует высказать некоторые соображения о причинах возмущения Бориса Константиновича. Дело не только в том, что этот князь был «энергичный и тщеславный». Его энергии и тяге к власти не хватало только одного – достойного удела. Не получив его при старшем брате, у Бориса не могло быть никаких иллюзий и по отношению к Дмитрию Константиновичу, имевшему на 1363 год трех сыновей. В этой ситуации надежд на наследование или получение какого-нибудь стола уже не оставалось.

Неизбежно встает вопрос: почему Дмитрий-Фома по итогам междоусобицы передал Борису именно Городец? Во-первых, Дмитрию Константиновичу следовало удовлетворить притязания брата, выделив достойный удел с крупным городским центром. В Суздальско-Нижегородском княжестве только Суздаль и Городец могли претендовать на подобный статус. Во-вторых, передача Борису Суздаля была явно не в интересах Дмитрия Константиновича. Как показала практика, он вполне мог положиться на суздальцев в случае чрезвычайных обстоятельств – именно Суздаль стал центром сбора сил, направленных против Бориса [6, стб. 78; 7, с. 103]. К тому же город находился далеко от основного территориального массива нижегородских земель, что, очевидно, затруднило бы контроль мятежного брата. С этой точки зрения Городец, расположенный в непосредственной близости от Нижнего Новгорода, вполне подходил для выделения удела.

Таким образом, удельную систему Суздальско-Нижегородского княжества на раннем этапе следует признать неразвитой и ограниченной. Это впоследствии значительно осложнило взаимоотношения потомков Константина Васильевича и привело к междоусобице, в результате которой великое княжество навсегда лишилось шансов стать центром объединения русских земель.

Библиографический список

1. Кучкин В.А. Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII-XIV вв. // Польша и Русь: черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII-XIV вв. М., 1974. С. 234-260.
2. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV веках. М., 1984.
3. Чеченков П.В. Суздальские Рюриковичи и территориально-политическое устройство Нижегородского княжества // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и российская государственность. М., 2008. С. 319-340.
4. Назаров В.Д. Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой и судьбы Нижегородско-Суздальского княжества в середине XV века // Архив русской истории. М., 2002. С. 63-73.
5. Кривцов Д.Ю., Машгафаров А.В. Евфимий Суздальский // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 17. С. 384-397.
6. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Пг., 1922.
7. ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. М., 2007.

А.И. Натаров

*Самарский областной государственный
архив социально-политической истории*

СИБИРЯНЕ В ПОЛКАХ НОВОГО СТРОЯ В 1660-Х – НАЧАЛЕ 1680-Х ГГ.

Исследование подготовлено при поддержке РГНФ.

Грант № 15-11-63001 а(р), «Служилые люди Южного Средневолжья в XVII – начале XVIII в.»

Цель данной работы рассмотреть привлечение симбирян, преимущественно дворян и детей боярских к службе в полках нового строя на основе актовых материалов, опубликованных преимущественно Симбирской губернской ученой архивной комиссией в «Материалах исторических и юридических приказа бывшего Казанского дворца» [1, 2].

Данная проблема исследовалась как на общероссийском уровне, так и на региональном. В первой группе можно упомянуть исследования

И.Б. Бабулина [3], А.В. Малова [4], Е.А. Разина [5], ко второй мы можем отнести работы Э.Л. Дубмана [6], Д.В. Фролова [7] и других авторов.

Проект найма целых полков состоящих из иностранных солдат для Смоленской войны оказался неудачным. Опыт формирования солдатских полков из русских подданных с привлечением иностранных офицеров дал хорошие результаты. После Смоленской войны ее участники в 1630-х–1650-х гг. активно привлекались в роты и полки нового строя. В середине XVII в., к новой русско-польской войны сбор даточных людей для полков нового строя стал более упорядоченным. При этом главной сложностью был роспуск большей части личного состава после каждой военной кампании, как правило, осенью [8, с. 244–245]. К началу 1660-х гг. на службе в 42 солдатских полках числилось 24377 офицеров и рядовых, а в 22 рейтарских – 18795 человек. Общее число полков нового строя выросло с 75 в начале 1660-х до 85 в начале 1680-х гг. [8, с. 247].

Солдаты и рейтары набирались из многих уездов Московского государства, Симбирский (включая в него и Карсунскую часть) не стал исключением. Таким образом, в указанных уездах появились дворяне и дети боярские, служившие в рейтарах и солдатах, число которых постоянно росло [9, с. 17]. Первые урядники и солдаты из Симбирска и Карсуна зафиксированы в документации и приказной переписке выборных полков уже в 1656/57 г., хотя их численность не известна [4, с. 198–199]. Подтверждением привлечения симбирян к рейтарской службе может служить эпизод, произошедший во время восстания 1662 г. в Москве, когда «Григорьева полку Тарбеева рейтар синбиренин сын боярской А. Ишуевской» задержали стрельцы «у Яуских ворот и привели в Володимерской Судной приказ», где ему после допроса присудили 25 ударов [10, с. 222].

В «Приходно-расходной книге 1665–1667 года» упоминаются имена двух солдат О. Трофимова и И. Градовского, причем указан размер поленного корма для последнего – 8 денег в день [11, с. 225].

Из челобитной 1668 г. Л. Воронцова и его брата Ивана, можно узнать еще об одном эпизоде появления в Симбирском уезде рейтар из детей боярских. В челобитной указывается, что на его поместной земле – пустоши Кадышевой рейтар В. Федорчуков с отцом Сергеем посеяли рожь из-за чего возник конфликт. Истец добавляет, что В. Федорчуков «служит рейтарскую службу и твое Великого Государя емлет денежное жалованье и поместною землею владеет, а твоя, Великого Государя, рейтарская службы не служит..., живет дома у отца своего в укрыте ... от службы бегает...» [1, с. 22–23]. Вероятно, последнее обвинение должно было ускорить решение данного дела в пользу челобитчика. Нужно отметить, что в пензенской десятне 1677 г. нами был обнаружен рейтар В. Федорчуков, чей оклад составлял 350 четвертей и 12 рублей [12, с. 24].

Начиная с 1670-х годов в документах появляется много упоминаний о верстании симбирян в рейтары и солдаты. Так, в 1672 г. в Симбирском уезде на речке Каменный брод произошло массовое верстание рейтар и солдат. Симбирянин И. Бакшеев произвел отказ земли 11 рейтарам и 11 солдатам выборного полка. Рейтар С. Максимов получил 30 четв., А. Слапогузов и еще 9 человек по 20 четв.; Г. Репин и еще 10 солдат получили также по 20 четв. [2, с. 93–96]. В 1674 г. поместный оклад 200 четв. и денежный 7 руб. в с. Выры получил рейтар И. Сухов, записанный в Симбирскую десятню и служилый список [2, с. 36–37]. В период между 1674 и 1677 гг. на речке Каменный брод за валом повторилось массовое наделение землей служилых людей. По 50 четв. получили рейтары – И. Страмоусов, А. Слапогузов, Н. Гундорев, П. Нижегородец, И. Казаков и солдат выборного полка М. Шапкин. Другие солдаты того же полка – М. Сайников и П. Карцов были верстаны 30 четв. Еще 7 солдат вероятно того же полка получили прибавку в 20 четв. к уже имеющимся 20: Г. Горбунов, Ф. Свяженин, В. Карцев, С. Верзилов, Д. Сайников, М. Подгвоздиков, А. Рудаков и И. Репин. Такую же прибавку получили еще четверо служилых людей, но в документе не указана точная принадлежность служилых людей С. Свяженина, А. Емловского, С. Болтачевского и А. Максимова [2, с. 93–96]. Наконец в 1676 г. были написаны в Симбирскую десятню и служилый список трое рейтар полка Григория Тарбеева С. Свяженин, И. Болтачевской и И. Подгвоздков получившие оклады по 100 четв. и 5 руб. каждый [2, с. 35–36]. Вероятно последними известными нам рейтарами, которым были отведены поместья в Симбирском уезде были Андреян и Лаврентий Патрикеевы верстанные в Москве в 1692 г. Их оклады составляли по 300 четв. и 10 руб. [1, с. 81–82].

Более поздний эпизод о рейтаре-симбирянине В. Ряпчикове связан с его неявкой на службу в Киев в 1678/79 г. в связи с кражей у него одного коня и гибелью другого. Сам служилый человек рассказывал, что «с 184 года Вел. Государя на службах в полках бояр и воевод с приезде до отпуска был» и его отец служил городовую службу в Атемаре, а сам он получил поместный оклад 200 четв. и 7 руб. денег и может служить при условии денежного жалования. В. Ряпчиков пишет о наличии двух малолетних сыновей и полном отсутствии других родственников, а также крестьян, бобылей, задворных и деловых людей. Его поместные земли составляли на тот момент времени в Муромском – 30, в Арзамаском – 10 и в Атемарском уезде – 50 четв. Служилый человек упоминает об отсутствии всех видов угодий и о том, что он будет вооружен ружьем, парой пистолетов и саблей при отсутствии казенного оружия, лат и шишака [2, с. 179].

В «Писцовой книге 1685 года Симбирского и Карсунского уездов» описаны 8 солдатских слобод общей численностью 296 служилых людей.

Причем слободы поровну относились к «выборным» и «черным» солдатским полкам [13, с. 25–31, 133–137, 219–220, 229–230, 259–261, 301–303, 342–344, 351–352, 362–363, 438–439, 445].

В «Сметном списке» военных сил России 1651 г. упоминаний в Среднем Поволжье служивых людей из полков нового строя не имеется [14, с. 8–33]. Однако в «Сметах военных сил Московского государства 1661–1663 гг.» они уже появились в Казани, Чебоксарах и Козьмодемьянске [15, с. 28–53].

Подводя итоги можно сделать вывод, что первые упоминания симбирских дворян и детей боярских ставших рейтарами и солдатами появились в 1660-х гг. После массовых верстаний 1670-х гг. служивые люди по отечеству, служившие в полках нового строя, стали весьма распространенным явлением.

Библиографический список

1. Загоскин Н.П. Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. В 6 т. Казань, 1882. Т. 1.
2. Поливанов В.Н., Красовский В. Э. Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. В 6 т. Симбирск, 1898. Т. II.
3. Бабулин И.Б. Полки нового строя в Смоленской войне 1632–1634 гг. // Рейтар. 2005. № 22.
4. Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006.
5. Разин Е.А. История военного искусства. В 3 т. СПб, 1999. Т. 3.
6. Дубман Э.Л. Система расселения на территории Симбирского уезда к началу XVIII в. // Вестник СамГУ. Самара, 2014. № 1 (112).
7. Фролов Д.В. Саранские рейтары во второй половине XVII века. Анализ вооружения на основе Саранско-Атемарской десяти 1679 – 80 гг. // Центр и периферия. 2012. N. 1.
8. Очерки русской культуры XVII в. В 2 частях. М., 1979. Часть первая.
9. Зорин А.Н. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000. С. 17.
10. Восстание 1662 года в Москве. Сборник документов. М., 1964.
11. Зерцалов А. Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда. 1665–1667 гг. Симбирск, 1896.
12. Десятни Пензенского края (1669 – 1696) / под ред. А.П. Барсукова. СПб, 1897.
13. Писцовая книга Карсунского и Симбирского уездов 1685–1686 гг. Ульяновск, 2014.
14. Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. М., 1989.
15. Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. М., 1911. Кн. 3.

**СЛЕДСТВЕННЫЙ ПРОЦЕСС НАД МОСКОВСКИМИ СТРЕЛЬЦАМИ
В 1698 ГОДУ: ПРОБЛЕМА АНАЛИЗА
СТРЕЛЕЦКОЙ «ЧЕЛОБИТНОЙ» В.А. ЗОРИНА**

Среди делопроизводственных источников восстания 1698 г. особое значение имеет следственное дело стрелецкого розыска, значительная часть материалов которого хранится в РГАДА в составе 12-го дела VI Разряда фонда Государственного архива Российской империи. Материалы этого дела в немалой степени исследованы и многократно цитировались Н.Г. Устряловым [10], С.М. Соловьевым [8], М.М. Богословским [1], Н.Б. Голиковой [6], В.И. Бугановым [3], [4], [5], А.Н. Казакевичем [5], из современных исследователей Е.Н. Трефиловым [9] и др. Основываясь на результатах более ранних исследований, приведем аргументы, подтверждающие факт оформления идеологии, политических установок и целей стрельцов в восстании 1698 г. При этом нашей целью является уточнение содержания и значения важного документа следственного процесса – «челобитной» стрельца В.Зорина, которая именуется в документах розыска как «Челобитная московских стрельцов Петру I с жалобами на тяжесть службы и просьбами об облегчения положения».

Десятник полка Ф.А. Колзакова В.А. Зорин на допросе 18 июня 1698 г. сообщал, что «челобитная» была черная, которую писал сотенный того же полка Л. Рыбников (Рыбницын – В.А. Зорин) «... сь его, Васькиных, слов» [5, с. 10]. По словам В. Зорина, Я. Алексеев, пятидесятник полка А.А. Чубарова, прочитав «челобитную» согласился не со всеми ее положениями [5, с. 11]. Другие стрельцы – А. Маслов и И. Клюкин не сомневались в содержании «челобитной», но считали несвоевременным ознакомление стрельцов с ней: «...тое челобитную отставить, а пришед к Москве, тое челобитную передать бы в.г. или в.г. царевичу и государыням девицам» [5, с. 11]. Следовательно, среди стрельцов не было общего понимания близких и дальних целей мятежа. Можно предположить, что при разногласиях о требованиях «челобитной», должен был появиться и другой документ. Этим документом явилось «Письмо московских стрельцов 4-х полков с жалобами на тяжесть службы» без указания адресата. В ходе допросов выяснилось, что большинство стрельцов не делало различий между «челобитной» В.Зорина и письмом, а также между указанными документами и сомнительным письмом царевны Софьи. Письмо без адресата сохранилось в двух списках. Один был изъят у выборных, направлявшихся в Москву, 17 июня. Другой – 18 июня, перед сражением, у десятника полка Ф.А. Колзакова В.А. Зорина вместе с «челобитной Петру I» [5].

В тексте «челобитной Петру I», которую часто называют «черновой», «неоконченной», стрельцы отмечают тяготы военной жизни, умышленные притеснения начальства, прежде всего, злые умыслы «еретика иноземца Францка Лефорта», обвиняя его в учинении «благочестию великое препятие», стремлении уничтожить «чин стрелецкий», нежелании «наследия нашего христианского видеть», полагая себя в качестве радетелей и защитников православного христианства. С.М. Соловьев отмечает, что Шеин мог ясно видеть, что под скромным именем челобитной это была злая выходка против Петра I, прикрытая выходкой против его любимца Лефорта [8, с. 565-566]. На наш взгляд, рассматриваемый документ не являлся собственно челобитной.

Определение «челобитной» упоминается впервые в документе розыска «Запись сысканой комиссии о передаче стрельцом В.А. Зориным стрелецкой челобитной и письма И.М. Кольцову-Мосальскому от 18 июня 1698 года»: «А по осмотру те письма явились: челобитная, писана черне на одном столпце и на обороте несполна, да письмо на дву столпцах...» [5, с. 42]. На допросах 18 июня и В. Зорин, и Л. Рыбников называют переданный В.Зориным документ одновременно и челобитной, и письмом. Так, В. Зорин свидетельствовал: «А ту черную челобитную написали они не докончив за проходом своим... А в прошении де своем, в челобитье, писать было им о своих винах и... чтоб в.г. пожаловал, тое их вину велел отпустить [5, с. 45]. Отметим, здесь Васька Зорин называет документ «прошением своим, челобитной» [5, с. 45]. Характерными являются и обстоятельства написания «челобитной», о которых сообщает на допросе Л.Рыбников: «И как написал до прошения, и он, Васка, тое челобитную ево письма у него, Левки, взял к себе и понес в свой полк. И, написав набело тое челобитную он, Васка, хотел показать во всех полках...» [5, с. 46]. Отметим, в «черновой челобитной» так и не оказалась текста просьбы к царю.

Подвергнем анализу «черновую челобитную» В. Зорина как исторический документ конца XVII в. В формуляре документа присутствует «начальный протокол»: инвокация (богословие); интитуляция (московские стрельцы как источник документа); инскрипция (адресат в.г.ц. и в.к. Петр Алексеевич). В «основной части» мы обнаруживаем изложение обстоятельств дела, приведших к написанию документа – наррацию – перечисление притеснений и тягот стрельцов, кои воспринимаются стрельцами как «благочестию великое препятие», опасения «великого страхования» в Московском государстве, от чего «города затворяют», указание на слухи, «что идут к Москве немцы и то, знатно, последуя брадобритию и табаку, всеовершенство благочестию испровержение» [5, с. 40]. В «конечном протоколе» – аппрекации имеется заключение-благопожелание. Документ заканчивается словом Аминь, что свидетельствует о его логической завершенности. Однако Аминь есть заключительное слово

молитвы, проповеди [2, с. 19], его использование не характерно для текста челобитных. При этом в документе не присутствуют изложение просьбы и логически обязательные слова «челом бьем», но используется сочетание «многоскорбне и великими слезами». Для сравнения отметим, в известных челобитных: «Челобитной московских стрельцов, солдат, гостей, посадских людей и ямщиков от 6 июня 1682 года»; «Челобитной стрельцов полка Л. Ермолова с просьбой об уничтожении поставленного в Москве на Красной площади столпа в память о майских событиях в Москве от 28 октября 1682 г.» присутствуют «бьем челом» [4, с. 38], а также традиционное завершение просьбы «Ц.г. и в.к., смилуйтесь!» [4, с. 39], [4, с. 225-226].

Логично предположить, что письмо, составленное В. Зориным в 1698 г., получает название «челобитной» по причине непреднамеренного невнимания-попустительства сысской комиссии. Определение «челобитная» становится смягчающим обстоятельством для В. Зорина. Однако исследуемый документ и по форме, и по содержанию трудно назвать «челобитной». Это, скорее, манифест нового протестного движения стрельцов, в котором В. Зорин демонстрирует готовность взять на себя роль идеолога движения. В тексте «челобитной» предпринимается, на наш взгляд, демагогическая попытка «трансформировать» моральное обязательство стрельцов «хранить веру православную» [5, с. 39] в официальную присягу стрельцов – «хранителей благочестия». С этой целью В. Зорин обращается к событиям 1682 г. и утверждает, что именно стрельцы в 1682 г., спасая веру православную, способствовали подавлению раскольничьего мятежа.

Вместе с тем, в документах: «История о вере и челобитная о стрельцах Саввы Романова» [8]; «Царская жалованная грамота начальным людям и солдатам московского выборного полка Р. Жданова о прощении их за участие в восстании» [4, с. 198]; «Отписка московских властей во главе с боярином М.П. Головиным царскому двору с сообщением о вручении патриархом Иоакимом в Успенском соборе статей о прощении представителям стрелецких полков и солдатского выборного полка Р. Жданова» [4, с. 193] содержатся прямые указания на то, что в 1682 г. защитниками веры православной стрельцы не выступили. Предприняв вначале попытку быть в единстве с расколоучителями, стрельцы отказались от их «духовного» лидерства под нажимом властей, а затем совершили предательство как следствие подкупа стрелецкой верхушки.

Признание на допросе В. Зорина в том, что «черную челобитную» имел он намерение «прочсть в народе в большом полку для того, чтоб было умирения, а кровопролития б не было» [5, с. 45], а также упоминание Л. Рыбникова о том, что В. Зорин «написав набело тое челобитную он, Васка, хотел показать во всех полках» [5, с. 46], свидетельствуют о правомерности дискурса: «челобитную» В. Зорина можно идентифици-

ровать как документ, коему предназначалась роль манифеста политического переворота с участием наиболее активной части стрельцов. Противостояние Петру царевен, прежде всего, опальной Софьи лишь укрепляла решимость стрельцов на активный политический протест, что подтвердилось признаниями стрельцов в ходе розыска в сентябре 1698 г. о намерениях просить «в правительство царевну Софью» [5, с. 14].

Библиографический список

1. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. III. М., 1946.
2. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. М., 2005.
3. Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969.
4. Восстание в Москве в 1682 г. Сборник документов / сост. Н. Г. Савич; отв. ред. В.И. Буганов. М., 1976.
5. Восстание московских стрельцов 1698 г. (Материалы следственного дела). Сборник докум. / сост. А.Н. Казакевич, под ред. В.И. Буганова. М., 1980.
6. Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957.
7. История о вере и челобитная о стрельцах Саввы Романова // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым. Т. V. М., 1863.
8. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VII. (Т.13-14). М., 1962.
9. Трефилов Е.Н. Представления о царской власти участников народных бунтов Петровского времени: дис... канд. ист. наук. М., 2010.
10. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т.3. СПб., 1858.
11. Усенко О. Г. О челобитных в защиту «старой веры» (лето 1682 г.) // ТОДРЛ. Т. 51. СПб., 1999.
12. Усенко О.Г. Спорные вопросы истории Московской «Замятни» 1682 года // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: История. 2008. Вып. 2. №19 (79).

Е.В. Кулакова

Самарский национальный исследовательский университет

«ПОТЕШНЫЙ МИР» ПРИ ДВОРЕ АННЫ ИОАННОВНЫ

Будущая императрица Российская Анна Иоанновна была рождена и воспитывалась в «переломный период» истории России для русского общества. И тень этого периода ложится не только на мировоззрение крестьянина, посадского человека, духовного служителя или дворянина, но и на внутренний мир представителей царской фамилии. В доме вдовствующей царицы Прасковьи Федоровны, а, соответственно, и в воспитании царевны, сочетались устоявшиеся порядки Московского царства и веяния иностранных царствующих дворов.

Формирование интересов будущей императрицы Российской Анны Иоанновны происходит, несомненно, с детских лет. Но немалое значение имеют и последующие годы – а это жизнь в Митаве «в должности» герцогини Курляндской по воле дядюшки–императора Петра I. Что, как пишет И.В. Курукин, не делает вкусы Анны Иоанновны самыми изысканными [4, с. 214].

«...Провожала целые полдни, не вставая со стула, в разговорах или слушая крик шутов и дураков», – отмечал Эрнст Миних [1, с. 95]. Юродивыми, кликушами, дураками, шутами был наполнен дом и двор царицы Прасковьи Федоровны. Н.И. Павленко пишет, что «уродцев и кликуш Петр I не терпел, но зато жаловал шутов, выполнявших не столько развлекательные, сколько разоблачительные функции» [5, с. 135]. Но, опять же, нельзя не заметить, что такая «полезная функция» обличения человеческих пороков для возводимого императором нового государства вовсе не являлась единственной для шута при Петре I. Совсем другие функции шуты выполняли при дворе императрицы Анны Иоанновны. Дурак – это смешной человек, шут, обязанный развлекать царствующую особу, посредством выворачивания наизнанку традиционной жизни. Он должен был иметь какую-то свою черту, особенность поведения, или даже «забавную роль». Именно этот критерий служил способом отбора шутовской команды ко двору Анны Иоанновны. Свидетельством этому становится письмо к С.А. Салтыкову, в котором императрица просит возвратить в Москву, ранее вызванного оттуда, некоего Зиновьева, потому что он «не дурак» [3, с. 98]. Но не всегда шутовская команда комплектовалась по указанному критерию, очень часто при Анне Иоанновне в шуты попадали в наказание за некую провинность, при этом склонность человека к шутловству отводилась на второй план.

При дворе императрицы Российской Анны Иоанновны сформировался целый штат шутов – шесть человек: четверо русских и двое иностранцев и около десятка карлов–лилипутов.

Это граф Алексей Петрович Апраксин, князь Михаил Алексеевич Голицын, оба были определены в шутовскую команду за принятие католичества. Е.В. Анисимов пишет о письме Анны Иоанновны к С.А. Салтыкову в прошествии нескольких дней, как М.А. Голицын находился в должности придворного шута, что «благодарна за присылку Голицына, ... всех лучше и здесь всех дураков победил, ежели еще такой же в его пору сыщется, то немедленно уведомь» [3, с. 66]. Князь Никита Иванович Волконский был определен в шуты, как пишет Н.И. Павленко, «за свою образованную супругу Аграфену Петровну Бестужеву–Рюмину» [5, с. 136]. Свидетельством как выбирались шуты ко двору императрицы Российской Анны Иоанновны и, одновременно, какую проверку проходили, является письмо ее к С.А. Салтыкову: «Семен Андреевич! Пошли кого нарочно князь Никиты Волконского в деревню ево Селявино и

вели расспросить людей, которые больше при нем были в бытность его тамо, как он жил и с кем соседями знался и как их принимал, спесиво или просто, также чем забавлялся, и когда дома, то какво жил, и чисто ли в хоромах у него было, не едал ли кочерыжек и не леживал ли на печи...и о том обо всем его житии, сделав тетрадку, написать сперва «Житие князя Никиты Волконского», прислать». И позже Анна Иоанновна просит уточнить «К «Житию Волконского» вели приписать, спрося у людей, сколько у него рубах было и по скольку дней он нашивал рубаху» [3, с. 53-54]. Необходимо отметить, что ни князь М.А. Голицын или Н. Волконский, ни граф А.П. Апраксин, не стеснялись своей «должности» при дворе императрицы.

Иван Балакирев был унаследован Анной Иоанновной из штата придворных служителей дядюшки-императора Петра I. Также, «перейдя по наследству, в шутах состоял и португальский еврей Ян Д'Акоста, уже при Анне Иоанновне попал в шутовскую команду благодаря своей смешной фигуре, умению говорить понемногу на всех европейских языках и, свойственную еврейскому племени, способности угодить каждому. Кроме Д'Акосты в команде императрицы состоял еще один иностранец – неаполитанский скрипач и актер Пьетро Мита, в русской редакции часто называемый Петрилий или Педрилло. Он часто выполнял поручения императрицы Анны Иоанновны по найму актеров и музыкантов для придворного театра, но отдельно отмечают его способность в наживании денег.

Как и при дворе матери, царицы Прасковьи Федоровны, при дворе Анны Иоанновны постепенно появились многочисленные «бабы», приживалки и блаженные, к ним императрица питала слабость, так как они могли подолгу и без умолку говорить, рассказывать сказки и байки, талантливо пересказывать сплетни. В.О. Ключевский пишет: «В ежедневном обиходе она не могла обойтись без шутих—трещоток, которых разыскивала чуть не по всем углам империи» [2, с. 220]. Это подтверждается и многочисленными письмами Анны Иоанновны, отправленными С.А. Салтыкову, например: «У вдовы Загряжской Авдотьи Ивановны в Москве живет одна девка княжна Палагея Афанасьева дочь Вяземская... ее сыщи и отправь сюда. Толко чтоб она не испужалась, то объяви ей, что я ее беру из милости, и в дороге вели ее беречь. А я ее беру для забавы, как сказывают, что она много говорит...» [3, с. 138].

Один из диалогов императрицы Анны Иоанновны с такой говоруньей – Филатовной был запечатлен источником. Разговор этот становится примечательным как типичный между Анной Иоанновной и ее «дворовыми приживалками». Для него характерны сумбурные, не связанные логикой тем, расспросы императрицы и такие же невпопад ответы ее собеседницы.

Таковым был «потешный двор» императрицы Анны Иоанновны. Нельзя сказать, что он свидетельствует о культурном падении в жизни

Российского общества, ведь, если присмотреться, к наиболее ранним дворам русских царей и императоров или придворной жизни западных монархов, можно обнаружить все те же черты, так как они есть свидетельство времени – первой половины XVIII века.

Библиографический список

1. Записки и замечания гр. Эрнста Миниха // Россия и русский двор в первой половине XVIII века. СПб. 1891.
2. Ключевский В. О. Исторические портреты М., 2008.
3. Книга записная имянным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову. М., 1878.
4. Курукин И.В. Анна Иоанновна. М., 2014.
5. Павленко Н.И. Анна Иоанновна: немцы при дворе. М., 2002.

Е.С. Кормилицина

Тольяттинский государственный университет

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТАТУС КАЛМЫЦКОЙ ЖЕНЩИНЫ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОСЕЛЕНИЯ СТАВРОПОЛЬ–НА–ВОЛГЕ)

В первой половине XVII в. российское государство ставит задачу привлечения на военную службу и трансформацию кочевого калмыцкого народа в российскую государственность. Тем самым начинается процесс добровольного вхождения части калмыцкого общества в состав России [1].

Одним из главных средств политики в этом направлении становиться христианизация калмыков. Для этого крещеным предоставлялись различные льготы и поощрения, что способствовало быстрому росту калмыцкого населения на территорию Ставрополя. Однако, данный политический курс не был достигнут, так как ламаистское духовенство продолжало иметь сильное влияние на калмыцкую знать [2]. Более успешно проводилась политика по унификации калмыцкого законодательства с целью привлечения знатных калмыцких мужчин в аппарат чиновничества. Следует отметить, что данный политический курс, проводимый Российской империей на протяжении XVII-XIX в. отразился и на положении калмыцкой женщины.

Изначально главным законодательным источником XVII в., который регулировал социальные отношения между мужчинами и женщинами, а также определял обязанности и правовое состояние калмыцкой женщины, было «Степное Уложение» 1640 г. Основываясь на данном источнике можно проследить отношение к женщине в семье, ее экономический, социальный и правовой статус.

Рассматривая правовой статус женщины в семье, можно определить, что, согласно установленного брачного возраста, он начинался с 14 лет [3]. В калмыцком обществе женщина являлась хранительницей очага, заботливой матерью, верной и послушной женой [4]. С изменением статуса в семье менялось социальное положение женщины. Необходимо отметить, при выборе невесты больше уделялось внимание ее рабочей способности. В результате анализа семейных отношений, было выявлено, что в калмыцком обществе разводы были очень редки, а главной причиной их возникновения было неимение детей, но эта проблема устранялась путем многоженства, которое было не ограничено по религии, но осуждалось обществом [5].

Если рассматривать роль женщины в экономических отношениях, то нужно отметить, что по сравнению с представительницами всех сословий, самыми устойчивым оно было у жен зайсангов и нойонов. Представительницы зависимого населения, женщины и их дочери, не имели части в дележе имущества и могли рассчитывать только на то, что было подарено им главой семейства. Неустойчиво было положение бездетных вдов и у вдовы с пасынками. Самую активную роль играла вдова, оставшаяся с малолетними детьми, так как она являлась хозяйкой и могла распоряжаться всем имуществом [6]. Исследуя социальный статус женщин в обществе, стоит отметить, что общество активно охраняло честь и достоинство калмыцкой женщины, она наделялась всеми гражданскими правами [1]. Российское законодательство стремилось распространить правовой статус русской женщины и на калмычек. Однако она не была уравновешена в экономических отношениях с русской женщиной. Но в социальном плане статус калмыцкой женщины сохранялся более высоким [5].

В целом, законодательство было направлено на интеграцию калмыцкого общества в русское, что характеризовалось ужесточением системы наказаний. Поэтому, начиная с 50-х годов XVIII в. русские власти усиливают свое влияние и подготавливают почву для унификации калмыцкого уголовного права.

В первой четверти XIX в. появляются нормы российского законодательства, которые регулировали правовые отношения в калмыцком обществе, и распространявшиеся и на Ставропольских калмыков. В результате принятия 11 марта 1825 г. «Правил для управления калмыцкого народа», были установлены правила административного устройства и управления калмыков, «сообразно с местными порядками и обычаями» [6]. В соответствии с этим Главное управление калмыками теперь принадлежало Министерству внутренних дел, а с 1833 года Министерству государственных имуществ. По указу 1834 г. а так же по положению 1847 года, был ликвидирован местный суд Зарго и все уголовные и гражданские преступления рассматривались в русском суде, калмыки должны были

уплачивать натуральные повинности, а так же денежный налог, ограничивалась власть найонов и зайсангов [8,9].

Таким образом, изменение калмыцкого законодательства в период вхождения Калмыцкого ханства в состав Российской империи не значительно повлияло на социально-экономическое положение калмыцкой женщины. Так как упор был сделан на мужчин и калмыцкую знать, которая составляла опору российского государства и аппарат чиновничества.

Библиографический список

1. ПСЗРИ с 1649 г. Собрание (1649-1825). Т. XII, № 9110.
2. Горяев М.С. Политика российского правительства в Калмыкии во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Саратовского ун-та. 2014 .
3. «ИХ ЦААЗ» – «Великое Степное Уложение» [Электронный ресурс].
4. Житецкий И.А. «Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884-1886 гг.» [Электронный ресурс].
5. Бентковский И.В. «Женщина-калмычка Большедербетского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношении» [Электронный ресурс].
6. Батмаев М.М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII-XVIII вв. [Электронный ресурс].
7. ПСЗРИ с 1649 г. Собрание (1825-1881). Т. XXII. [Электронный ресурс].
8. ПСЗРИ с 1649 г. Собрание (1825-1881). Т. XXXIII. [Электронный ресурс].
9. ПСЗРИ с 1649 г. Собрание (1825-1881). Т. XXXX. [Электронный ресурс].

А.Е. Кульков

Самарский национальный исследовательский университет

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПЛЕМЕНИ РУСЬ В РАБОТАХ В.В. СЕДОВА

В последние годы своей работы выдающийся археолог и историк Валентин Васильевич Седов (1924–2004) уделял внимание проблеме идентификации племени русь. Он отмечал вероятность индоиранского начала этнонима «русь» и утверждал, что племени русь в Скандинавии никогда не было, что «русь» – ославяненный этноним, вошедший в обиход в славянском мире в позднеримское время, когда в условиях славяно-иранского симбиоза формировались анты.

Этноним «анты» Седов связывал с пеньковской культурой, которая постепенно складывалась в течение V в., и говорил, что ее создателями были потомки черняховского населения, оставшегося после гуннского нашествия. «Результатом двух – трехвекового симбиоза части славян с иранцами и было формирование отдельной праславянской диалектно-племенной группировки, известной в письменных источниках под этнонимом анты» [1, с.18]. Этноним анты, по мнению исследователя, имеет

иранское начало. Как и слово «венеды», он не был самоназванием славян. Этноним анты был распространен на юго-восточную часть славян иранскими племенами Северного Причерноморья [2, с. 278].

Анализируя и сопоставляя письменные и археологические источники, Седов пришел к выводу, что из антской среды вышли такие восточнославянские племена как тиверцы, хорваты и уличи. Кроме этих антских групп, ученый отмечал еще один антский племенной союз на Днепре — народ рос, описанный в сирийской хронике середины VI в. псевдо-Захария Митиленского [1, с. 21]. Седов соглашался с Б.А.Рыбаковым, утверждавшим, что в VI—VII вв. в Среднем Поднепровье сформировался мощный союз антских племен, главенствующее положение в котором занимали росы-русь. Имя росов Рыбаков связывал с рекой Росью — притоком Среднего Днепра [5, с. 68]

Другая часть черняховского населения мигрировала на Среднюю Волгу, результатом чего стало сложение новой культуры, получившей название именьковской [4, с. 311]. Он поддерживал точку зрения Г.И. Матвеевой о схожести именьковских и черняховских материалов [6, с. 75]. Около рубежа VII и VIII вв. эта культура прекратила свое существование и часть именьковского населения покинуло средневожские земли. В это время в левобережной части Среднего Поднепровья расселился крупный массив нового населения волынцевской культуры, родственной именьковской.

В более позднее время, Седов разместил русов на территории волынцевской и сменивших ее роменской и боршевской культур VIII—IX вв., ареалы которых находятся в пределах Днепровского Левобережья и Дона. Сопоставление комплекса элементов волынцевской культуры с именьковскими позволили Седову высказать предположение о родственности этих культур. Он объяснял это тем, что волынцевское население Днепровского левобережья пришло из именьковского ареала Среднего Поволжья. Кроме того, ученый говорил о том, что на рубеже VII и VIII вв. регион полян был затронут этой миграцией и стал частью территории руси, т.е. носителей волынцевской культуры. По мнению Седова, поляне стали русами, он находит подтверждение этому в летописной фразе «поляне ныне зовомая русь» [4, с. 270].

В левобережной части Днепровского лесостепного левобережья на основе волынцевских древностей развивалась роменская культура, которая постепенно трансформировалась в древнерусскую [3, с. 198]. В более ранних работах Седов утверждал, что роменские памятники являются древностями известного по летописям племенного образования северяне [3, с. 202].

Развитие волынцевских древностей на Дону протекало в условиях приливановых групп славянского населения, что привело к становлению боршевской культуры (VIII—IX вв.). Ученый отмечал, что племена боршевской культуры — новообразование раннего средневековья, название которого не дошло до нас [3, с. 205].

В первой половине IX в. русы создали свое государственное образование – каганат русов. Титул кагана (тюрк, хакан) был позаимствован русами у хазар. Седов утверждал, что если в Русском каганате был административный центр, то им мог быть только Киев (древнейшие культурные напластования в этом городе, выявленные на Старокиевской горе, датируются VIII–IX вв.). В последние десятилетия IX в. наследницей Русского каганата стала Киевская Русь, а титул кагана был унаследован великими князьями Киевской Руси.

Таким образом, Валентин Васильевич Седов в своих работах идентифицировал племя русь как славянское, которое сначала входило в состав антов, а затем было представлено славянскими культурами VIII–IX вв. на Днепре. Русы, по его мнению, создали свое государство, наследницей которого стала Киевская Русь – Русский каганат.

Библиографический список

1. Седов В.В. Анты // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987
2. Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994.
3. Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995
4. Седов В.В. Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002
5. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М., 1982
6. Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV-VII вв.: Именьковская культура. Самара, 2004

Я.В.Моргунов

Самарский национальный исследовательский университет

СОТРУДНИК ГУБЕРНАТОРА ГРОТА Н.А.ВОРОНОВ И ЕГО ВКЛАД В САМАРСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Любовь к Родине зарождается в человеке с самого его появления на свет. И в самом основании этого, не побоюсь этого выражения, великого чувства, находится любовь к своему родному краю. С самых ранних лет человек привязывается не только к своей семье, но и к окружающему его миру, который он запомнит на всю свою жизнь. Это и родные улицы его города с шумом машин и громоуханием трамваев, и необъятные просторы полей и лесов, если человеку довелось начинать жизненный путь в маленьком поселке или селе.

Конечно, есть исключения среди людей. В силу тех или иных причин, они, мягко говоря, недовольны своей жизнью, недовольны государством, эпохой... Им кажется, что где-то далеко отсюда их кто-то ждет и смена места жительства в корне изменит их жизнь. Мне всегда было

жалко таких людей, которые не имели или отреклись от своей малой Родины, того маленького и уютного уголка детства. Поэтому, я всегда с трепетом ждал в школе уроков, посвященных изучению родного края, будь то история или география. Жаль, что во многих малых городах России нет краеведческого музея.

Середина XIX в. остается недостаточно изученным периодом жизни многих провинциальных городов России, в том числе и Самары. Однако уже тогда рос интерес к изучению ее и прилегающих к ней территорий. Огромную роль здесь в становлении регионоведения сыграли именно чиновники как одно из самых образованных сословий того времени. Большой вклад в это дело вложил один из них, Николай Алексеевич Воронов, который родился в семье отставного чиновника на Слободской Украине, был небогат, но, несмотря на это, прилежно учился, а потом и верою и правдою служил своему Отечеству.

Будучи ребенком, Воронов, потерял отца, единственного кормильца семьи. Казалось, что путь к наукам ему заказан, но благодаря настойчивости его матери, он все-таки попал в Александрьевский сиротский институт в Москве, где учился за казенный счет.

Николай окончил институт в 1850 г. Из 24 выпускников этого года он был признан первым по оказанным успехам [2, с. 10]. Молодой Воронов начинал свою карьеру в Департаменте общих дел, компетенцию которого составляли кадровые вопросы, то есть назначение и отставка чиновников. Однако вскоре его перевели в Хозяйственный департамент, который в те годы возглавлял Николай Алексеевич Милютин, один из будущих творцов Великих реформ.

Среди подчиненных Милютина по Хозяйственному департаменту было немало способных молодых чиновников, ставших впоследствии видными государственными деятелями, достигшими высоких и ответственных должностей. [2, с. 12] В их число входил также Константин Карлович Грот, впоследствии самарский губернатор и видный деятель предстоящих реформ.

К.К. Грот помогал и поддерживал Н.А. Воронова и во время совместной службы, и даже после того, как их пути разошлись. Благодаря протекторату Грота, Николай Алексеевич получил выгодную должность в Самарской губернии, которую занимал на протяжении около двадцати лет. В 1881 г. по состоянию здоровья Воронов ушел в отставку с годовой пенсией в 1300 руб. На этом сведения о нем в документах обрываются.

Именно Грот в 1857 г. поручил Воронову составить краткое описание Самары и ее окрестностей. Дошедший до нас труд разделен на две неравных по объему части. Первая называется «Очерк Самарской губернии в историческом, этнографическом и статистическом отношениях» и занимает около трети всего текста). В ней представлены данные о характе-

ре местности, климате и гидрографии края, приведены исторические сведения о заселении региона, начиная с конца XVI в., помещено описание основных национальных групп местного населения (русские, мордва, татары, чувашы, башкиры), дана характеристика двух основных отраслей экономики губернии, хлебопашества и скотоводства. Во второй части — «Замечательнейшие местности по берегу реки Волги в пределах Самарской губернии» — содержится исторический очерк возникновения и развития иностранных колоний на территории края. В ней же помещены описания десяти важнейших населенных пунктов, расположенных вдоль левого берега Волги.

Кроме сбора интересного материала, Воронов сделал ряд важных и справедливых выводов. Например, им были четко обозначены тенденции хозяйственного и культурного сближения различных этнических групп населения Самарского края. Он показал, что этот процесс был обусловлен не только фактом совместного проживания, но в значительной мере и развитием товарного производства, рыночных отношений, стиравших многие национальные или конфессиональные барьеры и различия [5, с. 71].

Работа под началом К.К. Гротом очень помогла Воронову, чиновнику для особых поручений, при составлении этого труда. Множество статистических данных можно было почерпнуть только в канцелярии губернатора.

Сочинение Воронова лишь частично было опубликовано в газете «Самарские губернские ведомости». Полный его текст сохранился в архиве РГО в Санкт-Петербурге [1, с. 157]. В результате материалы Воронова использовались только отдельными историками, имевшими возможность работать в этом архиве с рукописным текстом [4, с. 14, 18-20].

В 2015 г. в Самаре проходил Всероссийский библиотечный конгресс. В качестве подарка городу-организатору группа петербургских археографов из Российской национальной библиотеки подготовила и издала рукопись Воронова целиком. Спустя 158 лет после написания, этот труд стал доступен массовому читателю и широкой научной общественности [2].

«Описание» является ценным историческим источником для всего Самарского края. Из него можно почерпнуть информацию об экономическом состоянии губернии в середине XIX в., а так же ее этнографический состав.

Библиографический список

1. Артамонова Л.М. Просветительская деятельность самарского губернатора К.К. Грота: столичный чиновник в культурном пространстве провинции // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (19). С. 156-161.
2. Воронов Н.А. Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.) / науч. ред. Ю.Н. Смирнов. СПб.: РНБ, 2015. 118 с.

3. Классика Самарского краеведения: антология / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. 278 с.

4. Смирнов Ю.Н. Жители провинциального города. Самарские рукописи РГО // Центр и периферия. 2014. № 1. С. 12-21.

5. Смирнов Ю.Н. Материалы о самарском крестьянстве дореформенной эпохи в Русском географическом обществе и их авторы // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8.2 (109). С. 65-73.

А.В. Макарова

Самарский национальный исследовательский университет

ОСОБЕННОСТИ ОТРАСЛЕВОГО СОСТАВА САМАРСКОЙ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ГРУППЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Предпринимательская среда Самары рубежа XIX-XX веков формировалась при деятельном участии торгово-промышленных групп. Самарское предпринимательство делилось на сельскохозяйственное, торговое и промышленное. Преобладающим являлось аграрное, что обуславливалось хозяйственной специализацией губернии. В сельскохозяйственном производстве было максимальное число занятых, второе место по численности занимало торговое предпринимательство, а третье – промышленное [1, с. 16]. В начале XX века промышленность по прежнему сосредоточивалась преимущественно в Самаре, в губернском центре. Здесь находилось 60 ценовых предприятий, в том числе 10 паровых мельниц, 7 металлообрабатывающих и механических заводов, электростанция, 11 кирпичных заводов, винокурный завод, два пивоваренных завода и другие с общим числом рабочих около 5000 человек [2, с. 52].

В период 1902-1907 гг. в Самаре было 45 торговых домов и товариществ. «Торговый дом» – это крупная торговая фирма, занимающаяся масштабными торговыми сделками по широкой номенклатуре товаров, использующая как собственный, так и привлеченный капитал; зачастую торговые дома осуществляют наряду с торговыми и другие экономические операции, тесно взаимодействуют с производителями товаров [2, с. 359].

Предприятия производили и торговали различными видами продукции. 15 предприятий (33,3%) занимались производством продукции, 30 совместных предприятий (66,7%) занимались куплей-продажей товаров, подрядами и поставками, оказанием услуг [3, с. 230]. По отраслевому составу из 15 торговых домов и товариществ 9 были мукомольными (60%), хотя торговый дом «Братья Шихобаловы», помимо эксплуатации мельниц, занимался хлебопашеством. «Машиностроительный завод братьев Журавлевых и Ко» производил различные речные суда, двигатели, машины и запчасти к ним, исполнял разного рода технические работы. ТД «Шишкин и Корнева» осуществлял выработку альбумина на заводе при

городской скотобойне. А «Товарищество Жигулевского Пивоваренного Завода» являлось крупнейшим производителем пивоваренной продукции в Самаре.

По данному периоду можно сделать вывод, что среди занятий совместных предприятий преобладала торговля. Производство, в котором первенство принадлежало мукомольному делу, не имело значительного веса в деятельности торговых домов.

В Самаре в 1913 году осуществляли свои функции 61 торговый дом и товарищество [4, с. 232]. В основном торговые дома продляли срок своего действия, хотя некоторые из них сменили вид деятельности: товарищество «Братья Кузнецовы» от торговли обувью перешло на мукомольное производство. В 1913 году 15 совместных предприятий осуществляли производство реализуемой продукции, что составило 24,6 %. Из этих 15 предприятий 6 (40%) занимались мукомольным делом. Остальные 9 предприятий осуществляли различные виды производства. Пивоварение – Жигулевский и Самарский пивоваренный заводы. Производство бумажной продукции – «Братья Бобковы». Продолжал функционировать завод, изготавливающий альбумин, два торговых дома были образованы владельцами кирпичных заводов.

Таким образом, 46 (75,4%) торговых домов и товариществ, функционировавших в 1913 г., по-прежнему занимались реализацией различных видов продукции и оказанием услуг. Торговля хлебом и мукомольная промышленность продолжали сохранять ведущие позиции, однако вперед выбились предприятия, ведущие мануфактурную торговлю. Второе место занимали совместные предприятия, торговавшие готовым платьем, тканями, меховыми изделиями – 6 торговых домов (13%). а фирмы (8,7%) заявили себя как занимающиеся торговлей разного вида, т.е. они торговали всем, что выгодно.

Развитие техники привело к появлению таких предприятий как торговый дом «В.И. Александров, В.И. Новин и Ко», занимавшихся разведкой, разработкой, добычей нефти и других полезных ископаемых. Иностранный капитал тоже участвовал в развитии города, например, американская компания, специализирующаяся на производстве зерноуборочной техники – «Международная компания жатвенных машин» (в Самаре велась сборка тракторов этой компании) [5, с. 175] или региональное отделение «Мануфактурной компании Зингер» [6, с. 282-284].

Торговые фирмы охватывали все сферы спроса: продавали галантерейные, бакалейные, гастрономические товары, вели книжную торговлю и торговлю канцелярскими принадлежностями, реализовывали аптекарскую и парфюмерную продукцию.

Таким образом, в начале XX века растут организации на основе совместного капитала в форме торговых домов и товариществ. Существен-

ной особенностью являлось то, что число торговых домов и товариществ, ориентированных на производство в 1904 г. и в 1913 г. не превышало 15 объединений. Промышленность Самары находилась в тесной связи с аграрным сектором.

Библиографический список

1. Гранкина С.В. Торгово-промышленное предпринимательство Самарской губернии в конце XIX – начале XX века. Автореф. дисс... канд. истор. наук. Самара, 2006.

2. Синельник А.К. Градостроительная история Самарского края. Самара: ООО НВФ «СМС», Самарская государственная архитектурно-строительная академия, 2000.

3. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА, 1999.

4. Макитрин К.М. Список крупнейших торговых домов г. Самары. 1902-1907 гг. // Макитрин К.М. Самарское купечество в конце XIX – начале XX веков: социально-демографическая характеристика. Дисс... канд. истор. наук. Самара, 2005.

5. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX – начало XX века. – М.: Наука, 2000.

6. Назаров А.М. Участие иностранного капитала в развитии тяжелой промышленности Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX века // Вектор науки ТГУ. № 3(13), 2010.

А.И. Елисеев

Самарский национальный исследовательский университет

РАССМОТРЕНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТОВ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ САМАРО-ЗЛАТОУСТОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Развитие Российской империи во второй половине XIX века требовало строительства новых, современных путей сообщения, таких как железные дороги. Они способствовали не только прогрессу в различных отраслях экономики, но усиливали связи между центром и окраинами Российской империи. Еще одним толчком к активному железнодорожному строительству во второй половине XIX века послужила Крымская война 1853-1856 гг. Поражение в войне показало отсталость Российской империи в транспортной сфере.

Проблемой строительства новых путей сообщения занимались не только центральные власти. Предпринимательские круги и местные власти провинций также активно участвовали в решении данной проблемы, так

как понимали, что железные дороги не только облегчали сбыт товаров, но и влекли за собой приток капиталов, способствовавших развитию региона в целом [1, с. 90]. 28 ноября 1867 года была построена железная дорога от Рязьска до Моршанска. Но строительство этой дороги не давало выхода к Волге – главной водной магистрали империи [2, с. 9].

Параллельно с разработкой продолжения Рязьско-Моршанской дороги шла разработка проекта дороги от Самары до Оренбурга. Сторонником данного строительства выступил Оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский. Положительному решению вопроса о строительстве дороги в немалой степени способствовали стратегические интересы Российской империи в Средней Азии [3, с. 69].

Так как Оренбургская линия начиналась от Батраков, то железная дорога от Моршанска была продолжена до Сызрани с веткой до села Батраки. Современник Петр Владимирович Алабин писал об Оренбургской дороге: «Наконец, этот же 1876 год ознаменовался в Самарском крае открытием движения по Оренбургской железной дороге после освящения оной, совершенного 31 декабря, – событием, долженствующим сделаться эрой в истории нашего города и края» [4, с. 178].

Дальнейшее строительство железной дороги от Самары на восток страны было тесно связано со строительством Транссибирской железной дороги. С 50-х годов XIX стали рассматриваться варианты проведения рельсового пути в Сибирском направлении. С ними выступали русские деятели и представители иностранного капитала [5, с. 11]. Однако дорога не была построена из-за начавшейся русско-турецкой войны 1877-1878 годов.

К вопросу о Сибирской железной дороге вернулись в начале 80-х годов XIX века. В 1884 году были определены 3 направления будущей Сибирской железной дороги: 1) Нижний Новгород – Казань – Екатеринбург – Тюмень; 2) Самара – Уфа – Екатеринбург – Тюмень; 3) Самара – Уфа – Златоуст – Челябинск [6, с. 33].

Представители нижегородского купечества активно выступали за проведение дороги от Нижнего Новгорода до Екатеринбурга. В то же время самарский губернский деятель Петр Владимирович Алабин указывал на преимущества проведения дороги через Самару. Алабин предполагал, что самарское направление даст широкое развитие горнозаводской промышленности Урала [7, с. 9] и будет способствовать колонизации Уфимской губернии и южных пространств Западной Сибири [7, с. 12].

2 января 1885 года Комитет министров принял решение, что головным участком транзитного Сибирского пути будет, в пределах Европейской России, дорога Самара – Уфа – Златоуст [8, с. 216]. 25 января 1885 года правительство утвердило постройку Самаро-Уфимского участка. 8 сентября 1888 года строительство железнодорожного пути от Кинеля до Уфы было завершено. Ровно через два года к Самаро-Уфимскому

железнодорожному пути был присоединен вновь построенный участок Уфа – Златоуст, после этого дорога стала называться Самаро-Златоустовской [9, с. 31].

Еще в 1886 году местные власти Екатеринбурга и Перми ходатайствовали о продолжении линии [10, с. 319]. Комитет министров принял решение продолжить железную дорогу от Златоуста до Миасса. 4 февраля 1891 А. Я. Гюббинет внес в Комитет министров новое представление, в которой говорилось, что необходимо произвести постройку железной дороги от Миасса до Владивостока. Уже 22 октября 1892 года открылось движение на участке Златоуст – Челябинск.

1 января 1893 году была выкуплена в казну частная Оренбургская железная дорога. Причины выкупа этой дороги были преимущественно экономического свойства [8, с. 106]. Оренбургская железная дорога была присоединена к Самаро-Златоустовской железной дороге и дорога стала называться «Самаро-Златоустовской с Оренбургской ветвью» [9, с. 31].

Таким образом, строительством Самаро-Златоустовской железной дороги государство преследовало экономические, политические и стратегические цели. В рассмотрении проектов постройки дороги принимали активное участие региональные власти и предпринимательские круги. До 1908 года дорога оставалась единственным железнодорожным путем из Европы в Азию.

Библиографический список

1. Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1999.
2. Имена и судьбы. Начальники Куйбышевской железной дороги / под ред. А. С. Левченко. Самара, 2008.
3. Сорокин Ю.К. Создание Самаро-Златоустовской железной дороги // Краеведческие записки. Вып. 2. Куйбышев., 1971.
4. Алабин П.В. Самара 1586-1886 гг. Самара., 1991.
5. Зензинов Н.А. Строительство магистрали: идеи, предложения, проекты // ЖД транспорт. 1991. № 5.
6. Катикман А.А. Железные дороги 1825-1925. СПб., 1925.
7. Алабин П.В. Записка о Сибирской железной дороге Самаро-Уфимского направления. Самара, 1884.
8. Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика по документа Архива Комитета министров. Т.3. СПб., 1902.
9. Навстречу новому веку / под ред. Д.С. Сугака. Куйбышев, 1974.
10. Исторический очерк развития железных дорог в России с их основания по 1897 год. Вып., 2. СПб., 1898.

ПОМОЩЬ ЖЕРТВАМ НЕУРОЖАЯ 1911 ГОДА В МАТЕРИАЛАХ ЦГАСО

Голод как бедствие, охватывающее значительную часть населения России, в начале XX в. был распространенным явлением. Этот факт нельзя не признать, какую бы сторону мы ни приняли в споре о том, есть ли географическая предопределенность у подобных проблем и бедствий в российской истории, или за ними стоят преимущественно социальные причины [5, с. 88-90].

Не избежало этого бедствия и Самарское Поволжье, несмотря на богатые и до конца еще не освоенные земли. Расширение запашки и хищническое использование плодородных земель способствовали сельскохозяйственному кризису. Почвы истощались, зависимость земледельца от климата и погоды становилась зловещей, что показали участвовавшие неурожаи [1, с. 255].

Необходимость очередной помощи населению в продовольственных и медицинском вопросах возникла в 1911 г., когда Поволжье вновь оказалось в эпицентре неурожая. Значительную часть трудов и расходов по ликвидации бедствия приняли на себя государственные органы управления. По официальным данным, к 15 мая 1912 г. на продовольственные нужды правительство израсходовало 22 млн. руб., на организацию общественных работ — 6,8 млн. руб., на продовольственные ссуды — 4,7 млн. руб., на организацию общественных столовых — 620 тыс. руб. При этом выяснилось, что неурожай 1911 года был равен тяжелейшему недороду 1906 года [7, с. 135].

Несмотря на действия властей, ликвидировать последствия неурожая, опираясь только на административные ресурсы, не представлялось возможным. Дополнительные средства и людские силы предоставили общественные организации, а также частные лица. Этому способствовало то, что в начале XX в. в России уже сформировались основные элементы гражданского общества, в том числе «масса добровольных общественных ассоциаций» [6, с. 124].

Из добровольных ассоциаций в чрезвычайных ситуациях (войны, природные катастрофы, стихийные бедствия) особую роль играло Российское общество Красного Креста (РОКК). Красный крест получал существенную поддержку одновременно и общественности, и власти, а потому мог проводить в начале XX в. акции общероссийского и международного масштаба [8].

К известным сведениям о преодолении последствий неурожая 1911 года следует привлечь новые источники, в которых описывается помощь

пострадавшим районам. Такие источники содержит фонд 183 «Самарское местное управление Российского Общества Красного Креста (1877–1917)» Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО), в том числе дело об оказании населению врачебно-питательной помощи. Наиболее ценным документом в этом деле является «Описательный отчет о деятельности Самарского местного управления РОКК по врачебно-питательной кампании в Самарской губернии по случаю неурожая хлебов и трав 1911-1912 гг.» Из отчета следует, что Главное управление РОКК просило Самарское местное управление сообщить соображения о размере необходимой помощи пострадавшему населению и план организации этой помощи. При разработке данного плана следовало иметь в виду, что врачебно-питательная помощь должна оказываться исключительно больным детям и старикам [2, л. 81].

Основная часть отчета состоит из данных о деятельности в Самарской губернии врачебно-питательных отрядов. В нем сообщается, когда отряды начали и закончили свою деятельность, сколько дней проработали, сколько столовых и амбулаторий в различных селениях ими было открыто, сколько обедов выдано, сколько осмотров больных было сделано.

Также в данном фонде интерес представляет «Дело Самарского местного управления Российского общества Красного Креста о поступивших пожертвованиях». В нем собраны квитанции о пожертвованиях в пользу голодающих жителей Самарской губернии, а также сообщения о мероприятиях, сборы при проведении которых также шли на дело борьбы с неурожаем [3]. Благодаря рассмотренному фонду в целом, формируется более полное представление о деятельности Самарского местного управления РОКК в условиях преодоления последствий неурожая 1911 года.

Сведения, полученные из рассмотренного фонда местной организации Красного Креста, можно дополнить документами ЦГАСО из фонда 663 «Канцелярия Самарского Губернского Предводителя Дворянства (1851-1917)». Дело в том, что РОКК взаимодействовало не только с правительственными учреждениями, но и с органами сословного самоуправления, особенно с дворянскими. В этом фонде имеются материалы о продовольственной помощи населению, полученной за счет сбора средств дворянской корпорацией, в том числе во взаимодействии с общественными организациями, включая РОКК.

Например, об этом свидетельствует «Дело о собрании сведений о продовольственной нужде населения Самарской губернии, пострадавшего от неурожая». В нем достаточно подробно представлены сведения о том, какая помощь оказывалась по уездам, сколько средств было переведено, количество пострадавших селений, какие вещи, предоставлялись пострадавшим и т.п. [4].

На основании выявленных документов становится еще более очевидным, что в 1911-1912 гг. Красный Крест взял на себя значительную часть трудов по борьбе с последствиями неурожая в Самарской губернии, как и по России в целом. Также им были привлечены значительные средства, полученные в основном из добровольных пожертвований.

Подводя итог, можно сказать о том, что рассмотренные выше документы имеют особую ценность для истории Самарского края и России в целом. Их сведения могут помочь при дальнейших исследованиях социальных, хозяйственных, демографических причин, последствий и результатов преодоления неурожая 1911 года.

Библиографический список

1. Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) / под ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара: Самар. отд. Литфонда, 2007. 328 с.
2. ЦГАСО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 52.
3. ЦГАСО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 64.
4. ЦГАСО. Ф. 663. Оп. 1. Д. 77.
5. Миронов Б.Н. Кто виноват: природа или институты? (Географический фактор в истории России). Статья 2 // Общественные науки и современность. 2015. № 1. С. 83-99.
6. Миронов Б.Н. Развитие гражданского общества в России в XIX – начале XX века // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 110-126.
7. Чирков М.С. Земство и власть в Российской империи. 1890-1916 (по материалам Самарской губернии). Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2006. 182 с.
8. Артамонова Л.М. Организация в Самарской губернии помощи жертвам войны 1912-1913 годов на Балканах // Наука и культура России. 2013. Т. 1. С. 12-15.

М.О. Самуилова

Самарский национальный исследовательский университет

ВЛИЯНИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО БАНКА СССР НА РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ В 20-Е ГОДЫ XX В.

После окончания Гражданской войны народное хозяйство находилось в глубоком кризисе. Задачи восстановления экономики страны требовали возрождения банковской системы. В период нэпа предполагалось создание единого банка – Государственного банка СССР. Неоднородность экономики и наличие частного сектора в стране требовали создания банков разного назначения. С 1922 по 1925 гг. была создана сеть специальных банков, каждый из которых кредитовал определенную отрасль хозяйства. Важное место среди них занимал Промышленный банк СССР.

12 сентября 1922 года состоялось совещание представителей промышленности в Москве по вопросам организации Промышленного банка.

Одним из инициаторов создания банка был член Президиума ВСНХ РСФСР Краснощеков А.М., который впоследствии занял должность председателя правления [1, л.11]. Он выступил с докладом «О роли и значении для дальнейшего развития промышленности Промышленного банка». На совещании было принято решение открыть банк с 15 октября 1922 г. [1, л.1].

Акции банка были приобретены нефтяным и угольным синдикатами, текстильной промышленностью, ВСНХ и Промбюро, а также кожсиндикатом, и сахаротрестом [1, л. 2-3]. Причем предприятия могли оплатить стоимость акций товарами, так как не хватало наличных денег [1, л. 6].

В первые же годы работы Промбанка операции по кредитованию развивались быстрыми темпами. Важно подчеркнуть, что промышленный банк СССР выдавал кредиты отраслям как легкой, так и тяжелой промышленности: топливной, металлургической, горной, химической, силикатной, лесной, бумажной, текстильной, кожаной, пищевкусовой, электротехнической, электроснабжению, а также торговле.

Одним из направлений деятельности Промышленного банка СССР было накопление средств от промышленности регионов. Для этого Промбанк СССР открывал свои филиалы на Урале, в Сибири, в Поволжье, на Северном Кавказе и Украине, Туркестане [2, с. 55]. Промбанк мог открывать свои филиалы явочным порядком без разрешения Народного комитета финансов [3, с. 134]. Процентные ставки в филиалах банка по активным операциям не расходились со ставками Правления. В случае необходимости изменения этих цифр филиалы должны были ходатайствовать перед Правлением банка [5, л. 15(об.)-16]. Работа по инструктированию и систематическому руководству в филиалах осуществлялась инспекцией, путем ревизии их деятельности [4, л. 21].

9 мая 1923 г. на совещании Правления Промбанка с ответственными представителями Государственной промышленности было принято решение об увеличении объемов кредитования государственной промышленности и облегчении условий предоставляемого предприятиям кредита [1, л. 12].

В результате деятельности Промышленного банка СССР его акционерный капитал на 1 октября 1924 г. составлял 31,6 млн. руб., а на 1 октября 1925 г. основной капитал банка достиг 63,7 млн. руб. [6, с. 82].

Спецбанки, не имея достаточных ресурсов для удовлетворения кредитных заявок своих клиентов, пользовались кредитом в Госбанке для расширения своих активных операций. Промбанк в этот период сумел

снизить свои задолженности Госбанку. Крупный приток средств на текущие счета давал возможность Промбанку не только укрепить свои резервы, но и улучшить кредитование промышленных предприятий.

В 1926 году Советский Союз вступил в период индустриализации всего народного хозяйства. Перед кредитными учреждениями встали новые задачи: мобилизация денежных ресурсов на развитие народного хозяйства, перераспределение их в пользу тяжелой индустрии. Развитие активных операций банка происходило форсированно, опережая развитие пассивных операций. Все свободные средства и накопления были направлены не на увеличение основного капитала, а на кредитование промышленных предприятий, в первую очередь отраслей тяжелой промышленности. И тем не менее банк продолжал уделять внимание легкой промышленности. [7, с. 79].

В этот период Промбанк был вынужден брать кредиты в Госбанке. В существующих условиях между специальными банками возникла рыночная конкуренция за вклады и текущие счета. Каждый банк стремился достигнуть максимального влияния на хозяйственный оборот средств. В условиях конкуренции стали осложняться взаимоотношения между Промбанком и Госбанком. 27 февраля 1928 г. под председательством Толоконцева А.Ф. состоялось заседание совета Торгово-Промышленного банка СССР, на котором было отмечено, что в 1926-1927 гг. банк работал в тяжелых условиях по двум причинам: промышленность переживала финансовые затруднения и происходила реорганизация кредитной системы [5, л.58]. В выступлениях подчеркивалось, что после размежевания клиентуры Торгово-промышленный банк стал кредитовать только промышленную клиентуру. Это потребовало дополнительных средств. Госбанк ни одной копейки дополнительно не дал. Это указывало на то, что в своей политике Госбанк всячески мешал работе Торгово-промышленного банка [5, л. 60]. Таким образом, сложившаяся система банков была не совместима с общими представлениями о народном хозяйстве, требовалась новая реорганизация.

В течение с 1922 по 1928 годы Промбанк проявлял огромную энергию по выполнению возложенных на него задач. Несмотря на трудности, вызванные переходом от нэпа к индустриализации, Промбанк добросовестно выполнял свои обязательства и тем самым способствовал развитию экономики СССР.

Библиографический список

1. Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 1880. Оп. 1 Д. 15.
2. Шиша А.А. Работа Промбанка // Кредит и хозяйство. 1925. №1. С. 54-56.
3. Мехряков В.Д. Развитие кредитных учреждений в России. М.: Дека, 1996.

4. РГАЭ. Ф.1880. Оп. 1. Д. 114.
5. РГАЭ. Ф.1880. Оп. 1. Д. 10.
6. Гиндин И.Ф. Промбанк в 1924–25 году // Кредит и хозяйство. 1926. №1. С. 82–87.
7. Шиша А.А. Промбанк в IV квартале // Кредит и хозяйство. 1925. №7. С. 78–79.

М.Д. Новиков

Санкт-Петербургский государственный университет

ВИЗУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ РЕАКЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ДЕНЕЖНУЮ РЕФОРМУ 1947 Г. В СССР

Глаза — один из наиболее важных каналов восприятия информации человеком. «Визуальным объектам приписывалась особенная символическая власть, как и процессу их созерцания и манипуляции с ними, — словно бы изображения становились активным элементом, влияющим на жизнь реальных людей». [1, с. 10] Художественный образ всегда имеет под собой определенную идею, которую надо донести до зрителя. С этими идеями можно работать и задавать так, как нужно представителям власти.

Именно так и происходит во время подготовки и проведения денежной реформы 1947 года в СССР. Визуальное подкрепление позитивных успехов политики советского правительства способствовало формированию положительного образа власти в сознании советских людей, а также было нацелено на усиление доверия людей к действиям власти.

Для анализа идей, которые транслировались органами власти, необходимо проанализировать средства получения визуальной информации. Полезные сведения нам могут предоставить материалы периодической печати, плакаты, карикатуры, а также наклейки на спичечных коробках.

Плакатное искусство того периода изобиловало образами противостояния, борьбы, героизма и силы. Объяснение этого явления находится прямо на поверхности — прошло всего 2 года после Великой Отечественной войны, в обществе повышаются патриотические настроения, создается образ «народа-победителя». Работа с этим образом ведется и в массовой пропаганде.

Чтобы привлечь внимание к реформе использовались плакаты экономического содержания.

Разновидностью плакатного искусства выступают наклейки на спичечных коробках. Предмет, используемый в повседневной жизни, всегда находится под рукой, соответственно повышает вероятность быстрого закрепления и усвоения предлагаемой идеи, и как следствие, возможность воплощения идеи населением в жизнь.

Из-за своих небольших размеров наклейки обладают малым набором изобразительно-выразительных средств, в художественном плане. Однако при небольшом размере получаются интересные формы выражения мысли. Например, активно используются лозунги: «Выгодно хранить сбережения в облигациях государственного 3% внутреннего выигрышного займа» [2], «Приобретайте облигации займа!», «Надежно, выгодно, удобно хранить деньги в сберегательной кассе» [3], «В сберкассе денег накоплю, вещей хороших накоплю», «Хранить деньги в сберегательной кассе выгодно Вам и государству». Мы наблюдаем, что государство снова активно продвигает идеи о совместном ведении экономической деятельности. Государство не может обойтись без поддержки населения. Но населению нужны определенные условия, чтобы эту поддержку оказать. Тем самым, правительство создает условия – население помогает государству при помощи финансов. Идея внедрена – остается ожидать эффект.

Экономическая пропаганда не ограничивалась только освещением проблемы сохранения денег в сберегательных кассах, но также и обращала внимание на ряд других важных вопросов. Одним из таких можно выделить вопрос организации торговли, налаживанию отношений между продавцом и покупателем. Перед пропагандистами стояли следующие задачи: доказать всему обществу, что советская торговля самая честная и культурная, население не испытывает недостатка товаров, создать негативное отношение к теневой торговле и вывести таких торговцев на чистую воду через общественное порицание.

После публикации постановления о проведении денежной реформы 1947 года в СССР, в корректировку проводимой политики и поддержание образа правильности денежной реформы для государства включается сатирическая печать. Особенно показательной будет информация, печатаемая в журнале «Крокодил». Выпуск №1 за 1948 год целиком и полностью был посвящен денежной реформе. Это мы можем понять с самой обложки журнала [4, обложка].

Нельзя отрицать тот факт, что периодическая печать внедряла позитивные идеи важности и необходимости денежной реформы, как большой шаг на пути к светлому будущему. Корректировка проходила также и в визуальной пропаганде. Если ранее мы отмечали, что художники в плакатных формах акцентировали внимание на важных элементах экономики, таких как, например, сберкнижки, то теперь эти элементы представлялись как что-то неотъемлемое и привычное.

«Сработал эффект показного “изобилия”» [5, с. 58]. Тем самым мы понимаем, что правительство ведет манипулятивную политику, чтобы сделать слабые и негативные стороны реформы максимально незаметными. При этом сглаживание проблем и формирование позитивной информационно-картины облегчало принятие реформы. Позитивная реакция на СМИ укрепляла веру в то, что проблемы решаются правительством и власть поддерживает доверие к себе.

Библиографический список

1. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. «Глазной советский человек»: правила (подо)зрения // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / Под редакцией Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 10.
2. Спичечные наклейки в СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.savok.org/predmetry/1144-spichenye-naklejki-v-sssr.html>
3. Matchboxes [сайт] – Режим доступа: <http://www.matchboxes.narod.ru/>.
4. Крокодил. №1. М., 1948.
5. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946-1947: Происхождение и последствия. М., 1996.
6. Гузенина С.В. Визуальный образ как форма репрезентации // Журнал научных публикаций «Дискуссия». № 8 (16) октябрь 2011. С. 124-127.
7. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul49.htm>. Дата обращения.: 02.10.2014.

И.В. Пономаренко

*Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия*

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС МАЛЫХ ГОРОДОВ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ-ФРОНТУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Накануне войны все большую роль в промышленном развитии страны играли «малые города» Куйбышевской области. Особенно быстрыми темпами развивались города областного подчинения (Чапаевск, Ульяновск, Сызрань, Кинель, Мелекес (ныне Димитровград)). Наиболее проблемной стороной развития промышленности городов в годы довоенных пятилеток являлась отсутствие комплекса мероприятий по развитию производств [1, л. 4].

Сразу после начала войны в Ульяновске был создан городской комитет обороны, эвакуационный совет, была организована противовоздушная оборона моста и завода имени Володарского и появилось бюро учета рабочей силы. Заранее, на случай бомбардировок, строились укрепления. Уже к 15 сентября по городу были установлены громкоговорители и электросирены. Нашлось в городе место и для гостей – в Ульяновскую область были эвакуированы 15 промышленных предприятий.

Эвакуированные предприятия быстро перепрофилировались. Так, например, витебская чулочно-трикотажная фабрика стала выпускать армейское белье и брезентовые мешочки для узлов минометов.

В сфере оборонного производства за период войны в регионе накоплен значительный опыт. Один из наиболее ярких примеров — Ульяновский патронный завод, сыгравший большую роль в обеспечении вооруженных сил страны во всех войнах и конфликтах XX века, в том числе в период мировых войн. Так, в годы Великой Отечественной войны завод бесперебойно снабжал Советскую армию боеприпасами. По оценкам специалистов, в самый трудный период войны ульяновские патроны обеспечивали едва ли не каждый выстрел по врагу из стрелкового оружия [2].

В 1941 году начался новый этап истории Ульяновска и всего региона как одного из центров оборонной отрасли страны. Важнейшая роль в этом принадлежит решениям, принятым руководством СССР в начале Великой Отечественной войны. В Ульяновск был эвакуирован ряд предприятий военно-промышленного комплекса страны. Именно они в короткие сроки сформировали мощный оборонный потенциал региона. На базе эвакуированных Московского НИИ-12, Ленинградского приборостроительного завода №278 и Вяземского приборостроительного завода №280. Первая очередь завода была пущена в сентябре 1941 года, в один из самых напряженных моментов Великой Отечественной, когда враг рвался к Москве и окружал Ленинград. Всего за годы войны фронт получил более 300 тыс. авиаприборов, изготовленных в Ульяновске. По соседству с приборостроительным заводом, на одной из центральных улиц (Карла Маркса) Ульяновска, был размещен эвакуированный из Харькова завод имени И.В. Сталина (ныне — «Контактор»). С 1942 года предприятие выпускало различное электрооборудование, а затем и комплектующие для гвардейских минометов — знаменитых «Катюш». В город также было вывезено оборудование Киевского и Московского заводов контрольно-измерительных приборов. На их основе с марта 1942 года Ульяновский завод КИП №10 изготовлял полный комплект прицела к миномету МП-82. Прибывший в Ульяновск из г. Ахтырки литейно-механический завод №11 в 1941–1942 годах был единственным в стране предприятием, выпускавшим предохранительное и линейно-кабельное оборудование для связи [3].

Самым крупным эвакуированным предприятием стал автомобильный завод имени И.В. Сталина из Москвы. Руководители и работники будущего Ульяновского автозавода (УАЗ) прибыли в город 20 октября 1941 года. В 1942 году УАЗ выпустил свою первую продукцию — авиационные снаряды. Также освоили производство грузовых автомобилей ЗИС-5, которые сыграли свою роль в боях за Ленинград и другие города, эвакуировали блокадников по Дороге жизни. В разгар Великой Отечественной войны, в 1943 году, была образована Ульяновская область —

важнейший центр советской оборонной промышленности, внесший огромный вклад в Великую Победу.

Всего же за годы войны в Ульяновске прибыло и разместилось 15 промышленных предприятий, несколько наркоматов, ряд правительственных учреждений союзного значения. На базе Воронежского государственного меди цинкового и государственного зоотехническо-ветеринарного институтов в 1943 году был образован Ульяновский сельскохозяйственный институт. В военные годы Ульяновск стал пристанищем для многих и многих людей, чьи имена широко известны в нашей стране и за рубежом. Один из них – Андрей Дмитриевич Сахаров – виднейший советский физик, участвовавший в разработке и создании водородной бомбы, ставший позднее правозащитником, крупным общественным деятелем. В Ульяновске он работал после окончания Московского университета в конструкторском бюро завода имени Володарского.

19 января 1943 года, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР, была образована Ульяновская область. В нее вошло 26 районов, ранее находившихся в составе Куйбышевской и Пензенской областей.

Промышленный потенциал области, включая Ульяновск и Мелекесс, составляли 69 предприятий союзного значения, 43 предприятия республиканского и 45 предприятий областного значения.

В Мелекессе находилось несколько крупных хлебоперерабатывающих предприятий, льнокомбинат и небольшой механический завод.

В годы войны была решена основная задача – Ульяновские заводы стали важным звеном новой испытательной подотрасли промышленности боеприпасов.

Библиографический список

- 1.РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 358. Л. 4.
- 2.Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИУО) Ф.13. Оп. 1. Д. 2085. Л.57.
- 3.Областное государственное учреждение Государственный архив Ульяновской области (ОГУ ГАУО) Ф.Р. 2417.Оп.2. Д.89-95.
- 3.Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 8585. Оп. 3. Д. 7, 8.

СЕКЦИЯ II. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ РОССИИ

Д.М. Мифтеева

Оренбургский государственный педагогический университет

БОРЬБА С ЭПИДЕМИЕЙ АЗИАТСКОЙ ХОЛЕРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ 1829 – 1830 ГГ.)

В 1826 г. на территории Индии началась вторая волна эпидемии Азиатской холеры. Всего за три года пройдя через Афганистан, Бухару и Хиву эпидемия в 1829 г. проникла в Оренбург, откуда, в течение нескольких лет распространилась по всей России. Властям, а также населению Оренбургской губернии пришлось впервые встретиться с наиболее опасным эпидемическим заболеванием. «И населению и обществу холера была совершенно незнакома; из эпидемических, опустошительных болезней была известна только чума, да и та понаслышке, ибо ее никогда не было в Оренбургском крае» [1, с. 36]. Изучение мер, принятых администрацией Оренбургской губернии в условиях распространения Азиатской холеры, представляет особый интерес тем, что это был один из первых опытов, как для властей, так и для населения края, по внедрению карантинного устава в начале XIX века.

Появление холеры в г. Оренбурге потребовало от администрации губернии принятия ускоренных и в то же время эффективных мер по предотвращению распространения инфекции и последующей борьбы с ней. 29 августа 1830 г. в г. Оренбурге была образована Центральная комиссия по борьбе с холерой. Положение об образовании данной комиссии было утверждено на основании доклада МВД, Императором Николаем I. Центральная комиссия была создана для координации действий всех местных противоэпидемических органов, начальником комиссии был назначен граф А. А. Закревский, в распоряжение которого было отпущено 100000 рублей [2, с. 86]. «Действия данной комиссии распространялись на Саратовскую и Астраханскую губернии, Кавказскую область, область Войска Донского и соседние с ними губернии и области» [1, с. 225]. 14 сентября председатель Центральной комиссии граф А. А. Закревский издал циркуляр «Об учреждении в пораженных эпидемией губерниях губернских и уездных комитетов по борьбе с холерой, к которым перешло руководство по борьбе с эпидемией» [1, с. 228]. Пораженные холерой уезды были разделены на кварталы, за каждым кварталом был закреплен смотритель из местных дворян или отставных чиновников. В обя-

занности этих зрителей входило: наблюдение за исполнением постановлений изданных комитетом, доводить до сведения комитетов о злоупотреблениях и неисправностях в исполнении требований карантинного устава, также о ходе эпидемии [1, с. 228]. Комитеты в Оренбургской губернии просуществовали до 1831 г., упразднение было связано не только с окончанием «первой волны» эпидемии, но так же в свете не эффективности их работы в условиях распространения эпидемии. 29 декабря 1831 г. губернатор П. П. Сухтелен издает циркуляр «О злоупотреблениях под предлогом осторожности от холеры» [1, с. 229]. Данный документ был обращен к холерным комитетам и земским судам, в нем указывались меры наказания за различные злоупотребления. В труде врача А. В. Попова «Холера 1829–1833 гг. в Оренбургском крае», подробно описаны случаи данных злоупотреблений. А. В. Попов писал: «В состав комитетов входили разные начальствующие лица, зрители же набирались из людей, какие только попадались под руку; общее им всем было то, что между ними не было ни одного неопороченного лица: тут встречаются полковники, аптекари, штаб капитаны, фельдшеры, чиновники в разных чинах и почти все они без исключения сопровождаются титулом «уволненный от службы». Почти вся земская полиция, исправники, дворянские и сельские заседатели уклонялись по возможности от исполнения своих обязанностей во время холеры – сказывались больными, отговаривались другими делами. Взятничество было обычным и неискоренимым явлением; один из зрителей, дворянин и подполковник, брал с населения, почему то гусями и деньгами, другой вообще продовольствием, которое возами отправлял в свое селение, помельче довольствовались водкой, ассигнациями, иногда, впрочем, попадались и «австрийские империялы» [1, с. 229].

Параллельно с созданием холерных комитетов в Оренбургской губернии вводились и другие меры по пресечению распространения эпидемии, одним из которых являлся карантин. Карантин устанавливался на основе статей 239 и 261 Высочайшего о губерниях положения и указом от 11 января 1771 г. «Наставление о предосторожностях, которые принимать должно в таком месте, где находится моровая язва, для уменьшения бедствий могущих причиняться от оная» [1, с. 70]. По данному «наставлению» по всей губернии устанавливались «кордоны и пикеты, которые содержались большей частью иррегулярными войсками – казаками, башкирами, калмыками, в некоторых местах земской полицией и самим населением в виде натуральной повинности. Снабжение оцепленных мест продовольствием, фуражом, топливом легло на обязанности войскового начальства, земской полиции, кантонного начальства» [1, с. 233]. В оцепленных районах обязательно проводилось окуривание по системе Гитона – Мороро [3, с. 58]. Медикаменты для окуривания населению выдавались бесплатно из государственной аптеки, в г. Оренбурге на тот момент

аптека была одна на всю губернию. В связи с нехваткой средств, в декабре 1829 г. было введено окуривание из смеси серной кислоты и селитры, вместо положенного хлора. Из доклада медицинского совета собранного в г. Уральске под руководством врачебного инспектора Воскобойникова — «Оставить окуривание хлором только для тех помещений, где пребывали холерные больные, в прочих же помещениях более для успокоения жителей, чем для истребления заразы производить окуривание у желающих сжиганием серы или по способу Гитона — Морово» [1, с. 218].

Таким образом, появление «новой гостьи» выявило проблемы, на которые губернские власти уделяли наименьшее внимание. Медицина оказалась совершенно не обеспеченной и не подготовленной к такой многолетней борьбе. Также не была подробно разработана система контроля над проведением противоэпидемических мероприятий на местах, где алчность и страх некоторых чиновников и уполномоченных лиц затмевали здравый смысл, в результате население края страдало от неконтролируемых поборов и коррупции, а эпидемия продолжала свое шествие по губернии. Но, в общем, проведенные противоэпидемические мероприятия оказались довольно действенными, главную цель они выполнили, к 1833 г. Оренбургская губерния была свободна от Азиатской холеры.

Библиографический список

1. Попов А.В. Холера 1829—1833 годов в Оренбургском крае // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1910.
2. Собрание актов и наблюдений, относящихся к холере, бывшей в конце 1829 и в начале 1830 годов в Оренбургской губернии // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1836.
3. Золотницкий В.Н. Азиатская холера. Причины ее, пути распространения и меры борьбы с нею. Нижний Новгород, 1919.

М.Ю. Мухортов

Самарский государственный институт культуры

ОПОЛЧЕНИЕ 1855-1856 ГГ. В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ И СВЕДЕНИЯ О НЕМ В ЦГАСО

«Государственное подвижное ополчение» — таково официальное название ополчения периода Крымской войны, которое заметно отличалось от народного ополчения 1812 года. Первое отличие заключалось в том, что оно не успело оказать заметного действия в боях из-за позднего созыва. Другое его отличие состояло, как считают некоторые историки, в том, что патриотический подъем тех лет был намного ниже, чем во время Отечественной войны 1812 года [1].

Возможно, именно по этим причинам ополчению 1855 года не уделяется должного внимания. Как правило, один и тот же небольшой набор

сведений о созыве и составе ополчения повторяется в обобщающих трудах [3, с. 251] и учебных пособиях по истории Самарского края [7, с. 251].

Впрочем, есть иная традиция в исторической науке, которая предпочитает «констатировать новый общественный подъем» в годы Крымской войны, «усилившийся после ее окончания» [5, с. 99]. Это замечание подерживается в современных региональных исследованиях применительно к жителям Самары и самой молодой в Российской империи Самарской губернии, которая была образована 1 января 1851 г. [6, с. 6-7]. На примере созыва ополчения этого региона сделан схожий по содержанию вывод, что «в годы Крымской войны, особенно на ее исходе, обозначился подъем в общественной жизни», который «облегчил выход из войны и создал благоприятный фон и опору для проведения кардинальных реформ» [2, с. 505].

В данном сообщении мы попытаемся указать на архивные источники об ополчении в Самарской губернии, которые могут дополнить наши знания по данному вопросу, поскольку часть из них еще не введена в научный оборот. В первую очередь такие источники находятся в фондах Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО), прежде всего в фонде 629 Самарского губернского комитета государственного ополчения 1855-1856 годов.

Из этого фонда можно почерпнуть такие сведения, как места формирования дружин самарского ополчения, их количество и численность. Как видно, центрами их формирования были все уездные города Самарской губернии и некоторые другие крупные населенные пункты, а также сама Самара. Самарское ополчение составили 12 дружин с порядковыми номерами от 312-й до 323-й. По численности каждая дружина состояла из 1112 человек.

В этом фонде присутствует весьма информативная переписка между лицами, назначенными на должности начальников дружин, и гражданским губернатором Самарской губернии К.К. Гротом. Для примера можно привести письмо губернатора к Петру Васильевичу Нагаткину о назначении последнего таким начальником: «Милостивый государь Петр Васильевич! В экстраординарном собрании Самарского дворянства по случаю созыва Государственного ополчения [...] Вы избраны начальником Бугурусланской дружины № 321 [...] Я имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, в ожидании высочайшего приказа о вашем назначении, прибыть заблаговременно в сборный пункт и приступить как к приему ратников, так и к распоряжению по формированию и обмундированию вверенной вам дружины» [8, л. 4 и об].

Очень подробно расписывались указания к приему имущества ополчения, например, топоров и лопат, у поставщиков. Предписывалось принимались топоры и лопаты из хорошего железа, лезвия которых должны были быть сделаны из стали а рукоятки из кленового дерева [8, л. 8-10].

Из документов видно, что далеко не все предметы проходили приемку из-за ненадлежащего качества. Можно сделать вывод, что к оснащению ополчения подходили очень серьезно.

В равной степени очень строгие требования предъявлялись к обмундированию ратников ополчения. Строгий перечень определял что, как и из какого материала должно быть пошито как для ратников, так и для кадровых армейских чинов, прикомандированных к ополчению. При этом указывались закупочные цены, по которым следовало принимать материалы у поставщиков.

Ополчение располагалось на квартирах у жителей тех мест, где оно находилось. Жители также снабжали ратников провиантом, который им оплачивался из средств дружины, по поводу чего составлялась взаимная документация об отсутствии претензий у ополченцев и местного населения друг к другу [9, л. 11-18об.].

Самарская казенная палата исправно снабжала дружины денежными средствами на закупку необходимых предметов. Эта обязанность безукоснительно выполнялась, несмотря на то, что городу постоянно требовались средства на восстановление после крупных пожаров, которые следовали буквально один за другим. Историки недаром подчеркивают: «После памятного пожара 1850 г. уже в губернском ранге город дважды подряд опустошался 12 мая 1854 и 10 июня 1856 годов» [4. с. 207].

Из предоставленных материалов можно сделать вывод о том, что по теме Самарского ополчения периода Крымской войны имеется множество интересных архивных документов. Эти источники раскрывают малоизученные стороны данной темы.

Библиографический список

1. Артамонова Л.М. Активизация самарского общества в годы Крымской войны и начале правления Александра II // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Самара: СГИК, 2015.
2. Артамонова, Л.М. Крымская война и общественная жизнь в Самарском крае // История и культура страны-победительницы: к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне: труды Междунар. науч. конф. Самара: СГАКИ; Поволж. фил. ИРИ РАН, 2010. С. 492-507.
3. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века / ред. Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов. М.: Наука, 2000. 287 с.
4. История Самары (1586-1917 гг.) / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2015. 480 с.
5. Самоорганизция российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. М.: РОССПЭН, 2011. 887 с.
6. Смирнов Ю.Н. «Юрьев день» губернского масштаба. Отмена проверки паспортов в Самаре в начале 1850-х гг. // Центр и периферия. 2012. № 1. С. 4-9.
7. Храмов Л.В. Самарский край в судьбах России. Самара, 2006. 365 с.
9. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 692. Оп. 1. Д. 5.
10. ЦГАСО. Ф. 692. Оп. 1. Д. 19.

**ДЕЛО III ОТДЕЛЕНИЯ 1869 Г. О НЕИЗВЕСТНОМ СПИСКЕ
СОЧИНЕНИЯ ДЕКАБРИСТА М.С. ЛУНИНА
«ВЗГЛЯД НА ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ»**

В 1860-е гг. в российском обществе, в сравнении с правлением Николая I, резко возрос интерес к различным оппозиционным и революционным идеям, и хотя III отделение – главный орган политического сыска империи – стремилось контролировать поток «крамольных» сочинений и публикаций, иногда источники этих текстов так и оставались невыясненными. Небольшой пример нераскрытой истории представляло дело 1869 г. о распространении среди студентов Московского университета брошюры «Взгляд на тайное общество в России», посвященной истории декабристского движения.

Осенью 1869 г. некоему агенту III отделения попала в руки копия этой брошюры на русском языке; по его сведениям, автором сочинения (первоначально написанном на французском языке) был проживавший в Москве декабрист Д.И. Завалишин, а перевод осуществили местные университетские студенты [1, л. 1]. С 1863 г. Завалишин действительно проживал в Москве, будучи высланным из Сибири за критику местных властей: согласно справке III отделения, еще с 1860 г. он писал в Сибирский комитет и другие органы власти «доносы на действия местных начальств» и «жалобы на местную цензуру» [1, л. 13]; также с конца 1850-х гг. декабрист опубликовал ряд критических статей о сибирских делах в «Морском сборнике», «Вестнике промышленности» и других печатных органах [см., напр.: 2, с. 120-136]. Деятельность Завалишина в Москве в 1860-е гг. заметна разве что просветительской работой в Московском комитете грамотности [2, с. 138-139]. Сведений о распространении им запрещенной литературы до нас не дошло. Вероятно, Завалишин и не стремился к этому, находясь в непростой финансовой зависимости от властей: вследствие своего материального положения он обращался в III отделение с просьбой о денежном пособии [1, л. 14; 2, с. 137].

Московское губернское жандармское управление, получив распоряжение установить авторство брошюры, 29 ноября 1869 г. сообщало в столицу, что, согласно данным одного московского книготорговца, близко знакомого с Завалишиным, подобной брошюры он написать не мог. Автором же, как «положительно определял» источник сведений, «должен быть» проживавший в Петербурге М.А. Антонович, известный литературный критик. Неясно, насколько подробно жандармское управление представляло себе его деятельность: литератора в донесении обличали в «тайном сношении с Герценом», принадлежности к «польскому обществу» и воздействию на молодое поколение антиправительственными идеями, а его фамилию поначалу и вовсе записали как «Антоновс-

кий» [1, л. 16-16 об.]. На этом донесении короткое дело о распространении брошюры заканчивается. Отметим, что между распоряжением III отделения в московское жандармское управление (21 октября 1869 г.) и получением ответа (2 декабря 1869 г.) прошло почти полтора месяца: если бы за это время были выявлены новые факты, то соответствующие документы точно бы оказались в деле. Судя по всему, следствие просто сошло на нет и по причине маловажности истории, и из-за разгоравшегося в эти месяцы «нечаевского дела».

Кто же был автором сочинения? Сопоставление писарской копии брошюры [1, л. 2-10] с одноименным текстом декабриста М.С. Лунина не оставляет сомнений в его авторстве. «Взгляд на русское тайное общество с 1816 по 1826 года» был написан Луниным в сентябре 1838 г. во время ссылки в селе Урик Иркутской губернии и дошел до нас в нескольких авторских списках: два автографа на французском языке были отправлены Луниным своей сестре Е.С. Уваровой в 1839 г., один черновой вариант, также на французском, был изъят у Лунина при аресте в 1841 г. и сохранился в архиве III отделения. Также известно несколько копий, сделанных другими декабристами [3, с. 402-403].

Однако ни Завалишин, ни другие декабристы не были причастны делу 1869 г. Аргументов в пользу «петербургского следа», выведившего на Антоновича, также нет. Текст списка практически полностью совпадает с русским переводом «Взгляда», опубликованным в 1859 г. в пятой книге альманаха «Полярная звезда» [4, с. 231-237]. Различия несущественны: отсутствуют даты в заголовке, несколько фраз, а также последний абзац. Текст «Взгляда», опубликованный в герценовском издании, был переведен с французского языка по просьбе А.И. Герцена публицистом Н.А. Мельгуновым, жившим в это время в Париже [5, с. 114]. Очевидно, что источником текста для списка 1869 г. лично Мельгунов не был: в Москве в 1860-е гг. он жил нерегулярно, умер в 1867 г., а в последние месяцы жизни жил в одиночестве [6, с. 575-576]. Таким образом, копия 1869 г. была сделана с «Полярной звезды» — либо самими студентами, либо людьми из их непосредственного окружения.

Итак, рассмотренное дело показывает, что в конце 1860-х гг. заграничная печать все еще сохраняла определенную популярность среди студенческой молодежи, а отдельные публикации распространялись в рукописных копиях. На фоне активации студенческого движения в 1868—1869 гг. эмигрантская литература, в том числе десятилетней давности, была одним из источников оппозиционных общественных взглядов. Дело также иллюстрирует и характер деятельности политического сыска в России в этот период: несмотря на то, что III отделение имело в своем распоряжении не только экземпляры герценовских изданий, но и оригинал сочинения Лунина, оно не смогло в короткие сроки установить авторство рукописной брошюры и порой основывало свои выводы на непроверенных агентурных сведениях.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. Оп. 1а (Секретный архив). Д. 50.
2. Шатрова Г.П. Декабрист Д.И. Завалишин. Красноярск, 1984.
3. Лунин М.С. Письма из Сибири. М., 1988.
4. Полярная звезда. Журнал А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Кн. 5: 1859 год. М., 1961.
5. Эйдельман Н.Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966.
6. Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. Т. 3. М., 1994.

Ю.О. Егорова

Самарский национальный исследовательский университет

ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ ПЕЧАТИ В РУССКОЙ ЖИЗНИ ВО II ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Политика реформирования, проводимая Александром II, значительно повлияла на положение и значение периодической печати в России. Завершающий период николаевского царствования получил в литературе название «мрачного семилетия» или «эпохи цензурного террора». По контрасту период правления Александра II можно назвать своего рода «оттепелью» для периодической печати XIX в.

Одним из первых выразителей поворота в общественном мнении относительно необходимости перемен был П. А. Валуев, который в своих «Думах Русского» указывал на господство бюрократии, проблемы стеснения мысли, лжи [3, с. 438-439]. Изменения к лучшему в области печати стали заметны раньше, чем в других сферах, так как перемена здесь была, до известной степени, возможна без законодательных мер, всегда требующих немало времени [1, с. 3].

Основным достижением в области печати становится существенное расширение источников информации и ее диапазона. После 1855 г. почти всем столичным газетам была предоставлена возможность обсуждения вопросов внешней и внутренней политики, легче стало получить право на издание новых газет. В 1855-1864 гг. было разрешено к изданию 60 газет, хотя реально в 1865 г. выходило лишь 28 газет [5, с. 49]. Тем не менее, пресса действительно стала количественно расти.

А.В. Блюм указывает на то, что цензура стала либеральней, но при этом по-прежнему была непредсказуемой [2, с. 64]. И это замечание представляется вполне справедливым. Установленный с началом либеральных реформ максимально лояльный режим не мог оставаться неизменным, возникающие объективные условия заставляли искать новые подходы к регулированию свободы слова в обществе. Так, общественно-

политические события 1862 г. (революционные прокламации и польское восстание) обусловили принятие 12 мая 1862 г. «Временных правил о цензуре», которые отменили все постановления, принимавшиеся по этой части с 1828 по январь 1862 г. Однако, судя по всему, этого было не вполне достаточно, и к концу 1862 г. комиссией был выработан проект, по которому вводилась смешанная предварительно-карательная система цензуры.

Основателем нового подхода в организации цензурной политики был уже упомянутый выше граф П.А. Валуев (с 1861 по 1868 гг. — министр внутренних дел). 24 марта 1865 г. общее собрание Государственного совета приняло новый закон о цензуре и печати. Одним из свидетельств возросшего влияния печати в общественной жизни страны было согласие правительства на участие публицистики в обсуждении основных положений цензурного законодательства [6, с. 12]. 6 апреля Александр II утвердил мнение Государственного совета, получившее силу закона в качестве Временных правил о цензуре и печати 6 апреля 1865 г. Г.А. Джаншиев пишет, что история подготовки, составления и применения этого закона представляет много своеобразного и поучительного, так как на подготовительные работы закона о печати ушло целых 10 лет, начиная с 1855 г., причем составлялось несколько проектов, образовалось несколько комиссий [3, с. 436]. Новый закон был шагом вперед во взаимоотношениях власти и журналистики. По нему был открыт путь более прогрессивному виду цензуры — последующей, карательной.

Основание новых газет и журналов не встречало особых препятствий; в течение пяти лет (1865–69) их было разрешено около ста, и многим из них дано право выходить без предварительной цензуры [1, с. 22]. Создавшаяся атмосфера благоприятствовала также наличию и взаимодействию двух журналистик — отечественной и эмиграционной, что становится новым достоянием российской культуры XIX в.

Еще одним стимулом развития журналистики стали события русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которые оказали воздействие на дальнейшее развитие прессы, помогли ей выйти на новый качественный и количественный уровни. Если в 1870 г. было 36 газет общего содержания, то в 1877 г. их стало 51, а в 1881 — 83 [4, с. 136].

Определенная положительная тенденция к развитию военной журналистики в России намечается еще во время Крымской войны (1853–1856 гг.). Но все же, как специальность военная журналистика была освоена уже в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Эта война стала первой, на которую царское правительство допустило корреспондентов — своих и зарубежных. Отныне официальные донесения уже не были единственными источниками информации о войне.

Таким образом, происходившие в царствование императора Александра II существенные изменения во всей системе управления страной значительно повлияли на отношения между властью и журналистикой, что

выразилось в расширении диапазона информации, проблематики, содержания журналистики, росте значения печати и понимании властью ее управленческих потенций. Российская периодическая печать также сыграла большую роль в формировании общественного мнения в отношении Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Активное участие прессы в освещении военных событий стало новым историческим явлением, отразившим процесс модернизации информационного обеспечения взаимодействия власти и общества в эпоху Великих реформ.

Библиографический список

1. Арсеньев К.К. Законодательство о печати. СПб., 1903.
2. Блюм А.В. От неолита до Главлита. М., 2009.
3. Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. Т. 1. М., 2008.
4. Есин Б.И. Путешествие в прошлое: Газетный мир XIX в. М., 1983.
5. Есин Б.И. Русская дореволюционная газета. 1702-1917. М., 1971.
6. Патрушева Н.Г. Цензурная реформа в России 1865 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990.

Е.Н. Шумкина

Самарский национальный исследовательский университет

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В САМАРСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Губернское делопроизводство во второй половине XIX – начале XX вв. представляло собой регламентированную в законодательных актах систему работы с документами.

Изучение архивных документов и других источников позволило нам выявить проблемы, существовавшие в организации губернского делопроизводства.

Так, с самого образования Самарской губернии ощущалась острая нехватка профессиональных кадров для комплектования штатов канцелярии самарского губернатора и губернского правления. В связи с этим на службу принимались чиновники, служившие в уездных учреждениях города, и отставные чиновники из других губерний [6, л. 4]. Такой состав служащих не лучшим образом сказывался на организации работы и постановке делопроизводства в этих административных учреждениях.

Другой проблемой при производстве дел до 1865 г. было подчинение самарского губернатора генерал-губернатору Оренбургского и Самарского генерал-губернаторства. Дела, решение по которым зависело от министерств, губернатор обязан был представлять в министерства через

генерал-губернатора, находившегося в Оренбурге. Следовательно, документы «путешествовали» в Москву через Оренбург лишние более чем 800 верст (около 900 км.), что значительно замедляло делопроизводственный процесс [1, с. 545] .

Стоит отметить, что ситуация несколько улучшилась в середине 1860-х гг. с ликвидацией Оренбургского и Самарского генерал-губернаторства: губернские учреждения получили самостоятельность. Реформы, приведшие к преобразованию учреждений министерства внутренних дел, также положительно сказались на делопроизводстве в этих учреждениях, но не привели к изменениям в порядке делопроизводства внутри центральных административных учреждений. Порядок прохождения документов в губернском правлении по-прежнему оставался многоэтапным, с регистрацией на каждом этапе. В регистратуре и в каждом столе канцелярии правления имелось по несколько реестров для разных видов бумаг, так, например, в газетном столе начальник стола должен был вести минимум три реестра только для поступавших объявлений и казенных статей [2, с. 42].

Ежегодно в канцелярии правления велся подсчет документов, не решенных в предыдущем году и перешедших для решения в новый год. Нерешенные дела и неисполненные бумаги передавались из года в год. Об этом мы можем судить по сохранившимся ведомостям.

В «Ведомости о числе дел, состоящих в производстве по самарскому губернскому правлению», приложенной к журналу общего присутствия, к октябрю 1865 г. числились нерешенные дела с 1851 г. [3, л. 19], всего 1744 нерешенных дела и не заслушанных бумаг (из них бумаг 82) [3, л. 21]. В «Ведомости о числе дел, состоящих в производстве самарского губернского правления» за сентябрь 1903 г. числятся нерешенные дела с 1869 г. Согласно ведомости, в производстве правления состояло 1256 дел и 284 неисполненные бумаги, из них 927 дел за период с 1869 по 1902 гг. включительно и 329 дел — за текущий 1903 г. [7, л. 38].

Кроме того, иногда дела и бумаги терялись. В фонде 1 ЦГАСО сохранились документы, подтверждающие такие случаи. В двух рассмотренных случаях отсутствие дел и бумаг обнаруживалось при сдаче дел столоначальником своему преемнику, о чем столоначальники докладывали в своем рапорте присутствию правления [4].

Об антисанитарных условиях, в которых хранились дела, говорит рапорт архивариуса правления за 1858 г., в котором сообщается о порче семи дел губернского правления (дела были изъедены крысами) [5, л. 23].

Самарское губернское правление, а вместе с ним и архив правления, за время своего существования несколько раз меняло место расположения. Не имея своего здания, правление было вынуждено располагаться в наемных домах, что не лучшим образом сказывалось на хранении документов. В таких условиях сложно было оборудовать комнаты для архива

в соответствии с требованиями законодательства к архивным помещениям [5 л. 10 об.].

В результате реформ 1860-х гг. произошло упразднение большого количества дореформенных учреждений Самарской губернии, делопроизводственные материалы многих из них передавались в Самарское губернское правление, а архивные материалы – в архив правления. Архивы губернского правления и некоторых других учреждений стали быстро заполняться делами упразднявшихся органов.

Ежегодно в губернском правлении создавалась комиссия для утверждения дел, подлежащих уничтожению, но поскольку критерии ценности документов не были сформулированы, многие ценные документы были уничтожены.

Итак, анализ архивных источников позволил нам сделать выводы о неудовлетворительной организации делопроизводства в самарской губернской администрации во второй половине XIX – начале XX вв., среди основных причин мы можем назвать нехватку профессиональных кадров, многократный учет и регистрацию документов на каждом этапе.

Библиографический список

1. Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Историко-статистический очерк / изд. Самарского статистического комитета. Самара: Губернская типография, 1877.
2. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XX. Отд. I. № 18580.
3. ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1.
4. ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 176. Л.1–2; ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 250. Л. 3.
5. ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 310.
6. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 332.
7. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 50. Д. 11.

И.О. Трубицын

Тольяттинский государственный университет

ОТРАЖЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САМАРСКОЙ КОРПОРАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДВОРЯНСТВА В «САМАРСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЯХ»

Вторая половина XIX века для Самарской губернии явилась знаковым периодом. С 1851 года Самара стала губернским городом, как следствие этого в новой губернии образуется корпоративная организация дворянства (далее КОД) и появляется собственный орган печати – Самарские губернские ведомости.

При анализе Самарских губернских ведомостей нами был применен сплошной метод. Были проанализированы газеты с 1851 по 1917 год. Для удобства информация была поделена на восемь смысловых единиц: культу-

ра, высочайшие награды, назначения, выборы, благотворительность, дворянская опека, назначение собраний, другое. Общее количество упоминаний КОД составило 302 раза. В данной статье предлагается анализ наиболее значимых смысловых единиц.

Наиболее часто используемой смысловой единицей являются назначения (175 из 302). Используя «Губернские ведомости» для информирования населения, правительство в лице императора (по линии МВД, министерства юстиции) или губернатора доводило свои решения об утверждении итогов выборов дворянства, только после этого вступление в должность становилось законным. Утверждению в должности подвергались все служители КОД от канцелярского служителя до губернского предводителя. Кроме этого, из среды дворянской корпорации происходили назначения на разные должности: членов от дворянства в Самарское отделение государственного дворянского земельного банка [1], чиновников по выбору дворянства в казенную палату [2], депутатов от дворянства в самарскую квартирную комиссию [3], после отмены крепостного права из среды КОД выбирались посредники по полюбовному размежеванию земель [4], уездных судей, дворянских заседателей уездных судов, неперменных заседателей уездных полицейских управлений, заседателей в приказ общественного призрения, дворянских заседателей гражданской и уголовной палаты [5], депутатов пожарной обоза [6], гласных в самарскую земскую управу [7]. Такая зависимость дворянской корпорации от правительства, на наш взгляд и обуславливает наибольшую значимость данной смысловой единицы. При этом следует отметить, что должности канцелярских служителей занимали не только выходцы из благородного сословия.

Для поддержания дворянского сословия внутри корпорации существовала опека. Самарские губернские ведомости использовались дворянством для информирования наследников, кредиторов и должников о смерти члена КОД и решении вопросов связанных с наследством. Сообщения иного характера, т. е. о деятельности по поддержанию дворянства в самарских губернских ведомостях не встречаются.

По окончании первого дворянского собрания в 1851 г., дворянство, желая ознаменовать это событие каким-нибудь празднеством устроило в Струковском саду палатку и дало в ней великолепный бал. Так, началась культурная деятельность самарского дворянства. В 1854 г. самарские губернские ведомости отмечают, что вряд ли даже где удастся, так повеселиться, как в самарском собрании. В последнем часто проводились благотворительные маскарады, ставились спектакли и пьесы. Также, читались публичные лекции [8]. Упоминания мероприятий культурного плана, связанных с КОД прекращается в 1872 году, хотя в других изданиях, таких, как Самарская газета, Самарский вестник периодически печатались объявления о проведении концертов [9], костюмированных танцевальных вечеров [10].

В наименьшей степени в самарских губернских ведомостях освещена благотворительная деятельность самарского дворянства (6 из 302). В основном благотворительные акции проводились во время военных действий (крымская, русско-турецкая 1877-1878 гг. войны). Так, в 1855 году самарское дворянство изъявило готовность пожертвовать ежегодно, во время войны по 25 тыс. рублей в пользу государственного ополчения [11]. При привлечении архивных материалов мы обнаруживаем, что благотворительная деятельность была гораздо шире. Дворянская корпорация активно поддерживала Российское общество красного креста [12, л.49], выделяло средства на празднование столетнего юбилея со дня рождения А. С. Пушкина [13, л. 9].

Таким образом, анализ самарских губернских ведомостей позволил нам рассмотреть деятельность самарской корпоративной организации в различных сферах жизни общества. Характерной чертой самарских губернских ведомостей, как и любого источника, является субъективизм, наиболее наглядно показанной нами на примере смысловых единиц «культура» и «благотворительность».

Библиографический список

1. Самарские губернские ведомости 1896, № 49, 29 июня.
2. Самарские губернские ведомости 1859, № 52, 26 декабря.
3. Самарские губернские ведомости 1860, № 16, 16 апреля.
4. Самарские губернские ведомости 1861, № 4, 28 января.
5. Самарские губернские ведомости 1864, № 10, 7 марта.
6. Самарские губернские ведомости 1870, № 10, 4 февраля.
7. Самарские губернские ведомости 1874, № 11, 6 февраля.
8. Самарские губернские ведомости 1872, № 93, 2 ноября.
9. Самарская газета 1889, №28, 4 февраля.
10. Самарский вестник 1884, №3, 1 января.
11. Самарские губернские ведомости 1855, № 33, 13 августа.
12. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 430. Оп.1. Д. 1843.
13. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 663. Оп.1. Д. 25.

А.С. Забараускас

Самарский государственный институт культуры

ДОКУМЕНТЫ ФОНДА САМАРСКОГО УЕЗДНОГО ПРЕДВОДИТЕЛЯ ДВОРЯНСТВА О СБОРЕ СРЕДСТВ НА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ И ПАТРИОТИЧЕСКИЕ АКЦИИ В НАЧАЛЕ 1910-Х ГГ.

В начале XX в. Россия переживала серьезные потрясения и перемены. После неудачно закончившейся для Российской империи войны с Японией, и последующего ослабления российских позиций на Дальнем

Востоке, доверие к самодержавию в народе стало стремительно падать. Начинает увеличиваться число аграрных волнений и количество стачек. В обстановке растущего рабочего и крестьянского движения начинают активизироваться революционные силы. Значительные суммы денег уходили на восстановление военной мощи Империи, на защиту самодержавия и борьбу с революционной деятельностью. Заботу о расходах на культурное развитие, социальную помощь и на патриотические акции все больше брали на себя благотворительные организации, богатые доброхоты и рядовые жители.

В период «думской монархии» довольно остро стояли вопросы культурно-политического характера. В этот период власть и земство получили шанс вывести Россию на новый этап развития, чему способствовали реформы. Совместная деятельность местного самоуправления и самодержавия при решении вопросов культурно-политического и хозяйственного развития являлась залогом успеха в преодолении последствий революционной смуты [6].

Не обошли стороной различного рода добровольные акции, в том числе довольно массовые по составу, и Самарскую губернию. Стремясь к результативности, их инициаторы и организаторы пытались привлечь к ним территориальные сословные корпорации, обладавшие авторитетом и административными ресурсами, например, местное дворянское самоуправление.

По материалам дела «О доставлении разных сведений и об открытии сбора пожертвований по подписным листам» из фонда Самарского уездного предводителя в ЦГАСО можно отметить проведение накануне и в начале Первой мировой войны акций по самым различным сборам: на строительство музеев и памятников, другие культурные объекты и начинания в масштабах отдельных регионов и всей страны в целом.

Яркий примером этого стала организация комитета по высочайше разрешенному 16 ноября 1911 г. сбору пожертвований на устройство в Архангельске «Музея Русского Севера имени Ломоносова». Министерство внутренних дел по ходатайству Архангельской городской думы в связи с 200-летием со дня рождения знаменитого поэта и ученого, уроженца Архангельской губернии Михаила Васильевича Ломоносова хлопотало у императора разрешение открыть всероссийскую подписку для сбора денег на устройство этого музея в Архангельске [1, л. 9].

Обращение исполнительной комиссии Пензенской городской думы по организации также всероссийской подписки и сбора пожертвований на сооружение аудитории и музея внешкольного образования имени М.Ю. Лермонтова в Пензе. По проекту Лермонтовского Общества, которому принадлежала сама инициатива возбуждения вопроса о чествования поэта, это здание должно слиться с предположенным к постройке зданием Общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова, образуя с ним одно художественное целое. На своем заседании от 8 ноября 1911 г. Пензенс-

кая государственная дума постановила также ходатайствовать о Высочайшем соизволении на открытие всероссийской подписки на сооружение памятника поэту в Пензе [1; 2, л. 6].

В деле имеется информация и о сборе пожертвований на строительство памятника генерал-адъютанту М.Д. Скобелеву, храма-памятника 300-летия Царствования Дома Романовых, памятника генералу-фельдмаршалу светлейшему князю М.И. Кутузову-Смоленскому. В Самаре приходили просьбы о взносах в пользу местных приютов ведомства Императрицы Марии и на Народный дом имени В.Г. Белинского в г. Чембаре Пензенской губернии [1, 2].

Благотворительное ведомство Императрицы Марии было создано в 1797 г., когда императрица взяла под свое покровительство учрежденные Екатериной II воспитательные дома. Данные заведения получили название «Ведомство учреждений Императрицы Марии» (ВУИМ) после принятия 25 октября 1828 г. указа Николаем I. Сеть учреждений Марии Федоровны продолжали долго время расширяться: за счет основанных на личные средства императрицы, а также отдельными жертвователями и группами жертвователей [4, с. 277].

Также в этом деле говорится об отправке королевам греческой Ольге Константиновне и черногорской Милене, болгарской царице Элеоноре и королю сербскому Петру пожертвований, собранных в Самаре и окрестностях, для раненых в войне против Турции в 1912-1913 гг. Королеве греческой было отправлено письмо на русском языке, телеграммы остальным были посланы на французском [1, л. 13]. Эти материалы дополняют представленные недавно в исторической литературе сведения о сборе в Самарском крае средств в пользу жертв Первой Балканской войны [3], события который активно обсуждались в местной общественностью и печатью [5].

В начале XX в. благотворительные объединения представляли собой один из наиболее действенных сегментов формировавшегося гражданского общества. Многие из них включали в свой состав чиновников администрации, руководителей общественного и сословного самоуправления [4, с. 313].

В начале 1910-х гг. в Самарской губернии и по всей стране в целом действовало множество благотворительных объединений, которые проводили акции и сборы. Такие благотворительные акции способствовали выведению России на новый этап культурного и социального развития.

Библиографический список

1. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 211. Оп. 1. Д. 143.
2. ЦГАСО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 146.

3. Артамонова Л.М. Организация в Самарской губернии помощи жертвам войны 1912-1913 годов на Балканах // Наука и культура России. 2013. Т. 1. С. 12-15.
4. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / отв. редактор А.С. Туманова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
5. Смирнов Ю.Н. Особенности восприятия Первой Балканской войны в провинциальном обществе (по материалам либеральной самарской прессы) // Наука и культура России. 2013. Т. 1. С. 44-47.
6. Чирков М.С. Земство и власть в Российской империи. 1890 – 1916 (по материалам Самарской губернии). Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2006.

А.В. Солнцев

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

БЕСПОРЯДКИ В ХОДЕ МОБИЛИЗАЦИИ 1914 ГОДА НА ТЕРРИТОРИИ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

29 июля 1914 года была объявлена общая мобилизация. Процесс мобилизации начался по всей стране и в том числе и в Самаре. В ходе мобилизации прошел ряд народных волнений и беспорядков, которые были присечены силами полиции и войск. Процесс мобилизации в Самаре 1914 года являлся интересным и неоднозначным периодом истории Самарской губернии в годы Первой мировой войны.

В ходе мобилизации на воинскую службу призывались не только люди, была объявлена мобилизация лошадей для военных нужд и военно-автомобильная повинность. В результате того, что лошадей уводили в войска, почти остановилась конка, огромное количество лошадей было мобилизовано из частных хозяйств. Многие извозчики отказывались везти седаков до определенных улиц из-за страха остаться без лошадей. «Недалеко от Молоканского сада меня нагнал извозчик, и я стал нанимать его; он согласился довезти меня только до Воскресенской площади, где, по его словам, идет приемка лошадей в армию» [2, л. 2].

С началом работы распределительных пунктов, на которых запасные записывались в действующую армию, многие молодые люди стали записываться добровольцами. Присяжный поверенный Н.Л. Яценко выразил желание ехать на войну в качестве добровольца-автомобилиста со своим собственным автомобилем. В ряды добровольцев так же записывались и родственники первых лиц города, но не всегда они попадали в войска, независимо от своего желания. «Окончивший в нынешнем году самарское Коммерческое училище сын М.Д. Чельшева Сергей заявил о своем желании встать в ряды армии добровольцем. Заявление это не было принято от того, что нет нужды в пополнении войск добровольцами» [3, с. 5].

Проведение мобилизации шло гладко далеко не во всех городах губернии. В таких городах как Ставрополь и Бугульма, мобилизация сопровождалась многочисленным протестами, беспорядками, погромами казенных заведений и неоднократными столкновениями с органами правопорядка, в результате которых потери несли обе стороны.

20 июля 1914 года громадной толпой запасных нижних чинов, призванных на службу по мобилизации, было произведено открыток нападение на чинов полиции, как бывших в наряде при Управлении Бугульминского уездного воинского начальника, так и при Уездном полицейском управлении. При отбитии нападения у здания полицейского управления, которое толпа запасных бомбардировала камнями, пострадали от произведенных стражниками залпов запасной из крестьян поселка Игли Сумароковской волости Сергей Рузанов, раненный в ноги выше колен, и запасной из крестьян деревни Балтачевой Азнакаевской волости, фамилия которого установлена не была, от полученных травм крестьянин умер в земской больнице. В ходе работы с задержанными запасными, поводом к нападению послужило недовольство запасных тем, что они, оторванные от семей, лишенных тем работников в самую страду, принуждены отправляться на службу, тогда как стражники остаются дома и будут получать большое содержание, причем бушевавшая толпа настаивала на открытии продажи спиртных напитков, требовала безотлагательной выдачи до выхода партий запасных из Бугульмы денежных пособий семьям.

«В г. Бугуруслане по донесению исправника запасными нижними чинов также произведена была попытка учинить беспорядок, но двое задержаны и порядок восстановлен» [1, л. 14].

Во время мобилизации в Ставрополе, силами запасных нижних чинов, было разгромлено и разграблено большое количество винных лавок и то, что происходило на улицах города можно было назвать боевыми действиями. « 21 сего июля вследствие происходившей в Ставрополе уезде мобилизации запасных нижних чинов в г. Ставрополе было большое скопление последних, а также их родственников и знакомых, в числе которых было много и пьяных. Часов в 8 утра я получил агентурные сведенья, что запасные намереваются громить казенные винные лавки, которые были закрыты на время мобилизации» [1, л. 14]. В половину девятого утра, после доклада стражника Шепилова, что толпа направилась громить казенную винную лавку, расположенную по Цеховой улице в доме Разливановой, уездный исправник Сенкевич со стражей направился на охрану лавки, но толпа увидев стражу разбежалась и лавка осталась нетронутой. Оставив наряд из шести человек уездный исправник не успев вернуться в полицейское управление, получил сведенья, что другая толпа направляется громить винную лавку расположенную на Посадской улице в доме Пряничникова, куда курьером была направлена

стража в количестве 7 человек. По прибытию уездного исправника со стражей к винной лавке, толпа громила лавку и растаскивала вино и под командой исправника, стража бросилась на толпу с обнаженными шашками, толпа была рассеяна, и грабеж вина был прекращен. Стражей были заколочены разбитые окна и двери винной лавки, после чего уездному исправнику было доложено, что начался погром винной лавки № 98. По прибытию к этой лавке, оказалось, что погром действительно начался. На лавку наступила громадная толпа в несколько тысяч человек, которая при напоре стражи хотя и попятилась назад, но уже крайне медленно, и в рассыпную не бросалась. Полицией были применены шашки, в результате чего, толпу удалось оттеснить на квартал. Спустя некоторое время, уездным исправником была получена информация, что от казенной лавки № 711 толпа усиленно теснит стражу и возможно, что разгром таковой уже начался. По прибытию на место исправника стража пустила в ход шашки, в результате чего толпа была разогнана. Самым ожесточенным местом столкновений запасных с полицией стал угол улиц Казанской и Цеховой, где находилось казначейство и винная лавка «погреб Киселева». При прибытии полиции толпа от погребя хоть и отхлынула, но в полицию со всех четырех углов, где стояло огромное количество народа, также со дворов, расположенных по улице Цеховой посыпался град камней, преимущественно колотого кирпича разной величины и с одного из дворов был брошен даже топор, которым был ранен стражник Кишев. Из-за необходимости разгона бесчинствующей толпы, которая могла к тому же броситься на казначейство, уездным исправником было принято решение использования крайней меры – огнестрельного оружия. Стража открыла огонь по направлению строящегося дома Войнатовского, за стенами которого, засела масса запасных, и откуда больше всего летело кирпичей. Результатом стрельбы стал один убитый, а именно крестьянин села Крестовых Городищ Владимир Ермолаев. Вскоре на помощь полиции по распоряжению воинского начальства к казначейству был прислан военный караул в составе 30 человек под командою 3 офицеров. После прибытия уездного исправника в полицейское управление, ему было доложено что винную лавку № 711 снова грабят. По прибытию к винной лавке полицией были применены шашки и огнестрельное оружие, в результате стрельбы был убит подстрекающий толпу к погрому крестьянин села Еремкино – Василий Селивгонин.

«Доношу вашему высокопревосходительству, что 20 и 21 сего июля от Ставропольского уездного исправника мною получены телеграммы с тем, что призванные на действительную воинскую службу запасные чины явились в г. Ставрополь пьяными, разгромили казенные винные лавки осаждали казначейство; при подавлении беспорядков многие полицейские стражники ранены камнями и исправник получил ушибы в бок. Затем,

будучи отправлены из Ставрополя в Самару, маршевые команды по дороге разбили винные лавки в селах Васильевке и Узюкове» [1, л. 14].

Описанные беспорядки произошли в результате двух ошибок руководства. Во-первых, вследствие недостатка полицейской стражи, так как с 1 июля по распоряжению Министерства внутренних дел был сокращен в губернии штат стражи на 50 человек, затем значительное число стражи было стянуто в г. Самару в виду забастовочного движения и отсутствия войсковых частей, находившихся в лагере, наконец 52 стражника были командированы на охрану железнодорожных сооружений и станций. Во-вторых, во время призыва запасных нижних чинов при управлении Бугульминского воинского начальника совершенно не было офицеров и команды, вследствие этого задержались на сборном пункте без всяких оснований.

Библиографический список

1. Центральный Государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 5314. Л. 1-14.
2. ЦГАСО. Ф. 352. Оп. 3 Д. 3. Л. 1-2.
3. Волжское слово. 1914. 22 июля. № 155 (2033). С. 5.

Е.А. Мирончева

Самарский национальный исследовательский университет

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И КРЕСТЬЯНСТВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Вопрос о влиянии Русской Православной Церкви (РПЦ) на повседневную жизнь крестьянства не раз становился ключевым в изучении повседневной жизни данной категории населения России. Долгое время церковь и крестьянство были единой, неразделимой системой, объединенной происхождением, общностью быта, религиозными традициями [1]. В обыденной жизни крестьянин относился к священнику с показным уважением, принимая его как необходимый элемент мироустройства, как своего рода посредника с Богом [2].

Следует выделить несколько периодов в истории XX века, характеризующие отношение РПЦ и духовной жизни русского народа:

Советский период, который в свою очередь делится на несколько этапов: – 1920 – 1930 гг. – стремление власти отлучить народ от церкви. По мнению современных исследователей именно из-за того, что крестьянство представляло позицию основной массы населения страны, радикальным силам удалось социализироваться в революции [3].

В 1917 году в Российской революции был совершен Октябрьский переворот, в результате которого к власти в стране пришло большевистское правительство. Его особенностью был ярко выраженный богоборческий антирелигиозный характер. Причиной этого являлась атеистическая идеология, принципиально отвергавшая религию. После падения авторитета царской власти, церковь оказалась по другую сторону баррикад, ей также было отказано в доверии и участии в жизни крестьянского социума [3]. В последние годы стали появляться работы по изучению менталитета и мировоззрения русского народа в начале XX в. О.С. Поршнева изучает перемены, произошедшие в сознании народа из-за больших изменений условий жизни. К примеру, насколько Первая мировая война повлияла на поведенческие установки крестьянства [4].

Период Великой Отечественной Войны характеризовался советскими учеными, как время «нормализации» отношений Советского государства и Русской православной церкви. «4 сентября состоялась встреча И.В. Сталина с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием, Ленинградским митрополитом Алексием и Экзархом Украины Киевским и Галицким митрополитом Николаем. Во время беседы митрополит Сергий довел до сведения Председателя Совнаркома, что в руководящих кругах Православной Церкви имеется намерение созвать Собор епископов для избрания Патриарха Московского и всея Руси и образования при Патриархе Священного Синода. Эта встреча открыла новый этап в истории Русской православной церкви (Московского Патриархата) в СССР, который современные историки называют «новым государственно-церковным курсом», «золотым» десятилетием, «временным перемирием», временем «религиозного возрождения в России» [5, с. 185].

Современный период изучения проблемы характеризуется своеобразной «встречей» постсоветской России и РПЦ. Первоначально к ней не были готовы ни та, ни другая сторона. По мнению магистра богословия, кандидата философских наук, протоиерея Георгия Митрофанова: «Это был период осознания, что население Российской Федерации стало глубоко расцерковленным. Повседневная жизнь населения была направлена на «выживание» в новых условиях и глубоко отличалась от заданных церковных устоев. Это был сложный период духовного прозрения населения по отношению к себе с точки зрения приверженности православной традиции» [6]. Россия вновь открыла для себя ту православную веру, которой жили тысячелетиями наши предки в разных уголках нашей страны.

Таким образом, изучение взаимоотношений РПЦ и народа являются актуальной научной задачей.

Библиографический список

1. Белоногова Ю.И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии), М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2010.
2. Кремлева И.А. Мирской обет // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований. М.: Наука, 2001.
3. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.
4. Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.
5. Елисеев А. Б. Дискуссионные вопросы современной российской историографии истории Русской Православной Церкви середины XX в. // XII Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры (Минск 24–26 мая 2006 г.): Материалы чтений «Церковь и социальные проблемы современного общества». Минск: Ковчег, 2007.
6. Новгородская епархия: Русская Православная Церковь Московского Патриархата [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://vn-eparhia.ru/novosti-eparkhii/2557-tserkov-v-postsovetskij-period>. (Дата обращения: 8.11.2015)

А.В. Морозова

Тольяттинский государственный университет

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ В ПЕРИОД 5 МАРТА 1953 – ФЕВРАЛЬ 1956 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В марте 1953 года скоропостижно скончался И.В.Сталин, закончился период «сталинизма». Начался новый этап, связанный с усилением идеологизации общества. Можно проследить несколько направлений, в которых она проводилась: возвышение личности Сталина, ее идеализация; усиление авторитета партии и расширение ее рядов; улучшение состава партийных организаций; работа над обликом партийца; продолжение дела Сталина в построении социализма.

С первых дней смерти И.В.Сталина вся местная печать пестрела заголовками, в которых он характеризовался как «гениальный вождь» и «учитель Коммунистической партии и советского народа». С его именем связывали победу Советского союза над фашистской Германией и Японией в годы Второй мировой войны.

Документы того периода сохраняли высокий пафос и в то же время отражают истинную скорбь народа. Однако, данная тенденция ослабевает к концу марта. На заседаниях городских комитетов партии Куйбышевской области особое внимание уделялось реакции населения. На-

блюдался большой приток в комсомол, особенно в траурные дни. Комсомольская организация г. Жигулевска приняла в свои ряды 460 человек, из них 63% рабочих (только за предыдущие 6 месяцев – 658 чел.). [1, л.3, 18]. В выступлениях комсомольцы и молодежь отмечали, что «должны еще теснее сплотиться вокруг партии Ленина – Сталина» [1, л.20].

Местная пресса активно освещала прощание народа с «великим вождем». Так, рабочие Управления Строительства №2 г. Куйбышева вышли на траурный митинг на площади В.В. Куйбышева, чтобы выразить свою солидарность со всем советским народом и дать клятву верности делу товарища Сталина [1, л.4]. Подобные митинги прошли в Жигулевске, Чапаевске, Сызрани, п. Комсомольском и Портовом, в Нижнем Санчелееве, Бузулуке, Исаклах, Шентале [2].

В ЦК КПСС шел беспрерывный поток телеграмм от рабочих и служащих. Простые люди обращались с письмами в печатные издания, в которых выражали огромное чувство утраты от ухода вождя. Так, в местной газете было напечатано стихотворение Сергея Кошечкина «Любимый вождь» [3]. В стороне от событий не остались и дети. Пионеры оставляли заметки в газетах со словами «мы всегда будем помнить заветы любимого Сталина- учиться упорно, терпеливо. Мы хотим быстрее вырасти, чтобы помогать людям строить счастливую жизнь» [6]. Важно заметить и то, что люди были встревожены, они боялись, что жизнь может ухудшиться. Характерны тревожные вопросы о том, как сложится дальше жизнь.

На областных и городских пленумах ВЛКСМ одним из выводов являлось укрепление и расширение связи с народом, уважительное отношение к запросам трудящихся, проявление повседневной заботы об улучшении материального состояния рабочих, колхозников всех советских людей [4, л. 2].

В партийных комитетах также прошло обсуждение «О состоянии и мерах улучшения воспитательной работы с молодыми коммунистами» [4, л. 28]. Вопросы повышения политического уровня коммунистов стали чаще обсуждаться на партийных собраниях, заседаниях бюро горкома партии. Было принято решение активизировать лекционную пропаганду, которая должна была включать в себя следующие вопросы внутренней политики:1) речь И.В.Сталина на заключительном заседании XIX съезда партии;2) доклад т. Маленкова;3)устав КПСС [5, л. 7]. Внимание было уделено и итогам выборов в местные Советы депутатов трудящихся, в результате которых куйбышевцы единогласно проголосовали за сталинский блок [1, л. 11].

Также перед партийными организациями была поставлена задача привлечь всех коммунистов к участию в общественно-политической жизни, усилить контроль за выполнением партийных поручений, воспитать у

коммунистов чувство ответственности и советского патриотизма, а также мобилизовать молодежь на осуществление задач пятой пятилетки.

Таким образом, реализовывалось требование Сталина о коммунистах как «о подлинных вожаках масс и примере в труде». Это подтверждали и следующие цифры: из общего количества числа членов КПСС в Куйбышевской области 89% являлись стахановцами [5, л. 13].

УП Пленум Жигулевского горкома КПСС предложил в идеологическом воспитании кадров руководствоваться известными указаниями И.В. Сталина: «... подготовить идеологически наши кадры всех отраслей работы и закалить их политически в такой мере, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке...» [5, л.21]. Поэтому следовало повышать роль руководящих кадров, укреплять и сплачивать ряды партии.

Таким образом, смерть И.В. Сталина сплотила граждан страны и, как следствие, привела к изменениям в общественно- политической жизни. Особая роль в этот период отводилась идеологической пропаганде, привлечению молодежи в ряды комсомола, партии и воспитанию руководящих кадров. Новой власти было важно поддержать в сознании граждан идею о неумирающем деле великого вождя. Но и эта страница истории скоро будет перевернута.

Библиографический список

1. Самарский областной государственный архив социально-политической истории. (ГБУСО СОГАСПИ). Ф.7614. Оп.3. Д.8.
2. Прощание с вождем // Волжская коммуна. 9 марта 1953 г.
3. Кошечкин С. Любимый вождь // Волжский комсомолец. 9 марта 1953 г.
4. ГБУСО СОГАСПИ. Ф. 7206. Оп.3. Д.2.
5. ГБУСО СОГАСПИ. Ф. 7206. Оп.3. Д.6.
6. Мы – пионеры // Волжская коммуна. 12 марта 1953 г.

С.Е. Швед

Сыктывкарский государственный университет

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КОСМИНСКИЙ И ВЛАСТЬ

В процессе размышления о роли личности в исторических событиях и политике всегда встает вопрос, в какой период развития государства жил деятель, когда писал свои труды? С данных позиции и следует начать наше исследование. Е.А. Косминский — ученый-методист, начавший научную деятельность в 10-е годы XX-го столетия. В тот период он является студентом Московского университета.

Под крылом крупных дореволюционных медиэвистов — А.И. Савина и Д.М. Петрушевского он сформировался как профессиональный уче-

ный. Единственной чертой, которая отличает его от учителей — склонность к материализму. Констатируем — интерес к марксизму возник у Е.А. Косминского еще в дореволюционный период [1, с. 57].

К переломному для России 1917 г. Е.А. Косминский был сформировавшимся историком с политическими взглядами и убеждениями. Он только начинал работу в Московском университете, но пройдет всего пару лет, и в связи с кадровым голодом в 1919 году Косминский станет профессором историко-филологического факультета МГУ [2, с. 554].

В сложные для страны 1920-е гг. он станет одним из немногих историков, которые будут лояльно относиться к Советской власти. Примет материалистический подход изучения истории как единственно верный. Но важно отметить — Косминский не отказывается от опыта предшествующих поколений историков. Уже в начале 20-х гг. в его работах сочетались стремление к широким обобщениям, характерное для подчерка Д.М. Петрушевского, и жажда тщательного углубленного анализа источников и статистических обработок, воспитанных в нем А.И. Савиным [3, с. 167].

Доверительные отношения с властью позволили ему совершить командировку в Англию, где ученый работал в архивах. Сразу же после возвращения из Англии, Косминский был избран членом Комакадемии и начал в нем работу, оставаясь на посту вплоть до 1934 г.

Особенную роль в научной биографии Косминского играет постановление СНК и ЦК ВКП (б) от 15 мая 1934 года [4, с. 1]. Его утверждают руководителем авторского коллектива, которому поручают написать учебник истории средних веков. Данная работа — ответственность, но также и безусловное доверие советского руководства к историку.

Все в том же 1934 году открывается исторический факультет МГУ, где Косминский возглавил кафедру истории средних веков. В университете ученый останется вплоть до декабря 1941 г.

Великая Отечественная война требовала мобилизации не только армии, но и всех сфер жизни общества, в том числе и науки. Осенью 1941 г. была опубликована книга «Против фашистской фальсификации истории». В ней Косминский представил работу «Средние века в изображении германских расистов». За этот и другие труды Косминский удостоивается Сталинской премии. В годы войны Косминский не раз выступал в печати со статьями, разоблачавшими идеологию фашизма [5, с. 14].

В 1943 году, после возвращения АН СССР из эвакуации, Косминский работает в Институте методов изучения Академии педагогических наук (АПН).

Заслуги и его ценнейший вклад в развитие науки поощрялись государством. 8 сентября 1945 года Евгений Алексеевич избирается действительным членом АПН РСФСР. А 30 ноября 1946 года Академия Наук СССР избирает Косминского своим действительным членом по Отделению истории и философии.

В конце 1946 г. Косминский во главе большей группы историков стал инициатором публикации сборника «Средние века», посвященного памяти умершего 12 декабря 1946 г. Д.М. Петрушевского. Его авторы, попытались объективно оценить вклад ученого в науку.

В 1947 г. после компании по борьбе с космополитизмом, прошедшей на истфаке МГУ и особенно затронувшей историков-медиевистов, Косминский оставил заведование кафедрой истории Средних веков. Его обвиняли в «буржуазном объективизме». Критике подверглась монография «Исследования по аграрной истории Англии XIII века», в которой автор, как было сказано критиками, «пытался подменить марксизм-ленинизм экономическим материализмом». Хотя для ученого не существовало отдельно советской и какой-то другой медиевистики.

В 1952 году Евгений Алексеевич становится и.о. главного редактора журнала «News». В этом журнале он выступает борцом за мир и сотрудничество. Его обширные связи с историками стран народной демократии и учеными Англии, США и других стран, способствовали установлению и укреплению научных связей между учеными СССР и зарубежными историками.

В 1954 году Косминский едет в Рим как член делегации советских историков на X Международный конгресс. После поездки в Италию Косминский был приглашен в Англию. За его заслуги в изучении аграрной Англии, ему присваивается титул доктора Оксфордского университета. Его книгу «Исследования по аграрной истории Англии XIII века» публикуют на английском языке.

Е.А. Косминский внес огромный вклад в отечественную историческую науку. Несмотря на некоторые эксцессы, отношения Евгения Алексеевича Косминского с советской властью были плодотворными. Руководство страны поддерживала всего его начинания и всячески помогала научному росту медиевиста. Небольшие недомолвки и недопонимания не сильно отразились на доверительных отношениях.

Библиографический список

1. Гутнова Е.В., Удальцова З.В. К 100-летию со дня рождения Е.А. Косминского // Средние века. М.: Наука, 1986. Вып. 49. С. 195-212.
2. Крылов В.В. Вторая пламенная страсть академика // Вестник Российской академии наук. М.1994. №6. С. 553-560.
3. Гутнова Е.В. Е.А. Косминский // Портреты историков: Время и судьбы. Т.2: «Всеобщая история». М.; Иерусалим, 2000. С. 45-63.
4. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 15.V.1934 года «О преподавании гражданской истории в гражданских школах СССР» // Правда. 1934. №133. С. 1.
5. Научная и общественная деятельность Е.А.Косминского // Средние века. Вып. 8. М., 1956. С. 12-15.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ФУТБОЛА В ВОССТАНАВЛИВАЕМОМ СТАЛИНГРАДЕ

Большой футбол в Сталинградскую область пришел в 1938 г., когда местный футбольный клуб «Трактор» (ныне «Ротор») Сталинградского тракторного завода (СТЗ) пробился в чемпионат СССР по классу «А», и, как пишет Б.П. Гончаров в своей работе «Физическая культура и спорт в Волгоградской области за 50 лет советской власти», такие сталинградские футболисты, как «А. Пономарев, С. Проценко, Г. Иванов, В. Ермазов и другие были известны всей стране» [2, с. 8].

Домашние матчи «Трактор» проводил в Тракторозаводском районе Сталинграда на «стадионе с двух сторонними трибунами» [4, л. 81], и наивысшего довоенного результата добился в сезоне 1941 г., заняв 4 место [7].

С началом Великой Отечественной войны с 1942 по 1944 гг. прервался чемпионат СССР, а сам Сталинград в 1942 г. был охвачен огнем жесточайшей битвы на Волге. В боевых действиях по защите города участвовали и спортсмены Сталинграда. Например, вратарь сталинградской футбольной команды «Трактор», мастер спорта В. Ермазов, мастера спорта С. Плонский, А. Колосов, Г. Шляпин, К. Беликов, Ф. Гусев [2, с. 11].

По окончании битвы было важно в кратчайшие сроки восстановить спортивную жизнь города и продемонстрировать несломленный дух советского человека. Так, уже в апреле 1943 г., первым из добровольных спортивных обществ (ДСО) возобновило свою работу именно ДСО «Трактор», которое осенью 1943 г. «восстановило» футбольное поле [4, л. 27, 43].

Но уже 2 мая 1943 г. состоялся «поединок» сталинградских футболистов с московскими мастерами кожаного мяча, завершившийся победой местных спортсменов. Благодаря статье английского журналиста Брюса Харриса о нем стало известно всему миру: «Сталинград – это имя стало сейчас символом невиданной стойкости, храбрости, победы. Но можно ли подумать, что Сталинград после таких переживаний, какие не выпадали еще ни одному городу, сумел выставить на футбольное поле команду? Не есть ли это одно из проявлений того сталинградского духа, который свойственен русским воинам, который ничто не может сломить!» [2, с. 11].

Вместе с тем в работе ДСО и футбольной команды были определенные сложности. Так, шефствовавшие над ДСО организации не только не помогали в восстановлении спортивных объектов, а зачастую только

мешали им. В ДСО «Трактор» «силами физкультурников выловлено 400 штук древесины для понтона водной базы, но по указанию директора завода древесины вывезены и израсходованы на нужды завода, взамен этого директор т. Просниров обещал дать 20 к/б пиломатериала, дело ограничилось только разговором и обещанием» [5, л. 52]. Кроме того, отмечалось халатное отношение ряда спортсменов к своей работе, а также незаинтересованность ряда директоров школ в развитии спорта среди учащихся [5, л. 52-53].

Тем не менее, не смотря на сложности, уже к концу 1945 г. спортивное общество «Трактор» обладало цельным спортивным комплексом, который должен был способствовать развитию спорта, в частности, одном из главных промышленных районов возрождаемого города [6, л. 20-21]. Одним из факторов, который этому способствовал, стало возвращение с фронта старых руководящих кадров в систему физкультуры и спорта, а как следствие, последовавшие кадровые перестановки в ГК ФК и Спорта и ДСО города [6, л. 3].

Из проведенных 32 городских соревнований: 7 мероприятий по футболу, включая товарищескую международную встречу с Болгарией: «первые за много лет Сталинградцы видели на своем стадионе зарубежную лучшую команду Болгарии «Локомотив» [6, л. 9].

Футбольная команда мастеров «Трактор» являлось детищем всего Сталинграда, «Успехи радуют весь город и заставляют больно реагировать на их поражение» [6, л. 17].

Кубок СССР по футболу был восстановлен с 1944 г., и в этом розыгрыше сталинградский «Трактор» выбывает из соревнований в 1/16 финала, уступив столичному ЦДКА [1]. На следующий год возобновляется чемпионат СССР по футболу, и в этот сезон сталинградские футболисты показывают лучший результат: 7 место в первой группе мастеров футбола СССР [7], и полуфинал кубка СССР, где уступили московскому «Динамо» [1]. В 1946 и 1947 гг. «Трактор» 8 и 9 соответственно в главном чемпионате Союза [7], а в кубке СССР выбывает на стадии 1/8 финала, уступив сначала московским «Крыльям Советов», а годом позже киевскому «Динамо» [1].

Вплоть до 1948 г. на Сталинградском Тракторном заводе работало ДСО «Трактор» и была одноименная футбольная команда мастеров, однако с 1948 г. появляются сведения о функционировании на заводе нового ДСО «Торпедо».

И уже сталинградское «Торпедо» в 1948 г. — восьмое в чемпионате страны, а в 1949 г. — тринадцатое [7], в кубке СССР по прежнему не удается преодолеть стадию 1/8 финала, уступая поочередно сначала одноименному клубу из Москвы, а затем ленинградскому «Зениту» [1].

В целом, несмотря на ущерб понесенный городом в ходе Сталинградской битвы, местный футбольный клуб смог с достоинством пережить все невзгоды послевоенного восстановительного периода и достойно выступать на высшем уровне в футбольных первенствах СССР.

Библиографический список

1. Все матчи кубка СССР и России [Электронный ресурс] // Футбольный клуб «Динамо» Москва. URL: <http://www.fc-dynamo.ru/cup> (Дата обращения: 12.11.2015).
2. Гончаров Б.П. Физическая культура и спорт в Волгоградской области за 50 лет советской власти. Волгоград, 1967.
3. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИ-ВО). Ф. 71. Оп. 10. Д. 48.
4. ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 4. Д. 87.
5. ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 5. Д. 77.
6. ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 6. Д. 90.
7. Чемпионат СССР по футболу [Электронный ресурс] // WildStat. URL: http://www.wildstat.ru/p/2091/ch/URS_1_1941 (Дата обращения: 12.11.2015).

Н.И. Баишев

Самарский национальный исследовательский университет

КУЛЬТУРА ФУТБОЛЬНЫХ БОЛЕЛЬЩИКОВ В СССР В 1945–1960-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ Г. КУЙБЫШЕВА)

В современной России особенно остро стоит проблема футбольных болельщиков, культура поведения которых зачастую достаточно агрессивна и девиантна. Подобные практики находят отражение в поведении как на стадионе, так и за его пределами. В связи с этим представляется актуальным изучение культуры футбольных болельщиков в СССР в послевоенный период, которая до сих пор остается неисследованной.

Развитие г. Куйбышева в военный и послевоенный периоды характеризуется достаточно большой спецификой по сравнению с другими регионами из-за его статуса – сначала «запасной столицы», а позднее – «закрытого» города. Жизнь Куйбышева была в значительной мере регламентирована и активно контролировалась властью. Подобная социально-политическая ситуация во многом обусловила особенности культурной жизни города, которая была менее разнообразной по сравнению с соседними регионами: «ограниченное число видов спорта, безусловно, массовость, соотношенная к числу болельщиков, была очень высокой, и объясняется это тем, что других видов развлечений практически не было или было очень мало» [1].

Наиболее ярко переживания футбольных болельщиков можно охарактеризовать высказыванием на совещании актива по итогам игр ко-

манды «Крылья Советов» в 1959 г.: «Когда я сижу на стадионе и вижу, как наши футболисты проигрывают, у меня весь день потерян» [2, л. 6].

Социальная принадлежность болельщиков была достаточно разнообразной. Посещение домашних матчей стало одним из важнейших признаков заинтересованности горожан футболом. Билеты достать зачастую представлялось почти невозможным: «За билетами в очереди стояли за несколько дней, по Льва Толстого кассы стояли, я даже раз попал в 55, придавили к прутьям»[3]. В своих мемуарах Б. Кожин описывал, каким образом горожане решали проблемы дефицита билетов: «Море мальчишек нашего города на матч свободно проходили... Договариваемся с кем-нибудь из взрослых с билетами: «Дядя, проведете?» Он говорит: «Проведу». Мы встаем впереди него, он идет, у него в руках билет, он протягивает билет, а договорившийся с ним мальчишка мчится мимо контролера» [4, с. 87]. Как вспоминает один из игроков команды 1960-х гг.: «Мы подъезжаем – уже толпа народа. Чувствуется, что народ готов к зрелищу. Естественно, подъем душевный... Играть плохо просто было невозможно» [5]. Футбол в условиях достаточной скудости досуга горожан выполнял свою важную роль, формировал повседневность.

Особое место в футбольной культуре занимало восприятие отдельных матчей и футболистов. Стоит отметить, что ощущения и воспоминания от игр были связаны в первую очередь с личным присутствием на матче, эмоциональными переживаниями. Большое место в воспоминаниях занимают встречи с зарубежными командами. Наиболее яркий пример – игра с бразильской командой «Байя» в 1957 г. «Помню, такая самая дорогая для меня игра была, когда к нам, к «Крыльям Советов», приехали бразильцы, «Байя». Я купил двухрублевый билет за 32 рубля, это был детский билет, за 32 рубля купил его» [6].

В сознании болельщиков и самих игроков много место отводилось как футболистам, так и тренерам команды. Особо вспоминалась легенда «Крыльев Советов» В.И. Карпов. Это касается и других представителей самарского футбола. Подобное внимание к личностям создавало определенный культ, в центре которого находились футболисты и тренеры. Основной практикой становились посещение матчей и активная поддержка любимой команды, которые заполняли пространство досуга Куйбышева.

Однако культура футбольного боления не ограничивалась только поддержкой команды на трибунах, воспоминаниями о больших матчах и игроках. В городе проводились совещания актива по итогам игр «Крыльев Советов» в сезоне, в которых принимали участие не только футболисты, тренеры и спортивные функционеры, но и простые болельщики. Активно обсуждались различные вопросы, связанные с выступлением отдельных игроков, формой команды в целом, материальной базы и ощущениями рядовых поклонников.

Повседневная футбольная жизнь города получала достаточно большое отражение на страницах периодических изданий. Печатались статьи болельщиков с восприятиями игр, общего положения в турнирной таблице. Зачастую в таких публикациях эмоции превосходили анализ: «Перед оставшимися играми на первенство страны хочется спросить у наших футболистов и их руководителей: есть ли еще порох в ваших пороховницах? Не потеряли ли вы еще веру в свои силы? Общественность города ждет от вас ответа, но не в форме письменности и пышной словесности, а на зеленом поле стадиона» [7]. Нередко печатались стихотворения: «Мне теперь до слез за них обидно — \ За своих, за «крылышки» «болеть»; \ Если дальше будет так, то, видно, \ Им со мной придется «помереть»» [7]. Подобная включенность горожан в различные сферы жизни по причине интереса к футболу, болельщицкой любви к «Крыльям Советов» доказывает, что поведенческие тактики, связанные с командой, пронизывали большую часть досуговой повседневности куйбышевцев.

Особое место занимают проблемы, связанные с культурой поддержки команды, с проявлениями девиантного поведения на трибунах. Многие современники отмечали высокую культуру боления. Однако встречались события, характерные и для современного этапа: «...бывали такие стихийные порывы. Я хорошо помню два раза на стадионе «Динамо» в 60-е гг. наши играли с «Зенитом». Помню даже я выскочил туда на поле и «Что ты?» — кричали мы ему (судье — Б.Н.) — «Что же делаешь-то?», а некоторые побили этого судью. Я в этом не принимал участия, но на поле выскочил, мне было лет 16. Это были единичные случаи» [6]. О другом подобном явлении писалось в газете «Волжский комсомолец»: «Федерация футбола СССР нас предупредила, что в случае недисциплинированного поведения зрителей команде «Крылья Советов» будет засчитано поражение, а последующие игры состоятся в других городах. В прошлом сезоне некоторые «ценители» футбола вели себя на трибунах недостойно. В результате они попадали в милицию или вытрезвитель» [8]. Именно в сфере спорта, в частности футбола различные эмоциональные переживания выходят наружу, где поведенческие практики обывателей не поддаются контролю со стороны официальных властей.

Таким образом, культура футбольного боления в СССР в послевоенный период достаточно многообразна и характеризуется различными проявлениями. Через зрительскую поддержку на матчах горожане Куйбышева чувствовали себя сопричастными с достаточно важными, на их взгляд, событиями культурной жизни общества. Почитание футболистов и тренеров делало возможным создание официально не регламентированных героев. Участие в совещаниях активов, публикации в периодической печати предоставляли возможность высказаться и быть услышанным. Девиантное поведение показывало эмоциональные переживания

людей, непонимание и неприятие отдельных фактов их жизни. Благодаря футбольной повседневности, которая играла большую роль в досуге горожан, население усваивало официальную культуру и при этом уклонялось от официально одобренных практик поведения.

Библиографический список

1. Интервью с Шукиным Б.Д. (род. в 1926 г.). 9.07.2015.
2. ЦГАСО. Ф. 1680. Оп. 1. Д. 14.
3. Интервью с Садовниковым В.В. (род. в 1940 г.). 13.07.2015.
4. Кожин Б. Рассказывает Борис Кожин. Самара, 2013.
5. Интервью с Вербовским Г.П. (род. в 1939 г.). 14.07.2015.
6. Интервью с Якуниным В.Е. (род. в 1941 г.). 18.07.2015.
7. Волжский комсомолец. 1957. 18 августа.
8. Волжский комсомолец. 1960. 15 апреля.

М.М. Гумеров

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩИХ ЧЕРТ «ИСЛАМСКИХ» РАДИКАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ 1991-2012 ГГ.

Во многие субъекты России после развала СССР были направлены специально подготовленные и финансово подкрепленные агенты самых разных исламских течений, в том числе и радикально настроенных. И Самарская область в этом отношении не стала исключением. Наиболее известными являются такие организации как: Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами («Партия исламского освобождения»), Таблиг и Джамаат, Ат-Такфир-валь-Хиджра, Булгаро-Уйгурский Джамаат, и некоторые другие группы, которые были менее известными или малопродуктивными в своей деятельности.

В рамках данной работы мы постараемся выявить общие черты всех вышеперечисленных организаций для того чтобы у граждан Самарской области сложилось представление о них. Казалось бы, что рядовой и не особенно грамотный в вопросах своей веры мусульманин более подвержен влиянию «исламских» радикальных сект, нежели русский человек православной культуры. Однако, данные опубликованные в журнале «Дело» в декабре 2012 года говорят об обратном. «Русские мусульмане» после принятия «ислама» часто испытывают «синдром неопита», откуда и проистекает все вытекающие последствия. Начиная с ощущения вины за несправедно прожитую жизнь и до желания замоливать грехи, переходящего в фанатизм.

Далее рассмотрим признаки характерные для многих «исламских» радикальных организаций, действовавших на территории Самарской области. Во-первых, главной целью для них является создание Халифата. В перспективе, конечно, мирового, где останутся приверженцы «чистого ислама» [4, с. 212]. А до тех пор часть новообращенных были отправлены на территорию Среднего и Ближнего Востока [3, с. 120]. Татарский исламовед Валиулла Якубов отметил, что около сотни тюркских семей выехало на территорию, где ведутся войны на афгано-пакистанской границе для мобилизации их в ряды незаконных вооруженных формирований. Другая занималась помощью в создании в России «Шариатского государства» на территории Поволжья. Согласно идеологии Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами, традиционные мусульмане сегодня якобы являются большими грешниками, потому что не воссоздают Халифат. И чтобы не умереть таковыми им, по мнению этой организации, необходимо содействовать возвращению мусульман к «истинному» исламскому образу жизни и распространению этой веры в мире путем «малого джихада», основав при этом исламское государство.

Во-вторых, для этих «исламских» организаций характерны крайние экстремистские идеи. Справедливости ради отметим, что все же построение Халифата хизб-ут-тахрировцы на начальном этапе пытаются на словах осуществить менее агрессивным путем с расчетом на то, что их аргументы окажутся правдоподобными для окружающих, а уже после разрешалось вести активно войну для расширения границ государства и подвластного населения. Именно поэтому они выпускали в большом объеме свои листовки и раздавали их в самарской мечети на вещевом рынке Советского района города [5, с. 9]. В ходе оперативно-розыскных мероприятий были задержаны трое членов организации «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами». При проведении обыска у задержанных лиц были обнаружены граната Ф-1, около 200 книг и брошюр, более 700 листовок на арабском, узбекском и русском языках [1, с. 100]. Параллельно с этим велась пропаганда против муфтия Самарской области Талипа-хазрата Яруллина, писали, что «истинный мусульманин не станет прислуживать светским властям» [5, с. 10]. Подобные меры воздействия были характерны и для остальных «исламских» радикальных организаций.

В-третьих, мы можем отметить, что многие лидеры данных организаций поддерживались западными странами, и в первую очередь в финансовом отношении, а также через защиту западными правозащитными и гуманитарными организациями, в результате чего становясь марионетками в руках реальных сил. Если же на начальном этапе их создания не все группы относятся к таковым, то, действовавшие «исламские» радикальные организации на территории Самарской области после развала СССР во многом оказывали услугу Западу, дестабилизируя ситуацию

во многих районах страны, разжигая межконфессиональные и межэтнические конфликты, примером которого являются Чеченские войны в 90-х годах [2, с. 47]. Более того, разделяя самих мусульман на истинных и сбившихся с праведного пути, призывали прежде всего к вооруженной борьбе с последними. По мнению татарского исламоведа Дамира Шагавиева, главный офис «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами» находится в Великобритании. Истоки данного утверждения лежали еще в материале египетской печати от 1985 года. Автор добавляет, что медиа офис базируется в Англии, а сервер интернета, обслуживавшего эту организацию, был обнаружен именно в Великобритании.

Таким образом, подводя итог, мы можем однозначно утверждать, что те «исламские» радикальные организации, что были замечены как действовавшие на территории Самарской области после распада СССР, были объединены некоторыми общими признаками, и в первую очередь это касалось цели этих групп, заключавшегося в построении Халифата на территории Поволжья, приверженностью к крайним экстремистским взглядам и оказанием поддержки им со стороны западных стран. Очевидно нужны дополнительные исследования для понимания всех тонкостей процессов, происходивших ранее. Каждый год на конкретные специализированных научных и религиозных конференциях на подобные темы в узких кругах ведутся дискуссии по самым различным вопросам касательно данного явления. И каждый год ученые-исследователи и органы безопасности РФ находят новые методы противодействия этим организациям для сохранения мирного порядка внутри страны.

Библиографический список

1. Гусева Ю.Н. Ислам в Самарской области. М.: Логос, 2007. 112 с.
2. Макаров Д. Радикальный исламизм в российских регионах // Материалы Всероссийской конференции «Ислам в советском и постсоветском пространстве». Казань: 2004. С. 47-66.
3. Миркасимов Б. Влияние радикальных исламских организаций на развитие ситуации в регионах Ближнего и Среднего Востока // Терроризм – угроза человечеству в XXI веке. М.: Институт востоковедения РАН, 2003. С. 119-147.
4. Исламские течения и группы: Учебное пособие. Казань: Хузур-Спокойствие, 1436/2015. 336 с.
5. Сулейманов Р. Р. Самарский Халифат. Исламский экстремизм в регионе – миф или реальность? // Журнал «Дело» (Самара). №11 (798). декабрь 2012 года.

СЕКЦИЯ III. ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

Д.А. Евграшин

Самарский национальный исследовательский университет

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЙН ВО ФРАНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Религиозные или Гугенотские войны стали определяющим моментом в истории Франции Раннего нового времени. По их итогу Франция классической абсолютной монархией с сильной централизованной королевской властью в руках новой правящей династии – Бурбонов.

На рубеже веков в российской исторической науке появляется целая плеяда медиевистов, занимающихся религиозными войнами во Франции, особенно нужно выделить работы С.Л.Плешковой, работы Ж.С. Метелкиной В.Д. Балакина и В.В. Шишкина.

За последние 15 лет в России было проведено несколько международных конференций самыми крупными из которых стали конференции в Санкт Петербурге проведенная в 2002 и 2012 годах. Именно на этих конференциях были выделены основные направления или подходы, в русле которых развивается изучение религиозных войн во Франции в современной отечественной науке.

На данный момент можно выделить 4 направления: изучение королевских дворов во время гугенотских войн, исторические биографии деятелей того периода времени, внутренняя и внешняя политика гугенотов и католиков во время религиозных войн и изучение поисков французской идентичности в эпоху конфликтов.

Изучением феномена королевского двора во Франции в эпоху религиозных войн занимается В.В. Шишкин, издавший в 2003 работу «Королевский двор и политическая борьба во Франции в 16-17 веках» [1, с. 142]. Для историка феномен двора Нового времени – это не просто почетное окружение монаршей персоны, организующее его повседневную жизнь, но главным образом – важнейшей социально-политический институт, ставший незаменимым посредником во взаимоотношениях государя и всех сословий страны, определяющий стиль, формы и логику

поведения королевской особы, равно как напрямую влияющий на все решения, которые от нее исходили. Шишкин в своей статье «Схватить королеву Наваррскую»: Беглый двор Маргариты де Валуа в 1585–1587 гг.» [2, с. 210] выделяет еще одну характерную черту того времени, а именно параллельное существование нескольких королевских дворов.

Помимо собственно парижского двора Генриха III (1574-1589), последнего короля династии Валуа, существовал также наваррский двор, пребывавший на юге Франции, главным образом в своих резиденциях в Нераке (французская провинция Гиень) или в По (суверенный Беарн). Не менее влиятельным по мнению автора был двор герцогов Гизов на северо-востоке Франции.

Другое обширное направление – это различные исторические биографии деятелей того периода. Здесь можно выделить работу С.Л. Плешковой посвященную Генриху Наваррскому [3, с. 199], работу Ж.С. Метелкиной об Адмирале Колиньи [4, с. 72] и биографию Генриха IV из цикла ЖЗЛ, написанную В.Д. Балакиным [5, с.10]. По поводу последней работы разгораются нешуточные споры в историческом сообществе. Так, например, в прошлогоднем Французском ежегоднике, все тот же Шишкин написал разгромную рецензию [6, с. 361], в которой обвиняет Балакина в недопустимой для любого историка мифологизации образа исторического деятеля. В связи с этим главной проблемой этого направления остается излишняя субъективность исследователей, которые постоянно бросаются из крайности в крайность.

Последние два направления являются совершенно новыми веяниями в изучении гугенотских войн в отечественной исторической науке, впервые озвученными на международной конференции в Санкт Петербурге в 2012 году.

Сама тема политической истории Франции конца 16 века широко изучена, но только в последние несколько лет, стали изучаться такие аспекты внутренней политики как деятельность комиссаров, ответственных за выполнение королевских «эдиктов умиротворения», а так же региональная политика королей на примерах определенных городов. Обе эти статьи были изданы в рамках коллективной монографии под редакцией В.В. Шишкина « Религиозные войны во Франции XVI в. Новые источники, новые исследования, новая периодизация» [7, с. 115, 164] изданной в 2015 году.

Там же, в статье М.В. Дмитриева «Католицизм и дискурсы французской идентичности в годы Парижской лиги» [7, с.231] рассматривается вопрос об отличиях в той роли, какую в построении дискурсов протонациональной идентичности во Франции и в России в 16-м веке играли христианские компоненты. Историк выяснил, что в отличие от Московской Руси христианские референции не входили в противоречие с дискурсами национальной идентичности даже в тех случаях, где ценности католицизма однозначно ставились выше всех остальных (пропагандис-

тские тексты Парижской лиги), а среди умеренных католиков и так называемых «политиков» католицизм вообще не вступал ни в какие коллизии с дискурсами национального сознания.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что за последние 15 лет отечественная историография выработала четыре ключевых направления в исследованиях, которые развиваются и по сей день, и позволяют иначе взглянуть на исторические процессы, происходившие во время религиозных войн во Франции.

Библиографический список

1. Шишкин В.В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в 16-17 веках. СПб, 2003.
2. Шишкин В.В. «Схватить королеву Наваррскую»: беглый двор Маргариты де Валуа в 1585-1587 гг. // Французский ежегодник, 2014.
3. Плешкова С.Л. Генрих IV Французский // Вопросы истории. №10. 1999.
4. Метелкина Ж.С. «Великий план» Гаспара де Колиньи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2009.
5. Балакин В. Д. Генрих IV. М., Молодая гвардия, 2011.
6. Шишкин В.В. Грустные размышления по поводу книг Василия Балакина «Генрих IV» и «Екатерина Медичи» // Французский ежегодник. 2014.
7. Шишкин В.В. Религиозные войны во Франции XVI в. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. СПб.:Евразия, 2015.

М.С. Ильминская

Самарский национальный исследовательский университет

ИЗУЧЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ XII-XIVВВ. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

История городской семьи стала изучаться отечественными медиевистами под влиянием школы «Анналов» в рамках новых, актуальных исторических направлений: «новая историческая наука», новая социальная история, историческая антропология, историческая демография. С 1990-х гг. история семьи стала самостоятельной областью научных исследований. Развитие изучения городской семьи относится к современной историографии.

Самый большой вклад в открытие, рассмотрение данной проблематики в отечественной медиевистике внес Ю.Л. Бессмертный. Начиная с 1990-х гг. под влиянием развития исторической антропологии выходит его книга «Жизнь и смерть в Средние века», в которой ученый акцентирует внимание на проблемах французской демографии IX-XVIIIвв. Ос-

новное внимание принадлежит анализу религиозных, нравоучительных трактатов. Бессмертный Ю.Л. описывает демографическую ситуацию во Франции в XII-XIV вв., также затрагивает проблему брачного возраста городской семьи [1, с. 14].

Проблему именно городской семьи в отечественной медиевистике подняла А.Л. Ястребицкая. В своей статье она анализирует иностранную историографию вопроса, анализирует городскую семью на материале северо-итальянских городов, сравнивает с французскими городскими семьями средних веков, говорит о локальных особенностях городских семей, об уникальности явления семьи в средневековом городе. Исследователь приходит к выводу, что семья представляет собой преимущественно домохозяйство, в европейском городе семье присущи черты многоячейного патриархального общества [2, с. 80-81].

Далее начинается активное изучение положения женщины в контексте, брака, общества, в том числе в городской среде, А.Л. Ястребицкая пишет главу «Женщина и общество» в разделе монографии по данной проблематике. Она аргументирует возросшую роль женщины-горожанки в XII-XIII вв., но не акцентирует внимание на хозяйственных функциях женщины внутри семьи [3, с. 310, 315].

Важна статья Репиной Л.П. «Женщина в средневековом городе», в которой автор выделяет функции жены-горожанки XIV-XV вв., в основном речь идет о женщинах, проживающих в Париже, его окрестностях. Репина Л.П. сообщает о частой иммиграции молодых девушек, женщин в город из ближайших деревень [4, с.209]. Автор акцентирует внимание на том, что в Средние века женщины практически участвовали во всех отраслях производства, соответствовавших их физическим силам, отмечает, что женщины были заняты в наименее престижных профессиях и получали более низкую заработную плату, чем мужчины [4, с. 212].

В 1996 г. свет увидел сборник статей «Человек в кругу семьи» под редакцией Ю.Л. Бессмертного. В книге наблюдаются новые подходы к изучению семьи как явления, а именно изучение индивидуальности средневекового человека [5, с.11]. Интересны статьи по истории частной семейной жизни в разных государствах, в том числе в интересующей нас Франции, для формирования целостной картины такого социального, культурного феномена как семья: Габдрахманова П.Ш. «Семейные традиции средневековых крестьян в отражении их родословных (Фландрия XII в.)», Лучицкой С.И. «Семья крестоносца: супружеский конфликт в начале XII в.», Блонина В. И. «Любовные связи и их литературное преломление во Франции XIII в.». В этих статьях делается акцент на специфике семей различных социальных прослоек, проблемы частной жизни горожанина рассматриваются в социокультурном контексте [5, с.341].

Иная точка зрения на проблему городской семьи у медиевиста И.В. Дубровского, проблему семьи, брака как явления, он рассматривает в рамках социальной истории [6, с.22]. В своей статье он отождествляет

понятия дома и семьи, уделяя большое внимание структурам повседневности. Он считает определенными чертами дома (семьи) то, что домохозяйство заключает в своих стенах такие важные моменты человеческой физиологии, как питание и сон [7, с.42-43], т.е. его интересует прежде всего хозяйственная, бытовая составляющая семейной жизни, это поможет нам раскрыть важные функции супругов в кругу семьи.

Таким образом, лишь в немногих работах отечественных историков есть попытка исследования материала, учитывая специфику собственно городской семьи. Можно заметить, что изучение городской французской семьи в Средние века многоаспектно, авторами учитывается множество факторов, сюда входит и проблема детства, проблема положения женщины.

Библиографический список

- 1 Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М.: Наука, 1991.
2. Ястребицкая А.Л. Семья в средневековом городе // Вопросы истории. 1985. № 8. С. 68-81.
3. Ястребицкая А.Л. Женщина и общество // Средневековая Европа глазами современников и историков. Часть III. Средневековый человек и его мир. М., 1994. С. 283-315.
4. Репина Л.П. Женщина в средневековом городе // Феномен средневекового урбанизма / Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 1999. Т.1. С. 207-212.
5. Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1996.
6. Дубровский И.В. Очерки социальной истории. SELECTAXII. М.: «Регнум», 2010.
7. Дубровский И.В. Средние века: структуры повседневности // Всемирная история: Средневековые цивилизации Запада и Востока. Т. 2. М.: Наука, 2012. С. 33-54.

Я.М. Цыганова

Самарский национальный исследовательский университет

ТЕРМИНЫ «ПОВОЛЖЬЕ» И «СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ» В НАУЧНЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Одной из перспективных проблем в развитии современных краеведческих исследований является изучение того, как формируется региональная идентичность, то есть представления о своеобразном месте региона в историко-культурном пространстве страны. Восприятие региона в общественной мысли определенной эпохи отражается, в частности, в том, как его именовали.

Здесь рассматривается история наименования «Среднее Поволжье», а также границы этого региона в понимании авторов публицистических и научных изданий второй половины XIX – начала XX вв.

До середины XIX века авторы изданий просветительского характера по отношению к нашему региону, как правило, использовали термины «берега Волги» [1, с. 2; 2, с. 130; 3, с. 189], «Приволжье» [2, с. 347; 4, с. 205] и др.

Термин «Поволжье» появился, как мы можем предположить, в более поздний период, однако определить точное время его появления не представляется возможным. Во многих словарях и энциклопедических справочниках второй половины XIX века понятие «Поволжье» не встречается. Однако уже в 1860-е гг. этот термин фигурирует как наименование конкретной территории в «Географических очерках» А.Н. Сергеева, и в состав Поволжья автор включает весь бассейн Волги от истока до устья [5, с. 46]. В 70-80-х гг. XIX столетия понятие «Поволжье» используется в названиях научно-исторических трудов, например, в исследованиях Г.И. Перетятковича. В его работах под «Поволжьем» понимаются те территории, которые мы сейчас называем Средним и Нижним Поволжьем [6; 7]. В знаменитом «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», изданном в 1890-е гг., понятие «Поволжье» не выделено как отдельный термин, требующий объяснения. Однако выражения «Поволжье» и «поволжские города» часто употреблялись авторами статей, посвященных истории колонизации края, городам и губерниям Поволжья [8, с. 30]. Наконец, понятие «Поволжье» нашло свое место в изданной в начале XX века «Большой Энциклопедии» [9, с. 296].

Термин «Поволжье» в середине XIX столетия только начал входить в научный оборот. Тем не менее, это понятие довольно быстро стало широко распространенным термином, который использовали для наименования региона как в научной, так и в популярной литературе.

Другой вопрос, который важен для нашего исследования, – как появился термин «Среднее Поволжье».

Обращаясь к изданиям вышеупомянутых авторов, мы можем увидеть, что с середины XIX века выделяли верхнее, среднее и нижнее течение Волги. П.П. Семенов-Тян-Шанский в первом томе своего словаря делил Волгу на четыре главные части, относя ко «второму среднему течению» регион от устья Камы до Царицына [10, с. 509]. Свой вариант деления течения Волги предложил и А.Н. Сергеев: «верхнее – до Нижнего Новгорода, среднее – до устья Сарпы, и нижнее – до моря» [5, с. 47-48]. В труде С.М. Соловьева также используется термин «Средняя Волга» для обозначения территории, где располагалось Казанское ханство [11, с. 461]. Таким образом, в 1860-х гг. в научных изданиях намечилось выделение срединной части реки Волги и соответственно Поволжья.

На рубеже XIX – XX вв. термины «Средняя Волга» и «Среднее Поволжье» становятся взаимозаменяемыми и настолько распространенными, что используются в научных и публицистических работах как название конкретного региона. В энциклопедических изданиях, вышедших на рубеже XIX – XX вв., в границы Среднего Поволжья, как правило, включали Казанскую, Симбирскую и Самарскую губернии, реже – Саратовскую губернию [12, 13]. Несмотря на различия в определении географических границ Среднего Поволжья у разных авторов, все они включали в состав этого региона территорию от Волго-Камского слияния до впадения реки Самары в Волгу.

Таким образом, появившийся в середине XIX века термин «Поволжье» становится к концу столетия общеупотребительным – как и возникший несколько позже термин «Среднее Поволжье». О том, насколько прижились эти понятия, может свидетельствовать тот факт, что созданная в данном регионе в конце 1920-х гг. область (а впоследствии край) так и называлась: Средне-Волжская. Хотя эти административные единицы были вскоре упразднены, термин «Среднее Поволжье» постоянно употребляется и в наше время.

Библиографический список

1. Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб, 1791.
2. Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года. Петрозаводск, 1997.
3. Полевой Н.А. История русского народа. Т. 2. М., 1997.
4. Погодин М.П. Начертание русской истории. М., 1835.
5. Сергеев А.Н. Географические очерки России. Вып. 3. СПб, 1866.
6. Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877.
7. Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.
8. Энциклопедический словарь. Т. 13. Репр. воспр. изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона 1890 г. М., 1991.
9. Большая Энциклопедия: словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. Т. 15. СПб, 1904.
10. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 1. СПб, 1863.
11. Соловьев С.М. Сочинения в 18 кн. Кн.3. Т. 5 и 6. История России с древнейших времен. М., 1989.
12. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8. Среднее Поволжье и Приуральский край. Ч. 1. Среднее Поволжье. СПб, М., 1901.
13. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. В.П. Семенова. Т. 6. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб, 1901.

ПРЕДПОСЫЛКИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ

На настоящий момент не написано исследований строго по новейшей историографии Февральской революции 1917 года в России, т.е. датируемой позже 1980-х гг. Однако, при степени разработки проблемы это уже и возможно, и порой необходимо.

С происходящей переоценкой значения различных исторических событий, включая Февральскую революцию 1917 года, историки стали проявлять большее внимание и к «доаффективной фазе» февральской революции. Несмотря на нелюбовь к крупным обобщениям у многих исследователей, связанную с методологическим кризисом в исторической науке, можно выделить два (сугубо условных) «полюса» в трактовках характера Февральской революции: «от массы» и «от группы».

В первом случае революция рассматривается через поведение человеческих масс (как больших групп людей, обладающих психической общностью). Сюда же примыкает изучение классов, хотя «масса» обычно шире чем «социальный класс». В изучении масс, вслед за монографией В.П. Булдакова «Красная смута» большее внимание уделяется иррациональным аспектам поведения [1], в соответствии с антропологическим поворотом в науке, в изучении классов – рациональным соответственно. В связи с интересом к иррациональности по-новому оценивается влияние символов и репрезентаций, что особо ярко проявляется в работах Б.И. Колоницкого, а также С.В. Ярова, В.Б Аксенова.

Во втором случае авторы рассматривают революцию как результат деятельности малых групп внутри «социальных классов», либо «прослоек» – если использовать марксистскую терминологию – за которыми уже невольно следуют остальные. Крупные промышленники, интеллигенция, Дума, германское правительство, масоны и т. д. Так, например, Б.Н. Миронов видит одной из важнейших причин утопических настроений интеллигенции и действия предпринимателей, желающих получить власть [3], А.Б. Николаев рассматривает Думу как центр революции [4]. Определенную популярность получила масонская тема, как в умеренных оценках А.Я. Авреха, так и в более радикальных суждениях В.С. Брачева.

Вообще, изучение взаимоотношений различных малых групп (в том числе и не игравших крупной роли в революции и перед ней) и отдельных аспектов этих отношений является следствием спада интереса к написанию обобщающих работ за последнее десятилетие. Прямой вопрос

«каковы предпосылки революции?» ставится редко, хотя из узких исследований уже можно составить примерную картину нового видения этих предпосылок.

Во-первых, это новая, но уже общепринятая идея о десакрализации власти и, в частности, образа императора. Наиболее подробно она рассмотрена уже упомянутым Б.И. Колоницким [2].

Экономика России, как до войны, так и во время нее, оценивается в основном как отсталая (сильнейший исследователь здесь – В.В. Поликарпов), но порой и как развитая (у Б.Н. Миронова). Соответственно, при негативных оценках экономические предпосылки революции представляются исследователям ключевыми. Отдельную роль здесь играет изучение экономики военного времени [5].

Хотя ключевую роль Первой мировой войны в катализации революций 1917 года никто не оспаривает, выделяются новые факторы в ее влиянии на общество. Военно-историческая антропология показала значимость ПТСР в массовом сознании солдат, особенно дезертиров. Особо интересны многим исследователям (П.П. Марченя, Е.С. Сенявская, У. Фуллер) ксенофобские настроения общества накануне революции, шпиономания и другие патологии массовой психологии.

Таким образом, сегодня имеется сильный интерес к проблеме «стихийности» в революции, а точнее – ее взаимодействия с ранее изученными аспектами (деятельность партий, политических организаций). Экономические и политические предпосылки оцениваются с новых сторон, и в них обнаруживаются новые нюансы.

Библиографический список

1. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.:РОССПЭН, 1997.
2. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
3. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII- начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Дм. Буланин, 1999.
4. Николаев А.Б. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002.
5. Поликарпов В.В. Русская военно-промышленная политика. 1914-1917. Государственные задачи и частные интересы. М.: Центрполиграф, 2015.

ОБЫВАТЕЛЬ В РЕВОЛЮЦИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАЕКТОРИИ И ПУТИ ПОВСЕДНЕВНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Что понимать под термином «обыватель»? Существует большое количество определений данного слова, однако мы будем понимать под этим термином рядового мещанина, средние городские слои, вовлеченные в революцию ровно настолько, насколько допускало патерналистское государство.

Главные проблемы исследования – выделение совокупностей практик поведения горожан Самары в годы первой русской революции, а также определение стороны, на которой находился обыватель в этот отрезок времени – власть или революция.

Основным методом выбран названный в труде Альфа Людтке «История повседневности в Германии» [8] метод «коллажа» – создание обобщенного материала из источников разного типа для реконструкции прошлого.

Говоря о благосостоянии рядового обывателя города, по подсчетам Миронова, в день провинциальный промышленный рабочий мужского пола получал в среднем 114 коп., женского пола – 57 коп. Учитывая более высокий уровень цен в столице, можно сделать вывод, что все это могло вполне обеспечить самодостаточную жизнь самарского обывателя [9, с. 352-353].

Откуда революция попадала в будни рабочих? Существенно и первоначально на приобщение населения к идеям революции влияла сфера образования. К 1905 году в Самаре существовали 11 средних специальных учебных заведений [1]. Самой большой опорой революционеров была литература [10, с. 19-20], где использовалась идея личности как знака – главными действовавшими лицами в литературе выступали герои-революционеры [10, с. 41]. Еще один важный социальный институт – средства массовой информации в виде газет и журналов, а также листовок и прокламаций. И особенно значимым институтом являлась инфраструктура города, где встреча с революцией происходила на уровне повседневной жизни народа.

Все это подтверждается следующими фактами. Новость об убийстве князя Сергея Александровича в Москве была опубликована в «Самарской газете» в 1905 г. Слесарь Палкин, написавший донос на своего работодателя, спросил у него, слышал ли тот скорбную новость. На что последний ответил: «Слышал. И поделом вору» [4, л. 9].

В кухмистерской пивного завода Вакано, во время празднования Нового 1906 года неизвестный студент вскочил на стул и произнес долгую

речь, заканчивавшуюся словами «Долой правительство, долой самодержавие» [453, л. 25]. Вскоре публика начала расходиться, и выпивший почетный гражданин Степницкий был задержан как особенно выделявшийся криками «Долой правительство!» [453, л. 25].

Служащие Куранов и Сидоров в пивной лавке в 1905 г. столкнулись с некими агитаторами, призывавшими не идти на войну в Японию. Услышав это, рядовые позвали своих сослуживцев послушать, что те говорят. Когда девианты и дальше стали распространять преступные идеи, на них военные и написали донос в полицию [3, л. 26-27].

Еще один инцидент произошел в гостинице Уланова. Здесь также встретились группа девиантов и двое обычных горожан. Одним из них был гражданин Дальнов, который, увидев агитацию в листовках провокаторов, а затем и в их словах, начал ругань и драку [5, л. 23-24].

У Федора Богоявленского, самарского мещанина, при обыске в квартире было найдено 15 прокламаций и 3 брошюры преступного содержания. Тот указал, что во время прогулки случайно их нашел около Струковского сада и поднял, чтобы прочитать содержащуюся в них информацию [7, л. 23].

Одним из самых известных события Первой революции в Самаре стала маевка 1905 года. В городском парке началось пение марсельезы и револьверные выстрелы. Толпа испуганных горожан двинулась, и тут одного из свидетелей толкнули «настолько сильно, что при криках «бей полицию», чуть не сбили с ног [6, л. 53]. На что виновник ответил, что шел с толпой, не принимая участие в демонстрации, и толкнул /свидетеля/ и некоторых других неумышленно [6, л. 56].

Таким образом, можно выделить три практики, в которые выливалось знание о революции, которое люди получали из своей повседневной жизни:

– «неуважение к власти и правительству» [11] – как показывает практика, это проявляется не только в целенаправленных действиях профессиональных революционеров, но и в совершенно обыденной жизни;

– преступные действия путем воззваний, распространения листовок и прокламаций;

– публичные собрания, демонстрации, шествия и т.п.

Но почему каждую из этих практик большинство ее окружающих не поддерживает? Вероятно, из-за того, что обыватель все еще находился ближе к власти. Произошло столкновение «легальной и подпольной России» [10, с. 71], и простой горожанин, не до конца осознавая, что он наблюдает в нынешней ситуации, «пугается» этой революции и спешит исправить положение дел. Сам по себе факт подачи жалоб в полицию говорит о неготовности воспринимать непривычные идеи и действия.

На всех этих основаниях можно утверждать, что в большинстве своем обыватель, случайно соприкасаясь с революцией, стоит на консервативных позициях и оказывается вне революционной борьбы.

Библиографический список

1. Годнев Д. Самарская учащаяся молодежь в революции 1905 года // Волжский комсомолец. 1955. 14 сентября.
2. ГУСО ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 453.
3. ГУСО ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 458.
4. ГУСО ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 467.
5. ГУСО ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 484.
6. ГУСО ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 490.
7. ГУСО ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 491.
8. Людтке А. История повседневности в Германии. М., 2010.
9. Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России, XVIII – начало XX вв. М., 2012.
10. Могильнер М. Мифология подпольного человека: радикальный микроскоп в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999.
11. Уголовное Уложение. 1903.

М.И. Кузнецова

Самарский национальный исследовательский университет

КОГДА ЧАСЫ ЖИЗНИ ОСТАНОВИЛИСЬ. АРЕСТ, СУД, ТЮРЕМНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ В МЕМУАРАХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Революционное движение последней четверти XIX века протекало в непрерывной борьбе революционеров с царским правительством. После покушения Каракозова в 1866 году на царя Александра II реакция правительства усилилась. Лавина преследований, обвинений и арестов накрыла страну. «Буквально: надо знать географию России, чтобы понять, как велика масса арестов», – писал в октябре 1874 г. А.А. Кропоткин П.Л. Лаврову [4, с.63].

Антропологический поворот в исторической науке дал возможность по-новому взглянуть на суть революционного движения в императорской России: исследователей все чаще интересует психология революционера, его мотивация, образ мышления. Ценный материал для изучения этой проблематики дают эго-источники; по ним можно проследить, как сами революционеры осмысливали переломные моменты своей жизни – арест, суд, тюремное заключение.

Конечно, человек подполья жил как на пороховой бочке, и революционеры прекрасно понимали, что рано или поздно будут схвачены. Эту мысль выразила В.Н. Фигнер: «...Я часто думала, могла ли моя жизнь идти иначе, чем она шла, и могла ли она кончиться чем-либо иным, кроме скамьи подсудимых? И каждый раз я отвечала себе: нет!» [5, с. 381].

Арестованные революционеры придерживались определенной тактики, давали себе четкую установку не вести диалог с «врагом», в лице

правительства и его приспешников, служащих Третьего отделения, жандармов, Департамента государственной полиции. Так, Н.А. Морозов в своих воспоминаниях рассказывает, что, когда он был схвачен, то выбрал для себя тактику молчать или намеренно давать ложную информацию, с целью запутать следствие, даже под угрозой пытки [3, с. 21]. О.В. Аптекман же при аресте лаконично выразил свою позицию: «Ваше дело полагать, мое — отрицать: интересы у нас различные» [1, с. 220].

С 1870-х годов политические процессы все больше приобретали черты гласности, публичности. Поэтому принципы поведения и тактика на суде тщательно прорабатывалась революционерами. Так, большая роль отводилась выступлению или последнему слову на суде. Очень точно высказалась по этому поводу В.Фигнер, что «подсудимому дается случай, единственный по необычайной, трагической обстановке и последний, быть может последний в жизни, случай, — выявить свой нравственный облик, выяснить нравственное оправдание своих поступков, своего поведения и во всеуслышание сказать то, что он хочет сказать, что должен сказать и что может сказать» [5, с. 379]. Поэтому речи на суде могут служить ценным источником по психологии революционного движения, позволяя понять систему ценностей и мотивацию революционера.

Первые годы заключения были самыми тяжелыми с психологической точки зрения. Никаких внешних впечатлений не поступало — «ни книг, ни свиданий, ни вести о родных, о том, что делается на свете» [2, с. 113]. Казалось, непроходимая пропасть отделяла заключенных от внешнего мира. В таких условиях одиночного заточения они испытывали невероятно тяжелые душевные страдания. Единственным средством связи друг с другом было перестукивание, которое постоянно пресекалось жандармами. Эта единственная связь между узниками давала им огромную психологическую поддержку. Каждый понимал, что он не одинок, что есть товарищи, которые разделяют его участь. Мучительную жизнь заключенных облегчали некоторые льготы. Например, в Шлиссельбурге это были парные прогулки и возможность заниматься некоторыми видами деятельности — трудовой и научной. Но не все могли пользоваться такими благами, и они страдали. Конечно же, товарищи не могли спокойно пользоваться этими льготами, зная, что там за стеной от одиночества и бездействия гибнет друг. Отсюда и стали возникать организованные, совместные действия. В тюрьме также вырабатывалась особая тактика поведения: выдержка, углубленная работа над собой.

И все же многие не выдерживали той участи, которая была им уготовлена. Мрачные сырые камеры, скудное питание, и в результате — цинга, чахотка и смерть. Умиравали и слабые, и сильные. Но те, кто пережил эту казнь при жизни, смогли сохранить память о своих товарищах по заключению и воскресить их в своих мемуарах.

Таким образом, арест, суд и заключение — это сложный переломный период в жизни революционеров, когда происходит разрыв с внешним миром и часы жизни останавливаются. Оставаясь наедине с собой, заточенные на долгие годы в крепости, узники преодолевали огромный психологический барьер. Поэтому этот период наиболее эмоционально отражен в мемуарной литературе. Именно мемуары помогают нам понять психологию революционера в его неистовой борьбе за идеалы революционного движения.

Библиографический список

1. Аптекман О.В. Из истории революционного народничества. «Земля и воля» 70-х годов. Р-н-Д., 1907.
2. Ашенбреннер М.Ю. Военная организация Народной воли и другие воспоминания (1860-1904 гг.). М., 1924.
3. Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т.2. М., 1965.
4. Троицкий Н.А. Царский суд против революционной России. Саратов, 1976.
5. Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания. Т.1. М., 1964.

Н.В. Аленичева

Саратовский государственный университет

ПРИРОДА «НАРОДНОЙ РАСПРАВЫ»: ПРОГРАММА, ТАКТИКА, ПСИХОЛОГИЯ ТЕРРОРИСТА (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА НАД «НЕЧАЕВЦАМИ»)

Пореформенный период в России характеризуется подъемом освободительного движения. Для дезорганизации правительства и возбуждения народных масс начинают использоваться террористические методы.

Первой последовательно террористической организацией в России по праву можно считать «Народную расправу» [1, л. 37 об.]. Ее создателем и единоличным главой был С.Г. Нечаев. Он родился в 1847 г. во Владимирской области, в семье мещанина. В 1868 г. участвовал в студенческих волнениях в Петербурге, после чего скрылся за границей. Там вдохновившись идеями М.А. Бакунина, Н.П. Огарева и А.И. Герцена, Сергей Геннадьевич возвращается в Россию и организует в 1869 г. тайное сообщество.

Цель нечаевской организации, по обвинительному акту, состояла в возбуждении народного восстания 19 февраля 1870 г. [4, л. 11]. «По истечению, — писал Нечаев, — 9 — летнего своего новопридуманного рабства в 1870, в юбилей Разина и Пугачева, эта осмысленная ненависть грянет Божьим громом над утопающей в разврате и подлости знатью» [5, л. 237 об.].

Нечаев рассчитывал на создание нового общества, путем совершения «народной мужицкой революции» [5, л. 223 об.]. По его мнению: «Спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции порядка и классы в России...» [5, л. 247].

Успех переворота он обуславливал наличием строго законспирированной, централизованной, построенной на началах слепой дисциплины организации. По представлениям С. Нечаева, оно должно было иметь центральную «пятерку» и сеть разветвленных конспиративных кружков, а во главе всего стоял международный комитет, в сущности, выдуманный самим Нечаевым.

В «Катехизисе революционера» описывается идеальный нечаевец — человек, добровольно прерывающем все связи с обществом, отказывающийся от личных интересов и чувств, и испытывающий лишь одну потребность — разрушения [5, л. 244].

Лидер «Народной расправы» считал терроризм обязательным атрибутом революционной организации. Он писал: «...Мы потеряли всякую веру в слова ... скромная и чересчур осторожная организация тайных обществ, без всяких внешних, практических проявлений, в наших глазах не более, чем мальчишеская игра, смешная и отвратительная. Фактически же проявлениями мы называем только ряд действий, разрушающих положительно что-нибудь: лицо, вещь, отношение, мешающие народному освобождению» [2. с. 93].

Серия террористических актов должна была послужить началом «истинного движения, с целью приготовления благоприятных условий для близкого, общенародного восстания против государственности и сословности» [1, л. 39-39 об.].

Осуществить Нечаеву удалось только один террористический акт — как известно, его жертвой стал студент, участник нечаевской «Народной расправы» И.И. Иванов, выразивший сомнения в некоторых действиях Нечаева. Он, по мнению Нечаева, представлял опасность для «Народной расправы», подрывая авторитет ее руководителя — и был уничтожен в полном соответствии с шестнадцатым параграфом «Катехизиса...» — «прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для организации» [1, л. 43].

Таким образом, просуществовав менее трех месяцев, «Народная расправа» не проделав серьезных шагов к воплощению революционных планов своего предводителя, расправилась со строптивцем, отступником, пожелавшим покинуть стаю [3. с. 169].

Убийство было раскрыто, организация «Народной расправы» разгромлена. Самому Нечаеву удалось эмигрировать. В 1872 году он был выдан швейцарскими властями русскому правительству. В 1871 году состоялся суд над «нечаевцами», а 8 января 1873 года Московская судебная палата приговорила Нечаева к 20 годам каторги.

Если в действиях рядовых нечаевцев удастся выследить жажду освободить народ от тяжелого бремени или чувство мести правительству за тяготы русского человека, то в деятельности Нечаева эти принципы, вряд ли прослеживаются. Поэтому фигура Нечаева считается сложной и противоречивой, не имеющей однозначной оценки в историографии.

Однако, нечаевская традиция физического уничтожения, беспрекословного подчинения низов вышестоящим революционерам, оправдания любого аморализма, если он служит интересам революции, прослеживается в течение всей последующей истории русского революционного движения [1, л. 43 об.].

Хотя после «нечаевского процесса» среди участников движения сохранились отдельные сторонники терроризма, все же большинство народников отказалось от крайних методов. В противовес беспринципности «нечаевщины» возникли кружки и общества, в которых вопрос революционной этики стал одним из главных. Анализ «нечаевщины» позволяет определить противоречия в России того времени и изучить историю всего общественного движения во второй половине XIX века.

Библиографический список

1. Будницкий О.В. Терроризм в Российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2000.
2. За сто лет (1800-1896): Сборник по истории политических и общественных движений в России. Лондон, 1897.
3. Лурье Ф.М. Нечаев: Созидатель разрушения//URL: <http://on-island.net/History/Nechaev/SNechaev.htm> (дата обращения: 15.11.2015).
4. Политические процессы 60-80 гг. Нечаев и нечаевцы: Сборник материалов. М.; Л., 1931.
5. Революционный радикализм в России: Век девятнадцатый. М., 1997.

Д.С. Дурнева

Московский государственный университет

ОТ ПРОПАГАНДЫ К ТЕРРОРУ: К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ И ПРИЧИНАХ ОБРАЩЕНИЯ НАРОДНИКОВ К ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ МЕТОДАМ БОРЬБЫ

После неудачного хождения в народ в 1874 г. революционеры создали организацию «Земля и воля», основанную на абсолютно новых принципах. Ее члены должны были устраиваться в крестьянских поселениях на постоянные должности волостного писаря, учителя или фельдшера с целью основательного внедрения в крестьянскую среду и более плодотворной пропаганды. Однако вскоре обстоятельства в Российской импе-

рии сложились таким образом, что большая часть народников обратилась к новым методам революционной борьбы — кинжалу и револьверу, с которыми не были знакомы участники хождения, которое, по словам Андрея Желябова, было «движением крайне безобидным по средствам своим, движением совершенно бескровным, отвергавшим насилие, не революционным, а мирным» [1, с. 22].

Прежде всего нужно ответить на вопрос, в чем же состояла истинная причина столь резкой перемены взглядов части народников в 1878-1879 гг., а также, в какой момент революционеры всерьез обратились к террору. Советская историография практически единодушно сходится во мнении, что народников вынудил к тому неуспех работы в деревне, ибо они допустили ошибку, избрав в качестве опоры не пролетариат, а крестьянство [см., напр. 2, с. 3]. Тем не менее, по свидетельствам непосредственных участников тех событий, вовсе из-за разочарования в крестьянстве как движущей силе революции народники прибегли к террору. А из-за разочарования в методах борьбы в тех условиях, в которых приходилось вести пропаганду. Неудачи приводят их к мысли, что причина неуспеха — это препятствия, чинимые их деятельности местными властями: «О деревне же писали, что работа там становится все безнадежнее благодаря репрессиям правительственных чиновников, усиленно преследующих самых скромных культурных деятелей» [3, с. 185]. Вместе с тем поселенцы уходили из деревни с мыслью, «что народ видит в нас своих друзей» [4, с. 174]. В обстановке всеобщего негодования и преследований народники ощущали, что для борьбы со сложившейся ситуацией необходима не только пропаганда в народе, но и мощная организация, готовая применить силу. Как видно из воспоминаний М. Р. Попова, смена тактики и настроений в народнических кругах произошла очень резко: «Я уехал в начале января, а во второй половине марта 1879 г. я опять в Петербурге и нахожу всех моих друзей, стремящихся по наклонной плоскости к той деятельности, которая стала потом программой партии «Народной Воли»» [5, с. 21]. Вспоминая о спорах с А. Д. Михайловым по тому же вопросу в декабре 1878 г. В. Н. Фигнер писала, что «каждый из нас остался при своем мнении, и я уехала к мужикам, тогда как он отдавал уже полное предпочтение деятельности в городе» [4, с. 159].

Еще одной из весомых причин перехода от пропаганды к террору стали рассказы переживших царские тюрьмы о том, что в этих тюрьмах с ними происходило. Первым актом возмездия стало покушение В. И. Засулич на Ф. Ф. Трепова в феврале 1878 г., однако, этот отчаянный поступок под давлением обстоятельств нельзя еще считать поворотным моментом: он был только личной инициативой В.И. Засулич, несмотря на которую она осталась убежденной сторонницей пропаганды. И лишь после того, как в августе 1878 г. «Земля и воля» ввела в свою программу «агрессивную политику возмездия против насильников, и первым таким

возмездием был террористический акт против шефа жандармов Мезенцова за то, что по его инициативе большинству осужденных по процессу 193-х присужденные судом кары заменены были более тяжелыми» [3, с. 188], можно говорить о том, что революционер всерьез обратился к кинжалу и револьверу, не до конца еще, однако, отрешившись от мыслей о мирной работе. После погрома, учиненного полицией 12-13 октября 1878 г. во время расследования по делу об убийстве Н. В. Мезенцова, даже такие убежденные адепты агитационной борьбы в деревне, как М. Р. Попов, прямо говорят о том, что решено было «приступить к организации таких фактов, как отмщение шефу жандармов Дрентельну за погром» [5, с. 20]. Как мы видим, в тот момент самые «мирные» землевольцы пришли к признанию необходимости расправы и справедливости возмездия за судьбы товарищей.

И лишь после того, как те члены «Земли и воли», которые и раньше выступали за покушение на царя, предпринятое А. К. Соловьевым в апреле 1879 г., стали высказывать мысль о том, что это дело необходимо довести до конца и поставить политический террор «на поток», противоречия между бывшими товарищами становились все более непримиримыми. Однако, речь о настоящем расколе не заходила еще даже за несколько дней до Воронежского съезда в июне 1879 г., что на наш взгляд свидетельствует о том, что обращение к террору не было вызвано каким-то единогласным решением или конкретным событием, определившим судьбу дальнейшей революционной борьбы. Многие народники «явились в город не с готовым намерением покинуть деревню» [5, с. 15]. Скорее, оно было обусловлено цепью событий, как объективных, так и субъективных, глубоко личных мотивов, и произошло в тот момент, когда народники почувствовали необходимость ответить на расправу с близкими и друзьями, разрушение народнических поселений и жесткие карательные меры правительства, приступившего к борьбе с крамолой с поистине широким размахом.

Библиографический список

1. Попов М. Р. Записки Землевольца. М., 1933.
2. Твардовская В. А. Возникновение революционной организации «Народная воля» (1879-1881). М., 1960.
3. Викторова-Вальтер С. А. Московская радикальная молодежь 70-80 гг. // Из истории «Земли и воли» и «Народной воли». Споры о тактике. М. — СПб., 2012.
4. Фигнер В. Н. Запечатленный труд. М., 1964. Т. 1.
5. Попов М. Р. «Земля и воля» накануне Воронежского съезда // Былое. 1906. №8.

**«ТРИ ПРЕДМЕТА НЕНАВИСТИ» КАТОРЖАН ПО ОЧЕРКАМ
В.М. ДОРОШЕВИЧА И П.Ф. ЯКУБОВИЧА (КОНЕЦ XIX В.)**

В немногочисленной исследовательской литературе, посвященной каторжанам в дореволюционной России, тема их взглядов и идеалов не поднимается [см., напр.: 1, 2]. Что касается источников, в нашем распоряжении имеется не так много произведений, носящих более художественный, нежели исследовательский характер. В них очевиден не только географический (Сибирь и Сахалин), но и хронологический разброс (50-ые и 90-ые годы XIX в.). «Записки из мертвого дома» Ф.М. Достоевского были написаны в 1861 г. под впечатлением от заключения автора в Омском остроге (1850-1854 гг.). В произведении А.П. Чехова «Остров Сахалин», которое было написано после поездки автора сюда в 1890 г., идет больше внешнее описание каторжного острова, его быта и порядков. А в книге народовольца П.Ф. Якубовича «В мире отверженных», написанные в Акатуйской каторжной тюрьме в начале 1890-х гг., и в очерках В.М. Дорошевича «Сахалин. Каторга», также посетившего остров в 1897 г., мы сталкиваемся с реальным каторжанином, из рассказов которого можно почерпнуть его систему взглядов. Беседуя с каторжанами, П.Ф. Якубович особо выделяет три предмета ненависти: священники, доктора и женщины. Попробуем разобрать каждый и сравнить, так ли было на Сахалине по описаниям В.М. Дорошевича.

На прямой вопрос автора «В мире отверженных», верит ли каторжанин в бога, ему отвечают: «Какой Бог?... Где только мы ни бывали. В таких глухих местах, куда и ворон костей не заносит, и зверь не заходит. Нигде не видели ни Бога. Ни дьявола!» [3, с. 50-51]. После посещения иностранного проповедника арестанты обсуждают его внешность и одежду, розданные им Евангелия сразу же пускаются на папиросы, никто и не задумывается о цели его визита: «Вот такого бы гуся на дороге встретить, небось с одного б слова все отдал, что при ем есть, и часы, и сюртук, и деньги!» [3, с. 399]. Подобную же ситуацию описывает В.М. Дорошевич. Он отмечает также, что «большинство каторги – атеисты. И если кто-нибудь из каторжников вздумает молиться в тюрьме, – это вызывает общие насмешки. Каторга считает это «слабостью», а слабость она презирает» [4, кн. 2, с. 127]. Поскольку надеяться каторжанину не на что, рождается другая вера – в фарт, удачу. Автор отмечает: «человеку, попавшему на Сахалин, не на что надеяться, кроме случая... Это создало... веру в «фарт», в счастливый случай» [4, кн. 2, с. 100]. Что же касается самих священнослужителей, первого предмета ненависти каторжан по Якубовичу, «духовенство пользовалось ненавистью среди всех, по-

головно всех обитателей каторги» [3, с. 215]. На Сахалине батюшка рассказывал: «ходил к ним со святой водой, руганью встречают, сквернословием, издевательствами. Тут священное поешь, а рядом на нарах непотребные слова, хохот, каждое твое слово подхватывают, переиначивают, кощунствуют, смеются. «Ишь, — кричат, — долгогривый, гнусить сюда пришел, только играть мешаешь. Вон убирайся!»» [4, кн. 3, с. 191]. Причины нелюбви к священникам, как представляется, в том, что сами каторжане не вели и не ведут праведной жизни, а сама каторга их еще больше развращает, а вера в такой среде считается слабостью.

Второй предмет ненависти каторжан по запискам П.Ф. Якубовича — врачи. «Эти дохтура хуже нам, чем мошкара. Та тебя просто заест, а эти снимут и крест» [3, с. 70], — такая сентенция наиболее полно выражает взгляд каторжан на врачей. Автор полагает, что неприязнь к медицине и ее представителям коренится в нашем темном народе [3, с. 71]. Дорошевич отмечает, что одного доктора также ненавидели за его черствость, сухость, недружелюбное отношение к арестантам, считавшим, что он их «только водой и лечит» [4, кн.1, с.67]. Как представляется, причиной такой ненависти действительно были сами фельдшеры (или «фершалы», как говорят каторжане), которые нередко спивались на такой работе, или относились к каторжанам уничижительно, что могло сказываться на лечении. А поскольку одни поколения каторжан сменяли другие, эта ненависть уже стала традицией, а чем-то, воспринимающейся подсознательно.

Наконец, третий предмет ненависти — женщины. Если в Сибири приговоренная к каторге женщина реально ее отбывала, то на Сахалине ее отдавали в сожителство каторжнику для совместного обзаведения хозяйством. Якубович пишет: «ругали женщин вообще и жен в частности, утверждая, что даже и без всякой вины их следует душить, как собак» [3, с. 217]. Женщина априори воспринималась как изменница и ведьма, по всей видимости потому, что это стало традицией, так как многие приходили в каторгу за убийство неверной жены, и, вероятно, этих рассказов было очень много. Дорошевич же вовсе не отмечает подобной тенденции. Безусловно, своенравных и неверных женщин ругают, но необоснованной, априорной ненависти к женщине на Сахалине нет.

Необходимо помнить о том, что сибирская каторга существовала с рубежа XVII-XVIII вв., тогда как каторга на Сахалине появилась фактически только в 1861 г. Исходя из этого можно сделать вывод: взгляды каторжан Сибири, в частности ненависть, далеко не всегда были их собственным ответом на действительность, они были традиционны, воспринимались подсознательно. Тогда как «молодая» сахалинская каторга еще не успела выработать собственных традиций, лишь некоторая часть их была перенята из Сибири, так как в начале на Сахалин посылали сибирских каторжан, поэтому взгляды их здесь были отражением реальных, таких, какими их воспринимали сами каторжане.

Библиографический список

1. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т.1-5. М., 1941-1956.
2. Плотников А.А. Сахалинская каторга. Хабаровск, 1992.
3. Якубович П.Ф. В мире отверженных. Т.1. М.-Л., 1964.
4. Дорошевич В.М. Сахалин. Каторга. Кн.1-3., М., 2001.

К.А. Кирилин

Самарский национальный исследовательский университет

КРОПОТКИН В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Как и многие другие, Кропоткин предвидел скорое начало Мировой войны; в письме к М. Гольдман Петр Алексеевич отмечал: «Война — большая, общеевропейская, которой приближение только незнание и близорукость радикалов могли отрицать, — разгорится через несколько дней» [1, с. 183]. Начавшаяся война внесла раскол в ряды революционного движения. Петр Алексеевич был из тех, кто на время войны встал на сторону Антанты в ряды тех, кого В.И. Ленин называл «социал-шовинистами» [2, с. 98]. Кропоткин считал, что основная угроза в войне исходит от немецкого милитаризма, несшего Европе победу реакции, тогда как триумф Франции и ее союзников может создать условия для общей социалистической революции.

В первые годы войны в российской печати публиковались работы Кропоткина под общим названием «Письма о текущих событиях». В них он сформулировал и огласил свое отношение к войне: «При данных условиях всякий, кто чувствует в себе силы что-нибудь делать и кому дорого, то что было лучшего в европейской цивилизации, и за что боролся Интернационал, может делать только одно, — помогать Европе раздавить врага самых дорогих нам заветов: немецкий милитаризм и немецкий империализм» [3, с. 3].

Квинтэссенцией этих взглядов Петра Алексеевича стал — написанный вместе с группой других известных анархистов — «Манифест анархо-патриотов»: «Мы глубоко убеждены, что немецкое нападение было угрозой — приведенной в исполнение — не только против наших освободительных надежд, но и против всей человеческой эволюции. Вот почему мы, анархисты, антимиитаристы, враги войны, горячие сторонники мира и братства народов, встали в ряды защиты и не сочли возможным отделить свою участь от участия всего остального населения» [4] — писал Кропоткин.

Важно отметить, что позицию Кропоткина не принял никто из лидеров анархистского движения Российской империи. Манифест написанный на французском языке не был переведен на русский язык и не

появился ни в одном печатном органе анархистов. Зато многие лидеры написали о нем критические статьи. «Неужели Кропоткин не понимает, что французский рабочий, пронизывающий штыком грудь германского рабочего, одновременно убивает в душе своей, в душе класса своего, эту способность «практиковать взаимопомощь»... Пусть Кропоткин прав: цель войны – уничтожение германского милитаризма... А средство? Разве война не есть поголовное и беспощадное истребление психологических предпосылок новой культуры?» [5, с. 575] задавал вопросы Рошин и не находил ответы на них в позиции Кропоткина. Анархизм всегда ассоциировался с интернационализмом и ему был чужд любой национализм, даже такое его проявление как патриотизм. Поэтому можно сказать, что позиция русских анархистов в известной степени была более последовательной, чем позиция Кропоткина. Зато бывшие противники Петра Алексеевича отреагировали на его взгляды положительно, в частности «к Кропоткину «на поклон» приезжал лидер кадетской партии П.Н. Милюков» [1, с. 187].

После Февральской Революции Кропоткин продолжил свою агитацию в пользу продолжения войны, он писал в «Русских Ведомостях»: «Теперь, когда вы так доблестно справились с внутренними врагами, каждое усилие, которое вы сделаете для изгнания вторгшихся врагов, послужит к утверждению и дальнейшему развитию нашей свободы и к прочному миру»[6]. Те же мысли он повторил в статье «Победа Германии – смерть Русской Свободы»[5, с. 517 – 518].

В июне 1917 вернувшись на Родину Петр Алексеевич, «принимал активное участие в пропаганде ведения войны до победного конца» [6]. Он выступает на митингах и перед офицерами Генерального штаба, выходят его статьи «Победа Германии – смерть русской свободы», «Победа на фронте и победа революции неразрывны» и «Последствия германского вторжения». В последней Кропоткин пишет: «Но для заключения мира требуется соглашение двух сторон. Одной будет мало. Между тем в Германии, почти во всех слоях народа так сильна еще вера в возможность удержать за Германской Империей все области, захваченные ее войсками, что громадное большинство германского народа не проявило до сих пор никакого желания сделать нужные шаги, чтобы предложить союзникам приемлемые для них условия мира»[5, с. 521]. Можно сделать предположение, что Петр Алексеевич если не поддерживал идею «мирный договор без аннексий и контрибуций», то во всяком случае, считал что его условия не должны быть грабительскими ни для одной из сторон. Тем удивительнее выглядит его приветствие Версальского мира и абсолютно полное оправдание всех условий договора. Сандомирский передает следующие его слова: «нужно только радоваться территориальным уступкам со стороны Германии»[7, с.171].

Подводя итог, можно сказать, что позиция Кропоткина не была типичной для анархиста – скорее можно было предположить, что виднейший теоретик анархизма будет выступать за использование ситуации в интересах будущей Мировой Революции и уж совсем странной кажется его оценка Версальского договора как справедливого итога войны.

Библиографический список

1. Пирумова Н.М. Петр Алексеевич Кропоткин. М.: Наука, 1972.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 26. М.: Издательство политической литературы, 1969.
3. Кропоткин П.А. Письма о текущих событиях. М.: Типография т-ва Рябушинских, 1916.
4. Кропоткин П.А. Манифест анархо-патриотов – [Электронный ресурс]. Режим доступа [http://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000200_000018_GAK_3365937/viewer/] (дата обращения: 09.11.2015)
5. Анархисты. Документы и материалы. Том I / ред. Т.В. Хордина. М.: РОС-СПЭН, 1998.
6. Петушкова И.В. Петр Алексеевич Кропоткин и I Мировая Война / [Электронный ресурс]. Режим доступа [<http://oldcancer.narod.ru/150PAK/2-07Petushkova.htm>] (дата обращения: 09.11.2015)
7. Сборник статей, посвященный памяти Петра Кропоткина / ред. А.Боровой, Н.Лебедев. Пб.; М.: Голос Труда, 1922. 343 с

К.Е. Козин

Самарский национальный исследовательский университет

Д.Д. ШОСТАКОВИЧ В КУЙБЫШЕВЕ (ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

Дмитрий Дмитриевич Шостакович – советский композитор, пианист, общественный деятель, педагог, профессор, доктор искусствоведения. Личность во всех отношениях крупная. Изучению его жизненного и творческого пути посвящено множество работ самого разного характера.

В нашем исследовании мы рассмотрим изменение исторических знаний и представлений о «Куйбышевском» периоде жизни великого композитора; его вкладе в общественную и культурную жизнь города Куйбышев в годы Великой Отечественной войны. В своем исследовании мы опирались на комплекс отечественной историографической, конкретно-исторической, музыковедческой и культурологической литературы.

Историографических исследований, изучающих конкретно «куйбышевский» период жизни Д.Д. Шостаковича нет, поэтому при подготовке мы использовали более «общие» работы, посвященные историографии музыкальной жизни страны военных лет. Наиболее подробно она рас-

смотрена в работах Е.Л. Храмовой. Первая из них – «Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историография и источниковедение проблемы» [1]. В работе обозначаются историографические проблемы и направления исследования культурной жизни Поволжья (в том числе и города Куйбышева). Вторая работа – «Культура России периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Историографические очерки». Автор изучила исторический опыт отечественных ученых в области разработки культурно-исторической проблематики периода Великой Отечественной войны, выявляла стереотипы, а также нетрадиционные подходы к данной проблеме [2, с.5]. Отдельно современная историография культуры России периода Великой отечественной войны была рассмотрена в докторской диссертации Храмовой «Историография культуры России периода Великой Отечественной войны на рубеже XX – XXI вв.» [3].

Говоря об историографии музыкальной жизни страны и Поволжья военных лет так же нельзя обойти диссертацию Ольги Владимировны Тузовой «Музыкальная культура Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», во введении которой дается обширный историографический обзор [4, с.4]. Стоит так же отметить подробный историографический обзор проблемы в работе Лидии Владимировны Максаковой «В рядах воюющего народа: из истории советской культуры в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.» [5, с.300].

Д.Д. Шостакович внес огромный вклад в общественную и культурную жизнь нашего города. Поэтому в исследованиях стоит разделять эти два аспекта: Шостакович-общественный деятель и Шостакович-композитор, создатель Седьмой симфонии, человек, внесший огромный вклад в культурную жизнь Куйбышева.

Жизнь и творчество Шостаковича мы рассмотрим как часть крупной системы – культурной жизни СССР в годы Великой Отечественной войны. В связи с этим, мы выделяем следующие историографические этапы: 40-е – 50-е годы – период накопления и систематизации фактического материала по отдельным сюжетам музыкальной культуры регионов нашей страны; следующий период 60-е – первая половина 80-х, во время которого появляется большое количество обобщающих работ, а также возникает дискуссия по поводу подходов к изучению музыкальной жизни страны. Стоит отметить, что 80-е годы стали начальным этапом историографии музыкальной культуры Среднего Поволжья (в том числе и музыкальной жизни города Куйбышев); современный период – вторая половина 80-х годов – по настоящее время. У всех этих этапов одна общая черта – фрагментарность изучения музыкальной жизни страны, как в специальных исторических исследованиях, так и в краеведческих работах.

Шостакович и его симфония сразу стали необычайно важны для советской пропаганды. Уже в 1942 году стали публиковаться первые брошюры, в которых рассказывалось о культурной жизни страны во время войны. Дмитрий Дмитриевич и его творчество, естественно занимали в них серьезное место [6]. Не молчали и периодические издания – самой известной и самой цитируемой в отечественной историографии стала заметка Алексея Толстого «На Репетиции Седьмой симфонии Шостаковича» [7].

Знаковым для развития отечественной музыки и литературы, ей посвященной, стал 1948 год, с которого начался «период пересмотра и нового осмысления музыкального творчества». Именно в этом году вышло постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели, с которой началась «охота на ведьм» следующих «антинародному формалистическому направлению» в музыкальном искусстве. От данного постановления пострадали многие музыканты, композиторы, музыковеды и историки, которые «неверно» толковали те или иные факты.

Серьезные научные работы, в которых бы разбиралась музыкальная жизнь внутри страны, начали появляться уже в конце 50-х годов, к примеру, История русской Советской музыки в нескольких томах [8].

Со временем и появлением в научном обороте все новых источников начинают появляться более серьезные работы. Здесь очень важным автором становится Лидия Владимировна Максакова и ее труды «В рядах воюющего народа: из истории советской культуры в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.» [9] и «Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны» [10], а так же статьи «Вклад советской культуры в победу над фашизмом» и «К вопросу о развитии культуры в советском тылу в годы Великой Отечественной войны» [11, 12].

Еще один советский автор, в чьих работах наиболее подробно рассмотрен «куйбышевский» период жизни Д.Д. Шостаковича – Софья Михайловна Хентова. Историк посвятил практически все свои исследования изучению жизни и творчества великого композитора. Наиболее весомые работы: «Шостакович. Жизнь и творчество (Монография. В 2-х книгах)» и «. Д.Д. Шостакович в годы Великой отечественной войны». Из всех советских авторов, Хентова, наиболее серьезно подошла к изучению биографии и творчества композитора. Ею были введены в оборот многие источники, которые ранее не использовались, к примеру расшифровки диктофонных записей-бесед с современниками Шостаковича. Если и можно говорить о таком направлении в истории как «Шостаковичеведение», то С.М. Хентова – его главный автор.

В самом конце 80-х – начале 90-х активизировались самарские историки и музыковеды: В.Н. Бацун, династия историков Храмковых (Л.В.

Храмков, Н.П. Храмкова и Е.Л. Храмкова), Е.М. Цветова. Их работы, во многом, имеют регионоведческий характер. Главное место в освещении «куйбышевского» периода жизни Д.Д. Шостаковича занимает скорее не седьмая Симфония, а именно общественная деятельность композитора, которая, стоит заметить, была очень насыщенной. Самарские историки довольно подробно рассматривают работу Шостаковича в организованном наспех в Самаре союзе композиторов, его преподавательскую деятельность. Все это сопровождается мелкими, но очень интересными фактами, цитатами очевидцев тех событий.

И все же одну работу хочется выделить особо – это книга Е.М. Цветовой «Возрожденный «Олимп»: Из истории музыкальной жизни Самары – Куйбышева» [13]. Это работа скорее не историческое исследование, а воспоминания человека напрямую относящегося к музыкальной жизни Куйбышева. Важно, что ссылки на «Возрожденный «Олимп»» есть практически в каждом исследовании, посвященном культуре нашего города военных лет.

Очень интересные статьи были опубликованы в журнале «Самарская Лука» [14, 15]. Е.М. Цветова рассмотрела историю симфонии Шостаковича («Великая песнь грядущей победы»), а В.Н. Базун подробно разобрала жизнь композитора в нашем городе («Куйбышевский период Дмитрия Шостаковича»).

Так же стоит отметить сборник статей 2010 года «Великая Победа в памяти народа», в котором по нашей теме опубликованы работы Э.Ю. Базиловской «Художественная жизнь запасной столицы в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов» и О.В. Тузовой «Общегосударственные акции в музыкальной культуре среднего Поволжья в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.» [16, 17].

Подводя итог, хочется отметить, что работ посвященных жизни и творчеству Д.Д. Шостаковича очень много. В них «куйбышевский» период жизни композитора рассматривается всегда, так как Седьмая симфония, ее подготовка и исполнение – культурное событие мирового масштаба. Главная проблема заключается в том, что зачастую наш город, и жизнь Шостаковича в нем лишь упоминаются, задвигаются на второй план «Седьмой». Другая проблема литературы – влияние советской идеологии на работы авторов, вплоть до конца 80-х годов. Таким образом, работ, в которых деятельность Шостаковича в городе Куйбышеве рассматривалась бы более менее подробно – немного. Если рассматривать советский историографический период – то это труды Максаковой и Хентовой. Начиная с конца 80-х в изучение проблемы активно вступили самарские историки и музыковеды, которые дополнили крупные советские обобщающие работы своими более краткими и конкретными исследованиями. В итоге, и «Шостакович-композитор» и «Шостакович-

общественник» оказались не обделены вниманием. В любом случае, работ отечественных историков, посвященных «куйбышевскому» периоду жизни композитора немного и это остается главным недостатком историографии данной проблемы.

Библиографический список

1. Храмкова Е.Л. Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: историография и источниковедение проблемы: учебное пособие по спецкурсу. Самара, 1993.
2. Храмкова Е.Л. Культура России периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Историографические очерки. Самара, 2001.
3. Храмкова Е.Л. Историография культуры России периода Великой Отечественной войны на рубеже XX – XXI вв. Дис. ... докт. ист. наук. С., 2008.
4. Тузова О.В. Музыкальная культура Среднего Поволжья в годы великой Отечественной войны 1941-1945гг. Дис. ... канд. ист. М., 2005.
5. Максакова Л.В. В рядах воюющего народа: из истории советской культуры в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. М., 1965.
6. Поспелов П.Н. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М., 1942.
7. Толстой А. На репетиции Седьмой симфонии Шостаковича // Правда. 1942. 16 фев.
8. История русской Советской музыки. Т.3. 1941-1945. М., 1959.
9. Максакова Л.В. В рядах воюющего народа: из истории советской культуры в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Москва., 1965.
10. Максакова Л.В. Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М., 1977.
11. Максакова Л.В. Вклад советской культуры в победу над фашизмом // Советская культура в годы Великой Отечественной войны. М., 1976.
12. Максакова Л.В. К вопросу о развитии культуры в советском тылу в годы Великой Отечественной войны // Советская культура: 70 лет развития. М., 1987.
13. Цветова Е.М. Возрожденный «Олимп»: Из истории музыкальной жизни Самары – Куйбышева. Самара, 1991. 168с.
14. Цветова Е.М. Великая песнь грядущей победы // Сам. Лука. 2006, №12-13
15. Бацун В.Н. Куйбышевский период Дмитрия Шостаковича // Сам. Лука. 2006, №12-13
16. Базилевская Э.Ю. Художественная жизнь запасной столицы в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов // Великая Победа в памяти народа. Том 1. Самара, 2010.
17. Тузова О.В. Общегосударственные акции в музыкальной культуре среднего Поволжья в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. // Великая Победа в памяти народа. Том 1. Самара, 2010.

ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЛИБЕРАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СССР В КОНЦЕ 1980-Х ГГ.

Анализ предпосылок и условий для возникновения либерального политического движения в СССР в конце 1980-х гг. предполагает рассмотрение следующих аспектов: возникновение и развитие правозащитного движения в СССР и формирование условий для возникновения либерального политического движения в период «перестройки».

Предпосылкой возникновения либерального политического движения в СССР было возникновение и развитие правозащитного движения, являвшегося частью советского диссидентского движения. Его целью было отстаивание гражданских прав и свобод граждан, гарантированных советской Конституцией, таких как свобода слова, печати, демонстраций, ассоциаций [1, с. 206].

Условия для возникновения правозащитного движения сложились после XX съезда КПСС и кампании по разоблачению культа личности И. Сталина. В период «оттепели» появляется явление самиздата – неподконтрольного властям производства и распространения литературы [1, с. 210]. Нонконформизм и недовольство советской действительностью активно подпитывались зарубежными радиостанциями, вещавшими на территорию СССР («Радио Свобода», «Голос Америки», «Немецкая волна» и др.).

Возникнув в середине 1960-х гг. в среде московской интеллигенции, правозащитное движение вскоре распространилось по стране, проникнув и в другие социальные слои. Большое значение в формировании диссидентского и правозащитного движения имел личностный фактор. Некоторые видели в диссидентстве широкие возможности для самореализации [8, с. 432].

В развитии правозащитного движения в СССР с его возникновения и до начала «перестройки» следует выделить три основных периода: 1) период возникновения правозащитного движения и первых правозащитных организаций – 1965-1975 гг.; 2) «хельсинкский» период – 1976-1982 гг.; 3) период кризиса движения – 1983-1985 гг.

Основными формами воздействия правозащитного движения на советскую власть в обозначенные периоды являлись: 1) осуществление публичных акций протеста; 2) петиции в советские инстанции; 3) обращение в западные средства массовой информации. Общественно-политическая жизнь периода «перестройки», генетически связана с правозащитным движением. Значительная часть его деятелей к концу «перестройки» вошли в политическую элиту России [8, с. 423].

На протяжении 1970-х — первой половины 1980-х гг. авторитет марксистско-ленинской идеологии в советском обществе постепенно снижался. Несмотря на усилия идеологического аппарата, в период «застоя» стали очевидны расхождения между пропагандистскими положениями и действительностью. Проникновение скептицизма и неверия в марксистско-ленинские идеалы в среду высшей партийной номенклатуры свидетельствовало о кризисных явлениях внутри КПСС — ядре политической системы СССР [6, с. 413].

К середине 1980-х гг. советским народом была потеряна основная цель его существования — построение бесклассового коммунистического общества. Снижение темпов роста советской экономики поставило под угрозу осуществление важнейшей задачи коммунистического строительства — удовлетворение постоянно растущих материальных потребностей трудящихся [10, с. 26].

Организационный кризис КПСС проявился в несменяемости высшего партийного аппарата, косности и консерватизме во внутренней политике в период с 1970-х до середины 1980-х гг. Руководство партии к концу эпохи «застоя» состояло из пожилых людей, отягощенных многими болезнями. Ограничения, связанные с их физическим состоянием, негативно влияли на работу высших партийных и государственных органов [4, с. 546].

Одним из направлений политики «перестройки» стала политика гласности, ставшая важнейшим условием для возникновения либерального движения в СССР. Следует отметить, что курс на «перестройку» и гласность не являлся импровизацией руководства страны.

Группой идеологов «перестройки» во главе с А. Яковлевым к началу 1986 г. был разработан комплекс мер по подрыву господствующей идеологии с помощью гласности. Ее план состоял в следующем: «...Авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» — по революционаризму вообще» [9, с. 15]. Таким образом, уже на стадии разработки идеологии «перестройки» предусматривалось с помощью политики гласности распространение либеральных идей в обществе.

Значимым условием возникновения либерального политического движения стало амнистирование активных участников диссидентского движения. Поводом к массовой амнистии стала переписка А. Сахарова и М. Горбачева в 1986 г., в которой академик призвал пересмотреть решения по делам советских диссидентов [7, с. 117]. Уже в декабре 1986 г. властями было дано разрешение А. Сахарову и его жене Е. Боннер вернуться из ссылки в Москву. Указом Президиума Верховного Совета СССР в феврале 1987 г. было отменено действие двух «политических» статей УК РСФСР. Из мест заключения было освобождено свыше 140 диссидентов [3, с. 281].

В период «перестройки» происходит возникновение свободы создания и деятельности общественно-политических организаций и партий. В начале «перестройки» М. Горбачев не заявлял о необходимости проведения реформы политической системы. Однако за изменениями в базе советского общества неизбежно следовали трансформации в его политической надстройке.

В 1989 г. был образован новый высший орган государственной власти – Съезд народных депутатов. Законопроект об изменении политической системы был принят и одобрен на III Съезде в марте 1990 г. под давлением со стороны ЦК КПСС [5, с. 482]. Из 6-й статьи Конституции изымалось положение о роли КПСС как руководящей и направляющей силе общества и закреплялась свобода деятельности общественно-политических организаций и партий.

Законом СССР «Об общественных объединениях» от 9 октября 1990 г. были заложены основы правового регулирования создания и деятельности политических партий. Вскоре аналогичные законопроекты были приняты и в союзных республиках [2, с.97].

Таким образом, к концу 1980-х гг. в СССР сложились:

- предпосылки возникновения либерального политического движения в виде советского правозащитного движения;
- условия возникновения либерального политического движения в виде идеологического и организационного кризиса КПСС, политики гласности, амнистирования участников диссидентского движения, свободы создания общественно-политических организаций и партий.

Библиографический список

1. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: новейший период. М.: Моск. Хельсинк. группа, 2012.
2. Барабанов М.В. Из истории становления и развития политических партий и многопартийности в России. М.: МГОУ, 2010.
3. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М.: РОССПЭН, 1995.
4. Геллер М.Я. Горбачев. Победа гласности и поражение перестройки // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. М.: Российск. гос. гуманитар. ун-т, 1997.
5. Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М.: Новости, 1995.
6. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М.: Центрполиграф, 1994.
7. Сахаров А.Д. Воспоминания. Т. 2. М.: Права человека, 1996.
8. Шубин А.В. От застоя к реформам. СССР в 1977-1985 гг. М.: РОССПЭН, 2001.
9. Яковлев А.Н. Большевизм – социальная болезнь XX века // Черная книга коммунизма. М.: Три века истории, 2001.
10. Ясин Е.Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ. М.: ГУ-ВШЭ, 2002.

ОБЪЯСНЕНИЕ ФЕНОМЕНА ФАШИЗМА В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ: 1985–1995 ГГ.

Фашизм, будучи социально-политическим феноменом XX столетия, стал объектом внимания со стороны исследователей и публицистов практически с момента своего возникновения. После военного и политического краха Третьего рейха и Итальянской социальной республики (Республики Сало) в 1945 г. интерес историков, философов, политологов к истории фашистских партий, движений и режимов, к вопросам об их генезисе и существенных характеристиках сохранялся на весьма высоком уровне. В Западной Европе и США выходили различные работы, посвященные рассмотрению как истории, так и общему концептуальному объяснению феномена фашизма.

В Советском Союзе исторические, социально-философские и социологические исследования, посвященные проблематике фашистских режимов и движений, исходили из известного «димитровского» определения фашизма: «фашизм у власти есть <...> открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала» [1, с. 11]. Данный подход доминировал в советской исторической науке, ярко отразившись в теоретической статье историка-германиста В.Д. Ежова «Происхождение и классовая сущность фашизма», вошедшей в коллективную монографию «История фашизма в Западной Европе» [2].

Развитие советской исторической науки в период «перестройки» 1985–1991 гг. не внесло качественных изменений в общую направленность объяснений сущности феномена фашизма. В вышедшей в 1985 г. работе Б.Н. Бессонова «Фашизм: идеология, политика» пишет, что «в условиях общего кризиса капитализма <...> империалистическая буржуазия все более часто прибегает к методам политической реакции и террора, что в конечном счете порождает фашизм» [3, с. 21]. Известный историк, социолог и политолог А.А. Галкин в предисловии ко второму изданию (1989 г.) своей фундаментальной монографии «Германский фашизм», посвященного общим теоретическим проблемам исследования феномена фашизма, также отмечает: «классовая роль фашизма во всех странах, в которых ему удалось прийти к власти, была вполне определенной. Установленная фашистами специфическая форма государственно-монополистического капитализма обеспечивала сохранение социальных, политических и экономических позиций господствующего класса» [4, с. 7]. М.И. Семиряга в предисловии к своей работе «Тюремная империя нацизма и ее крах» (1991 г.) также отмечает (практически воспроизводя

слова Димитрова), что фашизм представляет собой «господство самой реакционной, наиболее оголтелой и шовинистической, наиболее империалистической части буржуазии», «диктатуру монополистического капитала» [5, с. 4].

В период 1991–1995 гг. значительная часть постсоветских исследователей отказывается от предшествующих объяснений феномена фашизма, предпочитая трактовки, идущие в концептуальном русле западноевропейских и американских публикаций. При этом, как отмечает в своей сравнительно-историографической статье германский историк и политолог А. Умланд, на протяжении 1990-х гг., в то время как западные исследователи по многим пунктам сближались в объяснении феномена фашизма, количество интерпретаций в российской исторической науке по данной проблематике, напротив, росло [6].

Ряд исследователей, как, например, уже упоминавшийся ранее А.А. Галкин, попытались в авторских концепциях феномена фашизма синтезировать разработки советской и зарубежной исторической науки. В одной из своих статей от 1995 г. А.А. Галкин определил фашизм как «правоконсервативный революционаризм, пытающийся, не считаясь с жертвами, с социальной ценой, снять реальные противоречия общества, разрушив все то, что воспринимается им как перепоны к сохранению и возрождению специфически понимаемых извечных основ бытия»; при этом ключевым истоком возникновения фашистских партий, движений и режимов являются глубокие и острые кризисы, потрясающие общественные структуры [7, с. 10] (в поддержку данной концепции А.А. Галкина в своем выступлении на Антифашистском форуме российской общественности в январе 1995 г. высказался также историк Г.Г. Дилигенский [8, с. 35–36]).

Другие исследователи (К.Г. Холодковский) рассматривали фашизм как «бульон», постоянно взаимодействующий и черпающий новые элементы из близких к нему националистических и праворадикальных движений, что в результате, при оформлении и консолидации фашистского режима, дает ту или иную форму авторитаризма или тоталитаризма [9, с. 38].

Еще одна группа российских исследователей первой половины 1990-х гг. (как, например, А.Ю. Зудин) определяла фашизм как продукт исключительно западной цивилизации, «т.е. высоко дифференцированного и институционализированного общества, в самой культуре которого закреплено обостренное ощущение неприкосновенности существующих границ и иерархий этнического, местного, социального и имущественного характера»; фашистские движения и группы в незападных обществах (к примеру, в России), по мнению представителей данного направления, представляют собой продукт «импорта», не имеющий под собой достаточной историко-культурной опоры [10, с. 41–42].

Таким образом, период 1985–1995 гг. для российской исторической науки был периодом смены доминирующих концептуально-объяснитель-

ных направлений, в том числе, и применительно к изучению феномена фашизма. На место единому и господствующему в советское время объяснению фашистского феномена пришло множество различных концепций, зачастую идущих в направлении разработанных в западноевропейской и американской академической среде интерпретаций. В последующий за 1995 г. период эволюция этих, а также складывание и развитие других концепций сущности фашизма не ликвидировали отставание российских исторических исследований фашизма от западной историографии данной проблематики [6], что определяет актуальность дальнейшей теоретической и конкретно-исторической работы современных российских авторов в направлении дальнейшего изучения истории и социальной природы фашистских режимов, партий и движений.

Библиографический список

1. Димитров Г.М. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. Доклад и заключительное слово. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935.
2. Ежов В.Д. Происхождение и классовая сущность фашизма // История фашизма в Западной Европе. М.: Наука, 1978.
3. Бессонов Б.Н. Фашизм: идеология, политика. М.: Высш. шк., 1985.
4. Галкин А.А. Германский фашизм. 2-е изд. М.: Наука, 1989.
5. Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М.: Юрид. лит., 1991.
6. Уmland А. Современные концепции фашизма в России и на Западе // Неприкосновенный запас. 2003. №5. Электронная версия: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/5/umland.html> (режим доступа: 20.11.2015).
7. Галкин А.А. О фашизме – его сущности, корнях, признаках и формах проявления // Полис. 1995. №2.
8. Дилигенский Г.Г. Старый и новый облик фашизма // Полис. 1995. №2.
9. Холодковский К.Г. Социальные и социально-психологические предпосылки фашизма // Полис. 1995. №2.
10. Зудин А.Ю. Фашизм в России: образы и реальности новой опасности // Полис. 1995. №2.

К.А. Мельникова

Самарский национальный исследовательский университет

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА О ПРОБЛЕМЕ ХОЛОКОСТА

Трагедия гибели многочисленных народов во Второй мировой войне, развязанной правительством Третьего рейха, продемонстрировала миру необходимость понимания глубины проблемы, увековечивания имен и памятных мест в назидание потомкам.

Автор данной статьи поднимает актуальную и малоизученную в отечественной историографии проблему о степени исследованности в современной российской исторической науке политики преследования и уничтожения еврейского народа. Актуальность настоящей проблематики обусловлена фактическим ее замалчиванием в годы СССР до начала «перестройки», а также масштабом трагедии еврейского народа: в современной мировой исторической науке общая численность жертв нацистской политики Холокоста определяется в 4-6 млн. человек (в зависимости от различных подсчетов и оценок) [1, с. 61].

Этимология термина «Холокост», что означает в переводе с греч. «все-сожжение» изначально определялась как религиозный ритуал древних иудеев [2]. В российской исторической науке апеллирование к термину стало осуществляться только в 80-е гг. прошлого века. В узком смысле оно означает «гибель значительной части еврейского населения Европы в результате организованного преследования и планомерного уничтожения евреев нацистами и их пособниками в Германии и на захваченных ею территориях в 1933–45 гг.» [3]. В более широком смысле «Холокост» принято понимать как преследование и массовое уничтожение нацистами различных народов.

С точки зрения компаративистского подхода изучения историографии о Холокосте в России и на Западе, приоритет в исследованиях заслуживает европейская историческая наука, тогда как в СССР тема была табуирована многие годы [4, с. 6]. Для понимания историографического наследия современной исторической науки необходимо сделать экскурс в советскую историографию.

Еще начале 40-х гг. XX века А. Эйнштейн совместно с писателями Ш. Ашем и Б.-Ц. Гольдбергом предложили Еврейскому антифашистскому комитету издать «Черную книгу» памяти – документальные источники по уничтожению евреев нацистами. СССР принял участие в создании «Черной книги», которая была бы объединяющим элементом стран антигитлеровской коалиции, а также она являлась важным доказательством виновности нацистского режима в преступлениях против евреев. Однако в конце 40-х в СССР публикаций книги на русском языке не последовало по идеологическим причинам: власти отказывались официально признавать коллаборационистов виновниками гибели многих евреев, так как это разрушало представления о «дружбе народов». Публикация на русском языке стала возможна только в 1980 году в Израиле в неполной версии, а на постсоветском пространстве была издана впервые на Украине в 1991 году [1, с. 59].

Эра «Хрущевской оттепели» не дала плодотворных результатов в изучении проблематики Холокоста. Начавшаяся в те годы антиссионистская кампания выводила главный для того времени постулат, что Холо-

кост произошел по сговору нацистов с сионистами, а число еврейских жертв в разы преувеличено последними [1, с. 59]. Много лет спустя тезисы данных антиссионистских кампаний воспроизвел военный историк М.И. Семиряга, писавший: «главари сионизма используют фашистский геноцид с целью разобщения народов и самоизоляции еврейского населения» [5, с. 148-149].

К началу «перестройки» в СССР не существовало специализированных работ по проблеме Холокоста. Фрагментарно выходили некоторые работы, которые упоминали еврейский народ в контексте с другими народами, ставшими жертвами репрессий. Не было выработано общего подхода к проблеме: вопрос о численности жертв, об особом отношении режима Третьего рейха к евреям, о статусе евреев-красноармейцев, не было исследований про еврейские гетто, объяснений, почему именно на Востоке так зверствовали айзантицгруппы и отряды СС.

Не следует отрицать, что были и пионеры науки, в исследовательское поле которых входило изучение градации евреев в повседневной жизни нацистской Германии, их отличительные признаки в концлагерях, воспоминания очевидцев тех лет. Имеется ввиду труды Л.Б. Черной и Д.Е. Мельникова [6], в чьих работах впервые фрагментарно задействованы архивные источники.

Рубеж конца 1980-х — начала 90-х гг. стал коренным этапом в изучении еврейской трагедии. В 1992 году создается первая на постсоветском пространстве независимая общественная организация «Холокост» по инициативе Ильи Альтмана. Она пытается реализовать концепцию сохранения памяти о Холокосте как составной части истории трагедии и героизма советского народа в годы Второй мировой войны. В 1994—2002 годах Центр организовал в Москве четыре международных научные конференции «Уроки Холокоста и современная Россия» и в дальнейшем подготовил ряд публикаций, включая «Энциклопедию Холокоста на территории СССР» [7]. Однако годы замалчивания проблемы в СССР не могли не сказаться на образовании граждан. В ходе социологического исследования 1996 года 91 % опрошенных россиян не знал значения термина «Холокост», а 49 % ничего не слышали про Треблику, Дахау и Освенцим [8].

Значительный вклад в разработку истории Холокоста на оккупированных советских территориях в годы Великой Отечественной войны, включая и определение масштаба его жертв, вносит первая крупная обобщающая работа на данную тему — монография И.А. Альтман [4]. Опираясь на предыдущие исследования, архивные документы и мемуары очевидцев, автор проанализировал создание и функционирование механизма уничтожения евреев, раскрыл систему антисемитской пропаганды, организацию гетто на оккупированной территории и сопротивление.

Таким образом, проблема Холокоста в российской исторической науке претерпевала многочисленные метаморфозы со времен табуирования в 40–80-е гг., с господством в массовом сознании антисемитизма, когда причину Холокоста видели в сговоре сионистов с нацистами с целью самоизоляции еврейского народа. С открытием архивов в эпоху «перестройки» данную проблему начали изучать с различных аспектов.

В последние годы появился целый ряд общих и специальных работ, раскрывающих данную проблему на основе рассекреченных архивных документах, обобщении статистического и историографического материала. Однако в ее разработке сохраняется немало дискуссионных моментов. Меры секретности при реализации «окончательного решения», недостаток статистических данных, а также многолетнее замалчивание Холокоста в СССР усложняют уточнение его потерь. Перспективной задачей российских исследователей остается разработка вопросов уничтожения еврейского населения на оккупированной территории РСФСР, выявление степени ответственности за это различных карательных структур, коллаборационистов, роли местного населения. Решение указанных задач требует использования различных способов анализа и сопоставления данных разных источников: статистики, немецких и советских документов, личных свидетельств. Отметим, что изучение Холокоста в России было и остается одной из наиболее политизированных и идеологизированных проблем истории Великой Отечественной войны.

Библиографический список

1. Кропачев С.А. Становление отечественной историографии Холокоста и проблемы определения численности его жертв // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 10. №10.
2. Энциклопедия Третьего рейха. Электронный ресурс: <http://slovar.cc/ist/reih/2269683.html> (дата обращения: 20.11.2015).
3. Электронная еврейская энциклопедия. Электронный ресурс: <http://www.eleven.co.il/article/12007> (дата обращения: 20.11.2015).
4. Альтман И.А. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР. М., 2002.
5. Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М.: Юридическая литература, 1991.
6. Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Империя смерти: аппарат насилия в нацистской Германии, 1933–1945. М.: Политиздат, 1987.
7. Альтман И.А. Мемориализация Холокоста в Российской Федерации: состояние, проблемы, тенденции // Евроазиатский еврейский ежегодник (2007/2008). Электронный ресурс: <http://library.eajc.org/page70/news13509> (дата обращения: 20.11.2015).
8. Altmann I. A. Erinnerung an Diktatur und Krieg Brennpunkte des kulturellen Gedchtnisses zwischen Russland und Deutschland seit 1945. Электронный ресурс: <http://www.degruyter.com/view/product/448604> (дата обращения: 20.11.2015).

СЕКЦИЯ IV. РУССКАЯ КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ ЭТНОСОВ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

А.А. Булатова

Самарский государственный институт культуры

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВОЛЖСКИХ И ДУНАЙСКИХ БОЛГАР ДО ПРИНЯТИЯ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ

В современной историографии интерес к этнической истории волжских и дунайских болгар очень велик. Известно, что после распада Великой Болгарии часть племен ушла на Дунай, часть — на Волгу. В результате болгары оказались в среде разных народов и впоследствии приняли разные мировые религии. Не смотря на это, исследователи отмечают много общих черт в их традиционной культуре [1; 2; 5; 6; 7]. Для понимания особенностей формирования этнической культуры данных групп населения необходимо обратиться к истокам их культуры, отражающей общетюркское единство. Изучение этого этапа осложнено тем, что мы имеем дело лишь с фрагментами материальной и духовной культуры, но комплексный анализ даже этих источников поможет понять феномены и древней, и современной культуры. Обобщающих работ по сопоставлению культур болгар до принятия мировых религий до сегодняшнего дня нет. Данный доклад посвящен одному аспекту — формированию идеологических представлений болгар, что проявляется в мифологии, символике и особенностях погребального обряда.

Большинство исследователей считают, что протоболгары имели особую религиозно-мифологическую систему, в которой выделяется несколько уровней, главное место в которой отводилось богу Священного Голубого Неба — Тенгри. Наряду с ним выделяются божества по «уровням» или степени их влияния: Умай, Йер-Суб, и культ предков. Воззрения ранних тюрков были трихотомическими [12]. Материальным воплощением религии можно считать символы, находимые при раскопках. Одним из распространенных является знак «Ипсилон с двумя столбиками». В. Бешевлиев связал знак с культом верховного божества [3, с. 79-81]; Ж. Войников считал, что это отражение представлений болгар о вселенной, где знак ипсилон — мировое древо, а боковые столбики — колонны, связывающие и подпирающие землю и небо [6, с. 112-114]. Другой сим-

вол, бытующий у древних болгар — вписанные один в другой четырехугольники, связанные по диагонали с направлениями света, что также связано с древними космогоническими представлениями [6, с. 120-122]. Следующий символ — это запертая свастика. Свастика — древнейший символ, распространенный у многих народов и означающий солнечный круговорот, а четыре луча представляют четыре точки эклиптики. Протоболгары тоже использовали этот знак, но в его «запертом варианте» [6, с. 123-125].

Погребально-поминальные обряды принадлежат к фундаментальным основам человеческой культуры, отражая культ предков. Они включают комплекс символических действий, выполняемых по определенным нормам, несущим религиозно-идеологическую нагрузку [10]. Погребальный обряд протоболгар Поволжья и Подунавья обладает общими чертами: камни в насыпях курганов либо обкладка камнями; ингумация; положение погребенного на спине с ориентацией головы на восток, северо-восток, позже — на север; помещение в могилу костей животных; схожий инвентарь [1; 7].

В болгарском искусстве доисламского времени часты изображения животных, связанных с мифами о тотемных животных и птицах. В татарском фольклоре известен миф об уточке, сотворившей Землю. Ее образ визуализируется в болгарских украшениях — височных подвесках [4]. Интересно изображение Маклашеевской всадницы — бронзовой статуэтки-замка [11]. Наличие рунических надписей на обрешках и бытовых предметах свидетельствует о распространении среди болгар древнетюркской рунической письменности [2; 3; 7].

Таким образом, приведенные выше данные свидетельствуют об общности многих элементов культуры дунайских и волжских болгар до принятия ими монотеистических религий. Многие элементы, трансформируясь, продолжают сохранять свой сакральный смысл и в современной традиционной культуре. Например, знак «Ипсилон с двумя столбиками» хранит сакральный смысл, аналогичный христианскому кресту. Подобные знаки чуваша ставят на обрядные хлеба, которые отражают древнее представление о мире. Аналогический обычай есть и у дунайских болгар.

Библиографический список

1. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара, 1998.
2. Беговатов Е.А. Руническая надпись на пряслице с болгарского селища // Истоки татарского литературного языка. Казань, 1988.
3. Бешевлиев В. Прабългарски епиграфски паметници. София: Изд-во на Отечествона фронт, 1981.
4. Валева-Сулейманова Г. Ислам стал основой для развития высокой государственной культуры Волжской Булгарии // интервью 18 апреля 2012 г. http://islam-today.ru/obsestvo/guzel_valeevasulejmanova

5. Войников Ж. Алано-болгарское письмо. Болгария, 2010.
6. Иванов И.Т. Основни прабългарски символи (Y, YU) и тяхното значение // Газета Болгария, издание газеты Slivensko случай, 2007. №58.
7. Кочкина А.Ф. Рунические знаки на керамике Биляра // Советская тюркология. 1985. №4. С. 54-80.
8. Рашев Рашо. Българската езическа култура VII-IX век. София: Абагар АД, 2008.
9. Семенова В.И. Мифология мира мертвых (по мифологическим и археологическим источникам Западной Сибири). Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2008.
10. Тенишев Э.М. Камень с рунической подписью из Юрина // Лингвистический сборник в честь 60-летия В. В. Решетова. Ташкент, 1971. С. 21-22.
11. Халиков А.Х. Маклашевская всадница // СА. 1971. №1.
12. Шарафутдинов И. Некоторые сюжеты относительно тюркских религиозных представлений // Современные проблемы и перспективы развития исламоведения, востоковедения и тюркологии. Материалы III Всероссийской молодежной научно-практической конференции 16 мая 2009 года // Ежегодный научный альманах. Нижний Новгород, 2009. №3.

Е.А. Михалева

Уральский федеральный университет

ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ В ЭТНИЧНОСТИ НАГАЙБАКОВ

Нагайбаки — коренной малочисленный народ, проживающий на Южном Урале в Нагайбакском (центральная группа) и Чебаркульском (северная группа) районах Челябинской области (в прошлом также проживали в Оренбургской области — южная группа). Основными характеристиками нагайбаков являются — казачий статус их предков, язык нагайбаков (средний диалект татарского) и православное вероисповедование.

Очень ярко этничность нагайбаков проявляется в их отношении к загробному миру, который представлен не только фольклором и традиционными преданиями, но и поминальными обрядами. Одним из таких обрядов является *«уле муцасы»* [1, с. 200] (баня для покойников), который проводится со среды на четверг — в Страстную неделю. Живым в баню можно идти только до сумерек. После готовится баня для умерших: ставятся тазы, в которые набирают воду, банные принадлежности, после чего баня закрывается. С этого момента вход живым туда запрещен — там моются души покойников.

Другой обряд, распространенный среди нагайбаков- *«таба исы щыгару»* [1, с. 110] (запах печеного на сковородке). Каждое воскресенье пекутся блины или оладьи, для поминания родственников. Считается, что аромат, который появляется, уходит по печной трубе к духам, которые

им питаются. Сейчас подобное поминовение перешло в быт — запах любых жареных блюд «адресуется» умершим родственникам.

В поминальные дни (9, 39 дней, полгода и 1 год) все родственники приходят с большими чашами (*таба*), наполненными едой. Эта еда предназначена для того, чтобы помянуть родственников хозяина чаши — таким образом, нагайбаки передают еду своим родным на тот свет. Кульминационным моментом застолья является распределение еды из этих чаш и формирование трех основных «таба». Формируются 3 больших чаши (чаша для усопшего — «*жантабагы*», чаша для давно умерших родных — «*картлартабагы*» и чаша для безродных людей, которых некому помянуть — «*загсы зеургес*»). Эти чаши отдают пожилым людям, чтобы те еще раз помянули всех покойников. Передача чаш является особым ритуалом, у каждой есть свой статус, а также определенная последовательность в передаче чаш. Первой отдается чаша для безродных т.к. считается, что те духи, о которых некому вспомнить, могут отобрать чаши, предназначенные для родственников. Далее выходит чаша для давно умерших близких, как дань почитания всех предков этого рода. Самой последней передают чашу для усопшего, по которому проводят поминки. Таким образом, поминки по одному человеку превращаются в повод для того, чтобы вспомнить всех.

Самым значимым поминальным обрядом нагайбаков является Аш биру (давать еду, давать суп) — поминальный обряд, который проводит близкий родственник, спустя три года после смерти человека (на нечетные годы). Считается, что Аш биру — это последний и самый главный ритуал у нагайбака, на котором покойнику оказывают честь, а также снабжают всем необходимым для существования на том свете. Обряд сопровождается закланием коровы на рассвете; нагайбаки считают, что корова попадает в иной мир усопшему, где он может ей воспользоваться по своему усмотрению. После обеда собирается большая трапеза, на которую родственники приходят с большими чашами (*таба*), наполненными едой для поминок своих родственников. Считается, что отказ от проведения Аш биру, а именно отсутствие «жертвы» усопшему влечет за собой неприятности. Нагайбачка отметила, что «если Аш биру не делать, то скотина умрет. Все равно он свою долю забирает».

Нагайбаки имеют четкое представление о том, что происходит в мире мертвых. Усопшие родственники в случае нужды даже связываются с родственником, к примеру, через сновидения. Во сне умерший родственник может попросить провести определенный обряд или наоборот, отказаться от его проведения. Жительница села Попово в раздумьях, стоит ли ей проводить обряд Аш биру для своей матери рассказала: «Сестра увидела во сне, что на том свете она [мама — Е.М.] в городе живет. Если городская, то Аш биру не проводят. В городе не нужна корова». Эта

нагайбачка до сих пор колеблется насчет проведения обряда и ждет «указаний» от своей матери во сне.

Основой всех рассмотренных нами обрядов являются родственные связи, которые как сетка опутывает нагайбакскую культуру. Родственность является основой устойчивости нагайбакской культуры и является основанием их этничности. По точному замечанию А.В. Головнева «родство как этничность в миниатюре...было и остается элементарным основанием устойчивости общности, системой взаимопомощи и безопасности» [2, с. 122]. В обрядах, связанных с загробным миром, можно отметить дуалистическое отношение нагайбаков к покойникам: с одной стороны их почитание, а с другой стороны настороженное отношение к мертвым, которых стараются как можно скорее проводить в «иной мир». Такой страх перед мертвецами является естественным, взявшим свое начало еще в древности, когда традиционные общества опасались возвращения духа покойника и выполняли множество церемоний, чтобы прогнать его или удержать вдали [3, с. 86]. Но самым важным является желание нагайбаков знать и помнить своих умерших родственников, обеспечить им благополучную жизнь на том свете, которая, по их мнению, продолжается в загробном мире.

Библиографический список

1. Вдовина С.И. Соты памяти народной. Челябинск, 2008.
2. Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009.
3. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. СПб: «Лениздат», 2014.

Н.И. Минликаева

Саратовский государственный университет

ПУТИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЖАНРА ЖИВОПИСИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – XIX ВВ.

В истории русской культуры весь XIX век характерен своей неповторимой цельностью. Она выражалась в том, что те школы и направления в литературе и искусстве, которые складывались в первой половине XIX века, получили свое дальнейшее развитие в пореформенный период.

Историческая тематика издавна занимала значительное место в русском изобразительном искусстве. «Живописцы XVIII века не искали исторической правды и не стремились воссоздать прошлое. В исторических образах старались воплотить ту или иную отвлеченную идею. История становилась как бы средством иносказания» [1, с. 42]. Только в 30-

40-х годах XIX века Карл Павлович Брюллов и Александр Андреевич Иванов вывели русскую историческую живопись на новые пути.

Картина Брюллова «Последний день Помпеи» явилась новым словом в русском искусстве в первую очередь именно потому, что Брюллов сознательно и решительно порвал с антиисторической условностью, характеризующей русскую академическую картину XVIII – начала XIX века. Впервые в истории русской живописи Брюллов попытался воссоздать в картине реальное событие, опираясь на изучение исторических источников и археологических данных. Новое понимание истории сближает художника с передовой общественной мыслью его времени, с той идеологией, которая сложилась под прямым воздействием национально освободительной Отечественной войны 1812 года и дворянского революционного движения декабристов.

Гораздо более последовательным было новаторство Александра Иванова. Его картина «Явление Христа народу» лишь с оговорками может быть названа исторической. Основным для Иванова было не воссоздание прошлого, а образное воплощение моральной темы; он стремился изобразить великий нравственный переворот, духовное перерождение людей при появлении Мессии» [1, с. 42]. Религиозная тема послужила ему для воплощения внерелигиозного содержания, реалистический метод, с поразительной силой и глубиной раскрывающий действительность, в «Явлении Христа народу» совмещается с непреодоленными чертами условной академической схемы. Только позднейшие поколения в полной мере приняли его наследие.

Новая ступень в развитии исторической живописи отмечена творчеством В.Г. Шварца. Он создал новый тип исторической картины. - А.Н.Бенуа подчеркивает, что «еще в то время, когда академические художники списывали свои картины на темы из русской истории с патристических постановочных пьес Кукольника, он первый, движимый страстной любовью к родной старине, пожелал серьезно изучить наш древний быт, нравы, костюмы и обстановку допетровской России. Его заслуга перед русской историей очень значительна. Благодаря ему, мы стали видеть события прошлого в их настоящем облике, без того мишурного и безвкусного, чисто театрального блеска» [2, с. 253].

Историческая живопись передвижников во многом последовала за Шварцем. У Ге и Перова, а позже у А. Д. Кившенко, А. Д. Литовченко и многих других мы вновь встречаемся с жанровобытовой трактовкой сцен прошлого. Но передвижники обратились к социальнозначительным темам, которых никогда не касался Шварц, и заострили в исторической живописи черты психологизма и драматизма. Также к историческому жанру обращались Г.Г.Мясоедов, Н.В.Неврев, Г.С.Седов. «Что же касается подлинно реалистической линии, то она тоже имела сложный путь.» [3, с. 215].

«Историческая реалистическая живопись в своих лучших образцах в конце столетия предпочитает монументальную форму и по формату, и по масштабам замысла, не уменьшающегося в рамках одного полотна, а разворачивающегося в тематические серии, как в творчестве Поленова и Верещагина, либо сфокусированная на образе личности, как Петриада Валентина Серова»[4, с. 326]. Принципиально новое развитие исторической темы было достигнуто творчеством И. Е. Репина и В. И. Сурикова.

«Репина в истории привлекали острые драматические моменты, поновому освещающие и раскрывающие психологию выдающихся личностей»[5, с. 335]. В его первой исторической картине – «Правительница царевна Софья Алексеевна...» художник «создал исторический портрет, в котором с потрясающей силой художественного прозрения раскрыт внутренний мир побежденной царевны правительницы, с предельной остротой и выразительностью показаны все оттенки ее глубокой и сложной психологической драмы» [1, с. 44].

Суриков унаследовал большую и сложную культуру. Начиная самостоятельную творческую жизнь, он как бы синтезировал лучшие традиции, созданные его предшественниками. Героический пафос и высокое патриотическое чувство, свойственное Сурикову, сближает его с заветами русского классицизма. Поэтическое переживание прошлого роднит Сурикова с Шварцем. Искания психологической правды, характеризующие живопись передвижников, органически вошли в творчество Сурикова. «Особенно важно подчеркнуть его связь с Александром Ивановым. Суриков разглядел в его наследии главное – способность органично сочетать реализм с монументальностью, конкретное с отвлеченным, частное с общим, острую правду жизни с большими идеями. Эти стороны наследия Иванова и развивал Суриков, стремясь осуществить то, о чем мечтал создатель «Явления Христа», – чтобы отдельный исторический факт стал выражением духа народной жизни, чтобы в частном эпизоде раскрылась всеобъемлющая значительность и глубокое идейное содержание» [1, с. 45].

Таким образом, историческая тема в искусстве, являясь одним из выражений исторического самосознания общества в целом, сама оказывает огромное влияние на историческую память общества.

Библиографический список

1. Гор Г.С., Петров В.Н. Жизнь замечательных людей. Суриков. М., 1955.
2. Бенуа А.Н. История русской живописи в XIX веке. М., 1995.
3. Сарабьянов Д.В. История русского искусства второй половины XIX в. М., 1989.
4. Яковкина Н.И. История русской культуры: XIX век. СПб., 2002.
5. Яковлева Н.А. Историческая картина в русской живописи. М., 2005.

АРМЯНЕ Г. САМАРЫ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ

Первые сведения о появлении представителей армянского этноса в г. Самаре относятся к середине XIX века. Они связаны с именем известного купца первой гильдии Егора Никитича Аннаева, который был записан как армянин католического вероисповедания [1, с.42]. В 50-х гг. XIX века он был крупным виноторговцем, имевшим свои магазины во многих городах Поволжья. С именем Аннаева связано строительство в 1864 году на Дворянской улице евангелистско-лютеранской кирхи [2, с. 223].

Большая часть сведений, относящихся к армянам г. Самары находится в источниках конца XIX – начала XX века. Главными источниками выступают справочные издания и статистические материалы. Данные Первой всеобщей переписи населения, проведенной в 1897 году, показали, что в городе Самаре жило 1365 человек, часть из которых составляли армяно-григориане (21 человек), а подавляющее большинство – армяно-католики (1244 человека) [3, с. 196]. Исследователи считают, что в г. Самаре на 1897 г. жило всего 77 человек армяно-григорианского вероисповедания (не упоминая армян-католиков); на 1899 г. – 79 [4, с. 34].

Данные источников показывают, что многие армяне города Самары на рубеже веков занимались торгово-промышленной деятельностью. Так, в конце декабря 1895 года в Самаре была основана фабрика Товарищества производства кавказской обуви братьев Чавушьянц. Фабрика размещалась в собственном доме на Садовой улице [5, с. 183]. Она ежегодно вырабатывала более 1500 пар «всевозможной кавказской обуви высшей прочности» [6, с. 34]. На 1900 год в городе Самаре торгово-промышленной деятельностью занимался Аветис Саркисов (на пересечении улиц Александровской и Уральской) [7, с. 175]. Татьяна Сергеевна Ваганова на ул. Соборной, в доме Кириянова, имела бакалейную лавку [7, с. 172]. Багимов Иван Кузьмич занимался лесной торговлей [7, с. 182]. Аннаев Павел Егорович на Алексеевской улице, в доме Аржанова, управлял рестораном. На Троицкой площади торговал рыбой Ваганов Федор Степанович [7, с. 190]. В г. Самаре строительной компанией руководил Ованнесянц С.Е. Продажей бакалейных и персидских товаров занимался Кеворков Х.Г. Винно-гастрономической деятельностью был занят Акопьянц А. [8, с. 29].

Следует отметить, что в Календаре и памятной книжке Самарской губернии на 1898 год появляется армяно-григорианский календарь [9, с. 40]. В последующие годы армяно-григорианский календарь встречается в источниках вплоть до 1916 года включительно [10, с. 22].

К началу Октябрьской революции у армян была своя религиозная община в лице Армяно-григорианской церкви, именуемой «Святой Гевонд». Старостой армянской религиозной общины был Тадевос Мирзоянц. В 1919 году армяне добились открытия молитвенного дома, который находился на улице Садовой, 97 [11, с. 107].

Таким образом, на рубеже XIX – XX веков представители армянской общины города Самары в большинстве своем были инкорпорированы в торгово-промышленной сфере. Кроме того, армяне были объединены в духовном отношении, о чем свидетельствует существование в г. Самаре Армяно-григорианской церкви и молитвенного дома.

Библиографический список

1. Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века. В 2кн. / Под ред. П.С. Кабытова и Л.В. Храмова. Самара, 1993. Кн.2.
2. Каркарьян В.Г. Армяне // Этносы Самарского края. Историко-этнографические очерки / Под ред. Т. И. Ведерниковой. Самара, 2003.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. XXXVI. Самарская губерния / Под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1904.
4. Агаджанян Л.А. История Армянской общины в г.Самара (втор.пол. XIX – нач.XXI в.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2012. Т.14. №3.
5. Самарская губерния: день за днем... 1891-1895 годы. Хроника событий / Сост. А.Н. Завальный, П.С. Кабытов, Ю.Е. Рыбалко. Самара, 2004.
6. Памятная книжка Самарской губернии на 1915 год. Самара, 1914.
7. Вся Самара. Справочник и адресная книга. 1900. Самара, 1900.
8. Вся Самара. Спутник-указатель. 1911. Саратов, 1911.
9. Календарь и Памятная книжка Самарской губернии на 1898 год. Самара, 1897.
10. Памятная книжка Самарской губернии на 1916 год.
11. Мартиросян А.Р. Армения и армяне Самарской губернии. Самара, 2003.

Е.И. Чепурнова

Самарский национальный исследовательский университет

ВЛИЯНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО СТИЛЯ МОДЕРН НА ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО Г. САМАРЫ

В течение пятнадцати лет стиль модерн имел большое влияние на формирование облика Самары. Как архитектурный стиль модерн, без сомнения, диктовал условия организации быта и градостроительные решения. В тоже время он тесно соприкасается и с социальной сферой. И в этой связи можно наблюдать взаимодействие архитектуры и общественной жизни.

С самого зарождения идеи нового стиля сильный акцент в его программе делается на синтез искусств и широком распространении прекрасного в повседневной жизни города [5, с. 109]. Таким образом, модерн должен был сделать архитектурное искусство общедоступным для горожан. Тем не менее, модерн в России стал выражением амбиций верхушки купеческого сословия. Поэтому большинство городских особняков этого стиля в Самаре являлись собственностью таких известных купеческих семей как Курлины, Сурошниковы, Новокрещеновы, Сибиряковы.

Возведение особняков в стиле модерн способствовало созданию особого мира внутри городской усадьбы. Как пишет самарская исследовательница архитектуры Н.В. Мельникова: «мир модерна делится на три мира: внешний большой мир, мир усадьбы, мир дома». При этом, как она отмечает, владельцы усадеб не закрывались от внешнего мира [3, с. 223]. Подобную открытость, относительно самарского модерна, мы можем наблюдать в доме Курлиной.

Особенность мира городской усадьбы, который создается модерном, проявляется в постройке изысканных, хотя и выполненных в довольно лаконичной манере хозяйственных помещений; при том, что центром архитектуры городской усадьбы всегда был жилой дом [3, с. 217]. Новый стиль делал акцент на детальной проработке не только уличных фасадов, но и тех, которые выходят во двор. Последнее приводит к тому, что для многих особняков построенных в Самаре начала XX века теряется понятие фронтальности [3, с. 222]. Стремясь к гармонии, модерн уделяет большое внимание и внутреннему пространству дома. Стиль диктует и планировку помещений, и интерьер, и внешний вид бытовых предметов, каждая мелочь несет на себе его отпечаток.

Тенденция к преобразованию среды и общества средствами искусства на практике оборачивалось созданием искусственного мира красоты и гармонии отвечающего вкусам узкого круга торговой элиты города [2, с. 265]. Потакая капризам предпринимателей, модерн, тем не менее, стал проникать и в облик общественных зданий. Первая, и нужно сказать успешная попытка, была сделана еще в 1903 году с постройкой Пушкинского Народного дома. Среди других общественных зданий этого периода нельзя не назвать таких ярких представителей модерна как цирк-театр «Олимп», концертный зал «Аквариум», Крестьянский поземельный банк, гостиница Гранд-отель, электротеатр «Триумф» и др. Их открытие позволило приобщить к эстетике нового стиля широкие массы горожан, особенно если учесть степень их популярности.

В отдельную группу построек в стиле модерн нужно вынести доходные дома, пик строительства которых приходится именно на быстротечную эпоху модерна. Среди зданий такого типа, принадлежащих сти-

лю модерн, можно выделить доходный дом Нуйчева (гимназия сестер Харитоновых) – 1904 год, доходный дом Гринберга – 1906 год, доходный дом Егорова-Андреева – 1912 год. В отличие от всех предыдущих рассмотренных построек, доходные дома отличаются многоэтажностью и претензией на массовое строительство.

Широкое распространения стиля модерн в массы проявляется и в его влиянии на деревянное зодчество, которое, как известно, было самым доступным для горожан. Деревянная архитектура города испытала косвенное влияние стиля, которое нашло отражение в отдельных элементах деревянных и каменно-деревянных построек.

За свой недолгий век модерн сумел существенно преобразить облик города, внести в его интерьер нотку экзотики. На городское пространство накладывает отпечаток стилевая традиция модерна, кроме того, этот стиль пытается найти новые градостроительные решения. Хотя в регулярной застройке Самары это проявилось довольно слабо. Легко заметить, что в молодом городе с регулярной планировкой, модерн не стал градообразующим стилем. Он скорее разбавил многочисленную эклектику и классицизм, представленный образцовыми зданиями. Как справедливо замечает Е.И. Кириченко, пестрота модерна в городском пространстве допустима лишь в качестве вкрапления, сплошное сгущение фасадов модерна утомляет горожан [1, с. 145].

Можно сделать вывод, что в качестве архитектурного стиля, модерн оказал большое влияние на быт горожан и облик города, начиная от удобной планировки и интерьера дома и заканчивая изменениями которые он внес в очертания самарских улиц. Модерн впервые сделал программным всестороннее обустройство городской жизни [4, с. 359].

Библиографический список

1. Кириллов В.В. Архитектура русского модерна. Опыт формологического анализа. М., 1979.
2. Кириченко Е.И. Русская архитектура 1830 – 1910-х гг. М., 1978.
3. Мельникова Н.В. Городская усадьба самарского купечества// Записки самарского краеведа. Выпуск XII. Самара, 2005.
4. Модерн в России. Сост. Климов П.Ю. М., 2010.
5. Морис Уильяс. Искусство и жизнь. М., 1973.

У НАЧАЛА ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖЕНСКОЙ МЕМУАРИСТИКИ: ВОСПОМИНАНИЯ А.И. СТРЕЛКОВОЙ

В 18-м столетии получил развитие такой жанр, как мемуары. Однако женские мемуары в России – не такое уж частое явление. Женщина находилась за спиной сначала отца, потом мужа, была выключена из сферы государственной службы. Тем не менее роль женщины в дворянском быту и культуре становится все заметнее. Конечно, выполнять чисто мужские обязанности слабому полу было не под силу, да и не позволялось, но культурные ценности и плоды просвещения со временем все больше попадали в женские руки. Женщина с присущей ей эмоциональностью сильнее впитывает особенности своего времени и даже в некотором роде обгоняет его. В этом случае характер женщины можно назвать чутким барометром жизни [2, с. 46].

Одним из ранних памятников русской женской мемуаристики стали воспоминания Анны Стрелковой, названные ею «Историей моей жизни». Они включают шесть книг. В основу нашего исследования легли первая и вторая книги. Мемуары представляют собой документально-биографический срез целой исторической эпохи. В них отсутствует художественный вымысел – они целиком построены на реальных событиях [6].

Как и любое произведение мемуарной литературы, «История жизни» не лишена субъективного отношения к тем или иным событиям. Анна была воспитана в эпоху сентиментализма и излагала мысли в духе чрезмерной чувствительности, а порой излишне слезливой сочувственности [3, с. 8]. Она писала: «Судьба не одарила меня красотой, но одарила чувственным сердцем» [3, с. 108]. Радостные моменты своей жизни она, в первую очередь, связывает с людьми, которые относились к ней с теплотой и нежностью, а она отвечала им тем же.

Недавняя публикация осуществила то, ради чего были написаны эти мемуары, а именно для того, чтобы оставить правдивое послание к потомкам. В «Предисловии» автор особо подчеркивает стремление передать им свой жизненный опыт и нравственные ценности, оградить их от пороков [3, с. 11].

Сейчас рукопись мемуаров Анны Стрелковой хранится в Российской государственной библиотеке в Москве. Большой вклад в их публикацию внесла доцент Самарской гуманитарной академии А.А. Фролова [3, с. 7].

Свои мемуары Анна Стрелкова начинает с описания жизни ее глубоко любимой матери В.Н. Нееловой (до замужества Овцыной). Та пред-

стает перед нами кроткой женщиной, которая со всей покорностью переносила все невзгоды, что возложила судьба на ее хрупкие плечи. Радостные и нежные строки в мемуарах в основном посвящены поездкам к родственникам матери. Анна очень ценила родственные связи и за многое была благодарна родне, например, за возможность обучаться в Екатерининском институте.

Получить хорошее образование в учебном заведении было большой удачей, доступной в XVIII в. далеко не каждому дворянину-мужчине [5], а не только девушке. Об этом свидетельствуют дневники и мемуары современников-провинциалов, в том числе самарского и симбирского чиновника И.А. Второва, жившего с Анной по соседству [4]. Благодаря записям Анны, мы можем сделать вывод о том, каким было женское образование в закрытой школе, доступное для девочек-дворянок в то время.

Нельзя не отметить, что в Екатерининский институт было попасть достаточно сложно. Нужно было обладать достаточными связями. Конечно, еще существовал Смольный институт, куда Анне и ее подругам пришлось временно перебраться, поскольку здание Екатерининского института пришло в негодность. Смольный институт представлялся Анне местом мрачным и жутким. То, что смолянки решили пригласить на время воспитанниц Екатерининского института, являлось в глазах Анны способом обратить на себя взоры императрицы, которая обделяла Смольный вниманием [3, с. 103].

Когда Анна со своими подругами прибыла в Смольный, то смолянки всячески старались оскорбить прибывших девушек, пуская в ход колкие насмешки, как напрямую, так и в записках. Не выдержав подобного отношения, студентки Екатерининского института сообщили обо всем своей покровительнице. Это не сразу улучшило ситуацию. Однако однажды был устроен настоящий праздник. Желая примирить воспитанниц, императрица угощала девушек лучшими сладостями, потом приказала соединить руки попарно ученицам двух учебных заведений. Вражда прекратилась, и даже расставались девушки в слезах, причем накануне возвращения в Екатерининский институт был дан грандиозный бал [3, с. 104].

В Екатерининском институте девушки учились, как правило, шесть лет. Однако сама Анна проучилась не более трех. Семья больше не могла оплачивать обучение, поэтому выпуск наступил раньше положенного срока. Императрица сама провожала Анну, благословив ее и одарив наставлениями. Анна описывает, что в тот момент была по-настоящему счастлива. Здесь она впервые говорит о том, что коловратная жизнь была ей любезна [3, с. 108].

Важное событие в жизни Анны – тот момент, когда ей предложил руку и сердце полковой командир казанского ополчения Николай Стрел-

ков. Анна с трепетом описывает их встречу, как она краснела и испытывала неловкость в разговоре с молодым человеком, который был другом ее старшего брата. Анна даже подумать не могла о том, что этот человек составит ее судьбу: «Он был мне по сердцу; душевные качества его души, приятная наружность и значительна должность, им занимаемая — все сие было мне известно и заставляло считать не иначе, как за неисповедимую благодать надо мной Отца Небесного, покровительствующего беззащитным!» [3, с. 146].

На протяжении всего брака Стрелковы сохранили любовь друг к другу. Родители мужа приняли Анну как родную дочь и прониклись к ней со всей теплотой. У Анны и Николая было пятеро детей, но смерть унесла через год первенца Лизу, а сын Александр был слаб здоровьем и едва держался на ногах. Несмотря на это, строки Анны о жизни после замужества окрашены в более приятные тона, чему способствовала поддержка мужа.

В мемуарах нарисован очень светлый образ очень нежной, кроткой, воспитанной девушки, старающейся отдать всю себя своим любимым людям. Примером для Анны служила мать, которая всегда прощала обиды, была ко всем добра, отдавала детям ласку и заботу, терпеливо сносила удары судьбы.

Воспоминания Анны Стрелковой занимают достойное место в женской мемуаристке. Это первые значительные по объему воспоминания, созданные провинциальной дворянкой в России. Они позволяют пролить свет на многие стороны жизни, быта и нравов своего времени. Женский взгляд с присущей ему чувствительностью придает описанию больше красок и приводит больше интересных оценок происходящего.

Библиографический список

1. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
2. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство 1994. 399 с.
3. Россия конца XVIII — середины XIX вв. глазами провинциальной дворянки Анны Стрелковой: публикация, источниковедческий анализ и комментарии мемуаров: в 2 т. Т. 1. Самара: Медиа-Книга, 2014. 268 с.
4. Артамонова Л.М. Истоки провинциальной интеллигенции в симбирских записях дневника И.А. Второва (1791-1793 гг.) // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2013. № 3. С. 437-443.
5. Артамонова Л.М. «Учили меня еще во младенчестве». Принципы и традиции образования молодых дворян в XVIII столетии // Родина. 2010. № 11. С. 13-15.
6. Пушкарева Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 62-69.

ПОЛЬСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1907 Г.

Манифест Николая II от 17 октября заложил основы парламентаризма в России, что подарило возможность польским националистам, представителям лидирующего в Польше национально-демократического движения (эндеции), реализовать свои цели нереволуционным – лоялистским – путем. Бессменный лидер и главный идеолог эндеков Роман Дмовский, избранный депутатом от Варшавского округа 19 февраля 1907 г., возглавил польскую фракцию (коло) [1, с. 50] в думе II созыва. Именно Дмовский в 1903 г. Обозначил главную политическую задачу эндеции, на выполнение которой была направлена вся последующая деятельность поляков в российском парламенте – достижение Польшей независимости, или же создание необходимых условий для построения самостоятельного государства [2, с. 118-119], а именно – получение автономии.

Что, в сущности, понимал Роман Дмовский под емкой формулировкой польский вопрос, он сам описал предельно четко. В первую очередь, это проблема политического положения огромной по площади территории «коренного польского края с одиннадцатимиллионным населением», а также колоссального пространства «Западного края с двадцатитрехмиллионным населением, <...> где поляки составляют значительное по количеству, более культурное и экономически сильное меньшинство» [3, с. 125]. Однако в идеологической схеме Дмовского это лишь локальная часть более масштабного польского вопроса, внутренняя проблема Российской Империи, а также остальных двух государств, разделивших Польшу. Основную свою задачу Дмовский видел в том, чтобы вывести польский вопрос на международную арену, вернуть ему ту позицию, которую он потерял в конце 60-х гг. XIX в. [4, с. 2-3].

Отражая позицию Дмовского, англичанин Бернанд Пэрс, знакомый с Дмовским со времен работы думы, утверждает, что «в те предвоенные дни независимость для Польши была лишь мечтой. Автономия... была основной целью» [4]. Поляки рассчитывали на долгую работу парламента, которая позволила бы им в полной мере реализоваться как политической силе [5, л. 24], поэтому не торопились формировать последовательной программы требований.

23 апреля 1907 г. в Думу был представлен проект автономии Царства Польского, полностью выполненный в типичном для эндецкой риторики ключе. По проекту Царство Польское оставалось частью империи, сама фигура императора как представителя исполнительной власти в нем

отсутствует. Вся власть за некоторым исключением переходила к административному управлению во главе с наместником, распоряжающимися казной и бюджетом, создавались чисто польские судебные учреждения. Кроме того, предусматривалось создание особого законодательного сейма [6, с. 82-83], который де-факто получил бы больше полномочий, чем существующая законосовещательная Дума, что, естественно, не могло не вызвать недоумение. Проект также гарантировал Царству Польскому границы по 1815 г.

Для решения языковой проблемы авторы считали нужным, чтобы «все производство законодательных, судебных и административных установлений и казенных учебных заведений Царства Польского, а равно преподавание во всех учебных заведениях» велись на польском языке», а затем в сопряженном с ним школьном проекте планировали введения преподавания на польском языке в школах всех степеней [3, с. 136].

Подобные взгляды, как и сама идея дарования Польше автономии, не были восприняты в благожелательном ключе даже среди либералов. Даже кадеты, наиболее дружественная полякам политическая сила, подвергли критике проект автономии как чрезмерно радикальный [7]. Конечно, Дмовский не мог не осознавать чрезвычайную утопичность проекта такого рода, не мог не понимать, что подобные условия не могут и не будут приняты ни столыпинским правительством, ни даже оппозицией ему. Такая постановка польского вопроса говорит скорее в пользу определенной идеологической пропаганды эндеков с целью повлиять на общественное мнение в Царстве Польском, нежели в пользу реальной парламентской тактики. Впоследствии Дмовский только подтвердит это предположение. В своей кембриджской речи в августе 1916 г. он скажет, что у русской Польши «не было шанса занять сколько-нибудь влиятельную позицию» в империи в политическом плане [8, с. 83-84].

Коло стало терять одного за другим потенциальных союзников среди либералов (в частности благодаря твердой позиции Дмовского не вмешиваться в русские дела) [9, с. 143-144], что, в сущности, предопределило отсутствие сделало нереальным рассмотрения польских проектов в ближайшем обозримом будущем.

В итоге единственным принятым до роспуска думы законопроектом, непосредственно касавшимся Царства Польского, стал акт об отмене правил 1892 г. о наказании за тайное обучение. Он был принят 4 июня 1907 г. [10, стлб. 900]

Библиографический список

1. Dmowski R. *Polityka Polska i odbudowanie państwa*. Warszawa, 1989.
2. *Narodowa demokracja. Antologia myśli politycznej «Przeglądu Wszepolskiego»*. Londyn, 1983. Londyn, 1983.

3. Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. СПб, 1909.
4. The Milwaukee Journal. 1944. 3. I.
5. ГАРФ. Ф. 5122. Оп. 1. Д. 34. Л. 24.
6. Павельева Т. Ю. Польское коло в I-IV Государственных Думах: Проблемы выработки и реализации парламентской тактики. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1999.
7. Речь. 1907. 12. IV.
8. Dmowski R. Poland, Old And New. // Russian Realities and Problems. Edited by J. D. Duff. Cambridge: University Press, 1917.
9. Записки Ф. А. Головина. // Красный архив. Т. 19. М.-Л. 1926.
10. Государственная Дума. Созыв 2. Стенографические Отчеты. Сессия 1.

А.Е. Пурыгин

Самарский национальный исследовательский университет

ОБРАЗ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО В КУЛЬТУРЕ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»

Все до единого мыслители и философы «серебряного века», оценивая жизнь и творчество Л.Н. Толстого, признавали его поистине огромный и неоценимый вклад в русскую и мировую культуру, считая его гением, появляющимся раз в тысячелетие и одним своим существованием способным возвысить душу русского народа до уровня величайших творений мировой культуры. Тем не менее в их оценке духовной миссии Толстого можно проследить ряд существенных различий.

Согласно видению Н.А. Бердяева, мироощущение и миросознание Льва Толстого – и внехристианское, и дохристианское во все периоды его жизни. Бердяев считает, что Толстой – наивный, естественный рационалист, всегда апеллирующий к разуму, к естественному началу. С точки зрения Бердяева, религия Толстого есть религия самоспасения, не нуждающаяся в Спасителе, не знающая таинств церкви, не ведающая искупления [1, с.248]. Бердяев, проникая в глубинную мистику трагедии Толстого, постигает, что для Толстого христианство безлично, он не видит лика Христа и не признает в нем Спасителя, не чувствует единственности и неповторимости всякого лица и тайны вечной его судьбы [1, с.253]. Он считает, что анархический бунт Толстого, чуждый исконному христианству и Христу, предвещает грядущее христианское возрождение, что рационалист Толстой с гениальной силой обратил современных людей к религиозному смыслу жизни, к заповедям Христа.

В свою очередь, С.Н.Булгаков выдвигает концепцию о двух Толстых – Толстом-художнике и Толстом-богослове, утверждая, что «Толстой отрекается от своего художественного дара как греховного во имя

морального обличения пороков и служения Богу» [2, с. 247]. Булгаков делает вывод, что излюбленной и часто повторяемой мыслью Толстого была мысль, что хотя религиозный идеал и не вполне достижим, но надо постоянно стремиться к его достижению. Согласно оценке Булгакова, Толстой был великим проповедником, стремившимся воплотить в жизнь все идеалы Христа. Для Булгакова идеал Толстого соответствует христианской этике, потому что Лев Николаевич в своих проповедях постоянно подчеркивает личную ответственность каждого человека за судьбу человечества.

Один из самых горячих почитателей жизни и творчества Толстого, В.В. Розанов, считал его величайшим и глубоко народным писателем, пропустившим через себя все духовные искания и страдания русского народа, старавшимся быть ближе к простому люду и жить как они, все делавшим ради облегчения быта и тяжести жизни простых людей. По мнению Розанова, «Толстой описывал самые простые и обыденные вещи с такой страстностью, энергией и душевностью, что сквозь его произведения простой человек мог увидеть себя и влюбиться в Наташу Ростову, в Левина, в Анну Каренину, увидеть небо над умирающим князем Андреем» [3, с. 305]. И в этом смысле Толстой сделал для русской культуры и души русского народа так много, как никто другой, и он по праву стоит в одном ряду с Гете и Данте. И самое главное в его жизни и произведениях, как считает Розанов, — то, что он всем своим творчеством и жизнью показал, как жить во имя величайшего добра и справедливости. Человеколюбие и вера в людей Толстого показали нам пример духовного искания и подвига во имя христианской жертвенной любви.

С.Л. Франк, соглашаясь с Толстым, ищет в его учении сердцевинную оболочку, могущую решить все самые острые для человечества вопросы. По его мнению, если единственный действительный нравственный идеал, единственное абсолютное добро сводится к известному внутреннему состоянию — к душевной чистоте, благодати воли, святости настроения, то принцип непротивления злу насилием означает: нельзя бороться со злыми страстями возбуждением злых же страстей и ненависти. Зло должно побеждаться не злом, а добром, ненависть — любовью, гнев — кротостью. И эта идея — одна из величайших идей чистого христианства — в наши дни никем не была высказана с такой силой и убедительностью, как Толстым [4, с. 304].

Наконец, Д.С.Мережковский выступает с глубокой обоснованной критикой творчества писателя. Он считает Толстого выразителем земного начала, человеческой правды в русской литературе. Главный художественный прием Толстого Мережковский определяет как переход «от видимого — к невидимому, от внешнего — к внутреннему, от телесного — к духовному или, по крайней мере, “душевному”» [5, с. 137]. Другой

сильной стороной Толстого критик считает его необыкновенную способность перевоплощаться, входить в других людей, чувствовать то, что они чувствуют «соответственно их личности, полу, возрасту, воспитанию, сословию. Из большого “чувственного опыта” Толстого вытекает его необыкновенная способность изображать “телесно-духовного” – “душевного человека”, то есть ту сторону плоти, которая обращена к духу, и ту сторону духа, которая обращена к плоти – таинственной области, где совершается борьба между Зверем и Богом в человеке» [5, с. 245]. В представлениях Мережковского, Толстой – по преимуществу человек «душевный», ни язычник, ни христианин до конца, а вечно воскресающий, обращающийся и не могущий воскреснуть и обратиться в христианство, полужазычник, полухристианин. Мережковский считает, что «величайшая духовная трагедия Толстого состоит в его раздвоенности, невозможности покаяния и обращения в подлинное христианство, туда, где не смущается и не устрашается сердце, но без веры только холод и мрак» [5, с. 330]. Мережковский, начиная свой труд «Толстой и Достоевский», мечтал, что наступит тот день, когда сольются две правды – Божеская и Человеческая. Именно в этом последнем слиянии плоти и духа, Толстого и Достоевского, и будет солнце, будет счастье, будет свет.

Подводя итог, можно отметить, что ведущие публицисты и критики «серебряного века», оценивая жизнь и творчество Толстого, признают его неопределимый вклад в русскую культуру, жизнь и творчество русского народа, однако оценки эти часто разнятся – от восторженного почитания (В.В.Розанов) до критического анализа (Д.С.Мережковский).

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Толстого // Л.Н.Толстой: pro et contra. СПб., 2000.
2. Булгаков С.Н. Л.Н.Толстой // Булгаков С.Н. Тихие думы. М., 1996.
3. Розанов В.В. Толстой между великими мира // Розанов В.В. О писательстве и писателях. М., 1995.
4. Франк С.Л. Нравственное учение Толстого // Л.Н.Толстой: pro et contra. СПб., 2000.
5. Мережковский Д.С. Толстой и Достоевский. М., 2000.

**«РАССКАЖЕМ ВАМ ВКРАТЦЕ О НАШЕЙ ЖИЗНИ»:
«СОВЕТСКАЯ ЖЕНЩИНА НЕ НА СЛОВАХ, А НА ДЕЛЕ»
(ЖЕНЩИНА САМАРЫ 20-Х ГГ. XX ВЕКА ПО ПЕРЕПИСКЕ
С ЖЕНЩИНАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН)**

Гендерные модели «конструируются» обществом, предписываются институтами социального контроля и культурными традициями. Одновременно гендерная принадлежность оказывается встроенной в структуру всех общественных институтов, и воспроизводство гендерного сознания на уровне индивида поддерживает, таким образом, сложившуюся систему господства и подчинения. Смещение «нервного центра» гендерной асимметрии от природных характеристик к социальным взаимосвязям открывает путь к включению отношений между полами во всеобъемлющий комплекс социально конструируемых отношений господства и подчинения.

XX век считается веком не только научного прогресса, но и глубоких социальных перемен. Революция 1917 года кардинально изменила повседневность и сознание людей, особенно женской части населения. Все это можно проследить в письмах 1920-ых годов века делегатов и работниц к женщинам зарубежных стран, а также на докладах, сделанных на делегатских собраниях в 20-е годы. Практически в каждом письме, где самарчанки рассказывают о своей жизни при советской власти, они пишут: «Советская женщина не на словах, а на деле имеет полные права наравне с мужчиной» [1, л. 15]. Женское население начинает активно участвовать во всех сферах общественной жизни страны. Но революция свершилась и в частной жизни женщины. Большевики предоставили российским женщинам такие права, какие западным женщинам в то время и не снились: право оставлять после замужества свою девичью фамилию, делать аборт.

В институте семьи произошел перелом. На одном из делегатских собраний Пугачевской уездной организации обсуждался вопрос о брачном и семейном праве. Докладчик Ермаков отмечал: «Советский брак есть добровольный союз брачующихся, и жена после брака есть гражданка, имеющая равные права с мужчиной», «вместо церковных-обрядов – создана простая запись или регистрация. При заявлении одного из супругов о нежелании жить – брак расторгается» [2, л. 41]. Большевики, пришедшие к власти, вопреки ожиданиям, не уничтожили институт семьи. Первые декреты разрешали некоторые вопросы норм частной жизни.

В Кодексе 1918 г. об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекуновском праве [3, с. 64] были зафиксированы добровольность брака, а также свобода брака и развода, который проводился через суд по объявлению одного супруга и через специально созданные органы записи актов гражданского состояния — по обоюдной просьбе. Брак и развод приобретает гражданский характер [4, с. 267]. Религиозные церемонии отходят на второй план. Такая перемена во взглядах связана с новой, светской политикой государства. Но были зафиксированы факты об одновременном заключении регистрации и венчании [4, с. 269]. И хотя, как отмечается в письмах, женщины Самары работали по 8 часов, а в субботу по 6, тем не менее, многие юноши и девушки не могли жениться из-за производственных и общественных перегрузок, а также из-за материальных трудностей, в частности, из-за отсутствия жилья [4, с. 275].

Из выступления самарских делегатов видно, что женщин волновали и такие проблемы, как проституция и аборты. В ходе событий 1917 года бывшие «легальные» проститутки оказались на одинаковом положении с «нелегальными» [5, с. 79]. Создавались комиссии по борьбе с проституцией. На собрании комиссии докладчик Новицкий отмечает, что в 1920-ые годы проституция развилась до колоссальных размеров. Очагами проституции являлись бани, рестораны, имеющие открытые сцены, в которых артистки, хористки этих сцен предоставляли интимные услуги. Женщины работали в интимной сфере чаще всего из-за экономических проблем, но до 50% проституток занимаются этим, как профессией и никакая работа не заставит их бросить своего промысла [6, л. 5].

Важное место в частной жизни советской женщины занимали вопросы беременности и абортов. В письмах самарчанки пишут о хорошей охране труда и здоровья женщин во время беременности: «работница имеет право на освобождение от работы во время беременности и в течение 8-ми недель до родов, и восьми после. Кормящая мать имеет право отлучаться два раза для кормления ребенка» [7, л. 15]. Тем не менее, после постановления циркуляра Наркомюста 1920-ого года о разрешении проведения абортов, их численность резко возросла. Началась работа абортной комиссии, которая выдавала разрешение на искусственное прерывание беременности. В докладе о работе комиссии в Самаре за 26-27 года отмечается неуклонный рост числа абортов из года в год. Желательных результатов санпросветительская работа о вреде абортов не давала. Из-за отсутствия средств консультации не имели возможности выдавать предохранительные средства женщинам бесплатно. В итоге, после распространения практик абортов в 20-ые годы, в 36 году искусственное прерывание беременности было вновь запрещено, но никакой другой помощи женщины не получили.

Таким образом, новая советская эпоха кардинально изменила жизнь советской женщины, и она не смогла избежать отношений власти и под-

чинения и навязываемых уже новым государством гендерных ролей. Особенностью нового быта женщин становится сужение пространства частной сферы. Репрезентации женской повседневной жизни в провинции в 20-ые годы XX века, отраженные в письмах делегаток и работниц г. Самары своим соратницам по гендеру в зарубежных странах, иллюстрируют, несмотря на плакатный дискурс, тот факт, что контроль над женской сексуальностью во всех его проявлениях был взят на себя государством. Общество контролировало сексуальную, частную жизнь своих членов с помощью богатого набора инструментов: от низших советских и партийных структур до «карающих обрядов» идеологического свойства.

Библиографический список

1. СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д.57.
2. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1523.
3. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. // Семидеркин Н.А. Создание первого брачно-семейного кодекса. М., 1989.
4. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб., 1999.
5. Панин С. «Продажная любовь» в Советской России (1920-е годы) // Вестник Евразии. М., 2005. Вып. 1.
6. СОГАСПИ. Ф. 9388. Оп. 8. Д. 96.
7. СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д.57.

Л.К. Кулушева
Оренбург, соискатель

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕАТРОВ ОРЕНБУРГСКОЙ (ЧКАЛОВСКОЙ) ОБЛАСТИ В 30-Е ГГ. XX В.

В современном российском обществе активно обсуждаются кризисные нравственные явления, связанные с коммерциализацией культуры. Имеет место распространение псевдокультурных ценностей, в том числе транслируемых извне, противоречащих многовековым национальным традициям народов России. В связи с этим актуальными стали вопросы ответственности творческого сообщества за свою деятельность, его взаимодействия с властью, популяризации художественного наследия народов России. Значение проблемы подчеркнуто Правительством Российской Федерации, которое объявило 2014 г. Годом культуры [6].

Большое влияние на духовно-нравственный облик общества оказывает театр. Он образно отражает жизнь, воспитывает чувства, отношение к явлениям и событиям, моделирует манеру поведения в различных ситу-

ациях. Сила и качество воздействия театра на общественное сознание зависят от целей и содержания сценических произведений, профессионализма драматургов и исполнителей, а также от широты и активности зрительской аудитории [11, с.25-39].

В настоящее время во всех регионах страны развернулись дискуссии вокруг проекта основ государственной культурной политики, в котором функции театра рассматриваются в контексте общегосударственных задач: сохранения единства многонационального российского общества, отражения культурного своеобразия регионов страны, стимулирования активности культурной жизни в регионах. Культурное наследие, согласно проекту, рассматривается как непрерывный процесс осмысления и пополнения. Необходимость обеспечения преемственности поколений в театральном деле отмечена и в Государственной программе Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–2014 гг. [6]. Соответственно актуальной задачей современности является изучение, сохранение и развитие театральных традиций народов России, в частности историческое познание своеобразного опыта становления национальных профессиональных театров в Оренбурге.

Тридцатые годы XX в. сыграли большую роль в жизни театров Оренбургской области, так как именно в этот период происходило возрождение, развитие, обновление и достижение пиков театрального творчества.

Так, наиболее известный коллектив Оренбургского драматического театра им. М. Горького – ведущего профессионального театра области – год от года укреплял актерский состав труппы, улучшал свой репертуар за счет произведений советских драматургов [7, с.89-103]. В тридцатые годы ставились такие пьесы Н. Погодина, как «Темп», «Мой друг», «Первая конная» и др. С успехом шли спектакли по пьесам А. М. Горького «Егор Булычев» (1933 г.), «Враги» (1935 г.), «Дети солнца» (1938 г.), а также «Варвары», «Мещане» и др. В 1936 г. произошло обновление труппы. Из других городов были приглашены актеры: В.И. Агеев, Д.И. Фомичев, О.Д. Озернова, С.А. Адилин, М.С. Воробцов, М.М. Капустин, А.М. Ермилов, П.М. Кирсанов [9, с. 178].

В это время в Оренбурге открылись Театр музыкальной комедии и Театр кукол. Так как в 1934 г. образовалась Оренбургская область, в составе данной территории оказался и Бугурусланский драматический театр им. Н.В. Гоголя. 17 ноября 1934 г. в Орске открылся профессиональный драматический театр. 18 июля 1935 г. в Оренбурге начал работать областной театр кукол (художественный руководитель – М.И. Савина), который в городском детском парке им. С.М. Кирова для пионеров и детей города показал первый спектакль «Ивашка-батраченок» [4, с. 109].

В культурном освещении татарского населения Оренбуржья важную роль сыграл передвижной колхозно-совхозный татарский театр (режис-

серы – С. Кудашев-Гаспринский, затем Вали Фатыхов). Разъезжая по городам и рабочим поселкам, а главным образом по районным центрам, колхозам и совхозам области, коллектив театра показывал зрителям пьесы «Родина», «Голубая шаль», «Ударники полей» и др. произведения татарских драматургов [5, с.166-168].

Несмотря на постановление ЦК ВКП (б) и жесткий всепроникающий контроль властей, театрам, находившимся на самоокупаемости, приходилось ориентироваться, прежде всего, на вкус зрителя, интерес и кассовость спектаклей, что вынуждало их менять репертуар. Однако за погоней сборов и следованием «низкопробным вкусам населения» режиссеры и актеры нередко подвергались бичеванию. Их обвиняли, к примеру, в творческой несостоятельности, поскольку в их руках советская пьеса получала якобы «блеклое воплощение» [1, с.9-10].

В 1939 г. Бюро обкома ВКП(Б) отметило, что за последнее время театры области добились значительных успехов в своей работе – обеспечена необходимая идейно-политическая направленность репертуара театров, в которых наряду с классическими пьесами доминирующее место начинают занимать лучшие образцы советской драматургии [2, с.10-16]. Улучшение работы театров привело к укреплению их хозяйственно-финансового состояния.

Наряду с успехами имелся ряд недостатков в работе театра, среди них отмечались: не умение трупп завязать тесную связь со зрителем, отсутствие уюта (не использование системы показа материалов к спектаклям, макетов, выставок и т.д.). Работать приходилось в неблагоприятных условиях, чтобы порадовать зрителей своим театральным искусством [8, с.68-75]. Возникали проблемы с помещениями, а у передвижного театра не было транспорта. В театре часто было холодно. Во время дождя вода лилась со стен и потолка. Здания требовали серьезного переоборудования и ремонта. Плохой буфет, отвратительная курительная комната, толкучка у гардероба – все это раздражало зрителя, не создавало условий для культурного отдыха [10, с.466-502].

Несмотря на перечисленные трудности, актеры старались ознакомить каждого человека с актуальными произведениями, проблемами и событиями своего времени – выезжали в другие города и разные села [2, с.4-5].

Библиографический список

1. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. Р-1581. Оп. 2. Д. 89. С.9-11
2. ГАОО. Ф. Р-1581. Оп. 2. Д. 103. С. 10-16
3. За сценой областного театра // Оренбургская Коммуна. 1938. 16 апреля. С. 4-5.
4. Назаров А.П. Чкаловский областной драматический театр им. А.М. Горького 100 лет. Оренбург: Чкаловское книжное издательство, 1957.

5. Незнамов М. Старейший Русский театр на Урале. Оренбург: Чкаловское издательство, 1948.
6. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 137 // Электронный фонд правовой и научно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499091763> (дата обращения: 31.04.2015).
7. Павлова Е. Театр во времена и время в театре. Оренбург: ООО «Печатный дом «Димур»», 2006.
8. Рафикова Р. Из истории Оренбургского государственного татарского театра. Оренбург: ОГПУ, 2008.
9. Сайгин Н.И. История культуры Оренбуржья (XVIII–XXI вв). Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011.
10. Хавторин Б. История музыкальной культуры Оренбургского края (XVIII–XX вв). Оренбург: ФГУП «ИПК Южный Урал», 2004.
11. Шарапова Е.П. Люди и куклы. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2010.

А.Ю. Помоленкова

*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАЛИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В 1949-1953 ГОДАХ

Возрождение мирной жизни в Сталинграде ознаменовалось среди прочего восстановлением деятельности учреждений культуры и творческих союзов, создание которых стало характерной чертой советской эпохи. Централизованные союзы советских писателей, художников, композиторов и прочие, в уставах которых было прописано обязательное следование в творчестве принципу социалистического реализма, рассматривались партийно-государственным руководством страны как проводники культурной политики государства по воспитанию нового советского человека.

В 1946 году бюро обкома ВКП (б) констатировало, что «имеющиеся в Сталинграде и области молодые писатели не объединены в единую творческую организацию, вследствие чего литературное движение в области развивается слабо», литературные произведения появляются от случая к случаю, поэтому предлагалось восстановить областное литературное объединение при редакции газеты «Сталинградская правда» «для оказания практической помощи в создании высокохудожественных литературных произведений» [4, с. 108-110], а в 1947 году созвать собрание писателей Сталинграда и области [4, с. 108-110], [6, л. 70-70 об.].

Решающую роль в консолидации творческих сил сыграл альманах «Литературный Сталинград», который стал регулярно выходить с 1948 года [1, с. 200], а решением Союза советских писателей СССР от 31 октября 1949 года в Сталинграде вновь было создано Сталинградское отделение, которое начинает свою фактическую работу с проведения конференции писателей Волги, объединяющей около 20 областей страны [5, л. 88]. Именно конференция стала тем самым толчком к последующей консолидации и творчеству региональных литературных сил, способствующих активизации культурной жизни городов Поволжья, в том числе Сталинграда и области.

По утверждению К. Симонова жизнь после войны уже сама по себе казалась праздником. С другой стороны, власть делала все для поднятия энтузиазма и трудового героизма масс в условиях послевоенного кризиса. Акцент делался не на трудностях, а на их преодолении, доказывалось преимущество социалистической системы хозяйства. Эта задача и стала первоочередной для Сталинградского отделения союза советских писателей. Главными темами произведений стали Сталинградская битва и послевоенное восстановление страны и региона, в первую очередь промышленное строительство, две великие стройки – Сталинградская ГЭС и Волго-Донской канал [7, л. 70-70 об.], [8, л. 65-77], [10, л. 4-4об.].

Регулярный характер приобрели творческие конференции, собрания, жанровые секции по прозе, поэзии и драматургии, где обсуждались новые работы, читались лекции на политические и литературоведческие темы, что должно было повысить, по мнению руководства, культурный и идейный уровень членов союза, многие из которых вышли из литературных кружков при редакциях газет и предприятиях города, не имели специального образования. При желании Сталинградская писательская организация предоставляла возможность литераторам получить среднее и высшее образование в вечерних школах и на заочных отделениях институтов [2, л. 8-25], [9, л. 1-7].

Анализ деятельности Сталинградского отделения Союза советских писателей в 1949-1953 годах показывает, что писательская организация в послевоенные годы не только была восстановлена, но и значительно окрепла. Писатели выступали с новыми стихами и рассказами на предприятиях, в учебных заведениях, по радио, на читательских конференциях в библиотеках, встречались с представителями местной творческой интеллигенции. Вышли в свет новые книги и альманахи, выросли новые авторы. Со времени восстановления писательской организации в области она численно увеличилась в два раза, она объединяла восемь членов и кандидатов Союза советских писателей, а также литературный актив из двадцати трех человек. [2, л. 8-25], [9, л. 1-7]. Ю.П. Чепурин получил Сталинскую премию за свою трилогию пьес «Сталинградцы», «Последние рубежи» и «Совесь» [3, с. 130-131].

Библиографический список

1. Леднев В. Оглядываясь назад... : к 75-летию Писательской организации Царицына-Сталинграда-Волгограда // Отчий край. 1996. №2.
2. Отчетный доклад о работе Сталинградского отделения союза советских писателей за время с марта 1950 года по сентябрь 1953 года // Центр документации новейшей истории Волгоградской области(ЦДНИВО). Ф. 6829. О.1. Д. 17.
3. Постановление бюро обкома ВКП (б) и облисполкома о представлении автора пьесы «Совесть», постановщиков и актеров спектакля драмтеатра им. М. Горького к Государственной премии СССР от 20 января 1951 года // Культурное строительство в Волгоградской области, 1941-1980 гг.: Сборник документов и материалов Т.2. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1981.
4. Постановление бюро обкома ВКП (б) об улучшении работы по идейно-политическому воспитанию, оказанию творческой помощи молодым писателям Сталинграда от 1 октября 1946 г. // Культурное строительство в Волгоградской области, 1941-1980 гг.: Сборник документов и материалов Т.2. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1981.
5. Постановление Секретариата Союза Советских писателей СССР о конференции русских писателей Волги /в Сталинграде/. Проект // ЦДНИВО. Ф. 6829. О.1. Д. 2.
6. Протокол № 498 Заседания бюро Сталинградского обкома ВКП (б) от 1-8 октября 1946 г. Об улучшении идейно-политической и творческой работы с молодыми писателями Сталинграда и Сталинградской области // ЦДНИВО. Ф. 13. О. 23. Д. 26.
7. Протокол №1 Заседания Оргкомитета по проведению в Сталинграде творческой конференции Поволжья от апреля 1950 года // ЦДНИВО. Ф. 6829. О. 1. Д. 2.
8. Протокол №31 заседания Секретариата Союза Советских Писателей СССР от 15 мая 1950 года // ЦДНИВО. Ф. 6829. О. 1. Д. 2.
9. Протокол отчетно-выборного собрания Сталинградского Отделения Союза советских писателей СССР от 26-27 сентября 1953 года // ЦДНИВО. Ф. 6829. О. 1. Д. 17.
10. Протокол собрания сталинградского отделения союза советских писателей совместно с активом литераторов и начинающими молодыми авторами от 11 января 1951 года // ЦДНИВО. Ф. 6829. О.1. Д.6.

БЫТ ТЮМЕНЦЕВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК АСПЕКТ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Накануне войны Тюмень представляла собой небольшой провинциальный городок, численность населения которого составляла около 76 000 человек [1, л. 37]. Дома в основном были деревянными, одно- и двухэтажными, булыжные мостовые и каменные постройки находились лишь на центральных улицах города. Основным транспортом являлись лошади. В целом уклад жизни был полудеревенский.

С началом войны многое изменилось. В тыловую Тюмень были эвакуированы тысячи людей, десятки заводов из прифронтовой полосы. В 1942 году население города составляло уже 94 775 человек [1, л. 37]. Прибывшие в город высококвалифицированные работники, представители интеллигенции оказали заметное влияние на провинциальную Тюмень. Так, приехавшие из Москвы химики во главе с Борисом Ильичом Збарским, помимо своих основных обязанностей, активно занимались лекционной работой среди населения, вели занятия по биологии, химии и математике в средних школах города [2]. Эвакуированные Кубанский и Московский медицинские институты дали тюменцам возможность получить высшее медицинское образование.

Люди, приехавшие из центральной части страны, отличались от местных жителей как менталитетом, так и внешним видом. По свидетельству А. И. Петуховой, эвакуированные школьники, в отличие от тюменских ребят, ходили на занятия в добротной школьной форме. «Мы им не завидовали, просто уважали их», — вспоминает А.И. Петухова [3]. Меры по расселению и обустройству взрослых и детей потребовалось принимать в срочном порядке с первых дней войны. Для этого была установлена норма жилой площади на одного человека, равная четырем квадратным метрам. Эта норма часто нарушалась в сторону уменьшения, но тюменцы воспринимали это как должное, делили со своими новыми соседями и жилье, и еду. Вот как вспоминает это время ветеран судостроительного завода А. И. Бесчастных: «В нашей двухкомнатной квартире проживало четыре человека — мама, я, сестра и пятилетний брат. Большую комнату у нас забрали и подселили семью с двумя детьми из Николаева. Вскоре и их потеснила семья из Севастополя. Они бежали от войны, поэтому мы не удивлялись просьбе переселенцев: «Дайте корочку хлеба «похрустать». Жили в тесноте, да не в обиде» [4].

Потребление жителями электроэнергии также подлежало регламентации (в утреннее и вечернее время включать электрический свет запре-

шалось) [5, с. 97]. Стоит, однако, отметить, что в начале 1940-х годов Тюмень была слабо электрифицирована. По воспоминаниям ветерана завода строительных машин Н. А. Долгих, в темное время суток освещались только железнодорожный вокзал, драмтеатр, кинотеатр и здание сельхозтехникума [6]. Электроэнергией была обеспечена меньшая часть тюменских домов. В основном люди пользовались керосиновыми лампами.

Одной из самых злободневных проблем было обеспечение населения топливом. До войны жители Тюмени занимались заготовкой дров самостоятельно [7, л. 9]. Но с началом войны ситуация изменилась: большая часть мужчин ушла на фронт. Поэтому городские предприятия с первых месяцев войны развернула широкую заготовку дров. Тем не менее, эта работа неоднократно подвергалась критике местных органов власти. Так, в 1942 году было отмечено, что по-настоящему обеспечивают своих рабочих дровами только Лесозаводы, все же остальные направляют своих работников для получения дров в Горисполком, снимая с себя ответственность [8, л. 9]. Поэтому рабочие были вынуждены собирать щепки на территории заводов после работы, то есть, как и прежде, заниматься самоснабжением. Правда, семьям фронтовиков дрова вывозили на дом, но часто только после их настойчивых просьб [8, л. 288] или писем комиссара части [8, л. 40].

Военные годы были голодными и в далекой от фронта Тюмени. Как вспоминает В. Н. Кубочкина, чувство голода было постоянным [9]. Определенную роль в решении продовольственной проблемы играли карточки, введенные в Тюмени в сентябре 1941 года. Как правило, отовариванием карточек занимались дети, поскольку взрослые весь день находились на работе. О том, как трудно было отоварить карточки, вспоминает А.И. Петухова: «Иной раз придешь в свой магазин – то хлеб не успели испечь, то повозки еще не разгрузили. Стоишь, ждешь. Если скажут, что долго еще хлеба не будет – идешь через весь город в магазин, где обслуживались рабочие Судоверфи. Иногда, если хлеб остался, могли отоварить карточку, а если нет – переходишь за реку, на Фанерокомбинат» [10]. Однако продуктов, выдаваемых по карточкам, катастрофически не хватало, поэтому в военные годы возросла роль огородничества. Известно, что тюменцы разбивали огороды, используя под них все свободное пространство города [11].

На начало войны в городе функционировали две коммунальные бани и одна железнодорожная, которая предназначалась исключительно для рабочих. Обе коммунальные бани нуждались в капитальном ремонте, который до войны провести не успели, а с ее началом требовалось в срочном порядке решать другие вопросы. Поэтому в военное время банно-прачечный комбинат систематически простаивал из-за технических

неполадок [12, л. 50-53]. Прежде чем получить талон на номер в баню, нужно было несколько суток простоять в очереди. В банях не было ни мыла, ни мочалок, даже тазы для воды посетителям приходилось брать с собой из дома [13].

Повседневность тюменцев в изучаемый период определялась реалиями военного времени, которые сказывались, прежде всего, на такой важной составляющей жизни как быт. Нехватка продовольствия, топлива, необходимость делить жилье с эвакуированными людьми вынуждали тюменцев приспосабливаться к изменившимся обстоятельствам и самостоятельно решать насущные бытовые проблемы.

Библиографический список

1. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 387.
2. Лопухин Ю.М. Болезнь, смерть и бальзамирование В. И. Ленина. – [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: http://www.e-reading.club/chapter.php/1013291/24/Lopuhin_-_Bolezn%2C_smert_i_balzamirovanie_V._I._Lenina.html. - Дата обращения: 08.11.2015
3. Воспоминания А.И. Петуховой (1934 г.р.), записаны автором.
4. Тюмень – колыбель сибирского судостроения [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.tumentoday.ru/2015/01/23/тюмень-колыбель-сибирского-судост/>. Дата обращения: 05.06.2015.
5. Тюменцы – фронту. Сборник документов / Отв. редактор В.П. Петрова. Изд. Второе. Тюмень: ОАО «Тюменский дом печати», 2005.
6. Воспоминания Н.А. Долгих (1926 г.р.), записаны автором.
7. ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 435.
8. ГАТО. Ф.5. Оп. 1. Д. 418.
9. Воспоминания В.Н. Кубочкиной (1926 г.р.), записаны автором.
10. Воспоминания А.И. Петуховой (1934 г.р.), записаны автором.
11. 80 лет Тюменскому государственному университету [Электронный ресурс]. Электрон. дан. – Режим доступа: http://80.utmn.ru/site/vexi_war_memory.html. Дата обращения: 05.06.2015
12. ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 429.
13. Тюменская правда. 1944. 3 октября.

А.А. Боженко

Самарский государственный институт культуры

ГРУППА «БИТЛЗ» НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «КРУГОЗОР»

Группа «Битлз» окончательно сформировалась в 1962 году. Ливерпульская четверка за 7 лет своего существования добилась успеха, которого не удалось достигнуть ни одной группе ни до ни после. Культуру 20-го века нельзя представить без их музыки. Джон, Пол, Джордж и

Ринго в те далекие бо-е сделали невероятное: очистили сознание людей от гнета вражды и ненависти, придали романтическое очарование всему и превратили любовь в идею, противостоящую войне и насилию. Начав с подражания классикам американского рок-н-ролла 1950-х годов, Битлз пришли к собственному стилю и звучанию. Многие известные рок-музыканты признают, что стали таковыми под влиянием их песен. Нельзя не отметить скорость, с которой известность и успех приходили к группе.

До 1960 года группа была известна лишь в Ливерпуле, и играла в основном обработки популярных американских песен. Даже во время своих первых гастролей по Шотландии в апреле 1960 года, они продолжали оставаться безызвестной рок-н-рольной группой [1]. Затем, после поездки в Гамбург, знаменитая четверка стала одной из самых успешных ливерпульских групп. После выхода альбома в феврале 1963 года успех группы стал быстро перерастать в общенародную истерию. Начало такого увлечения получил термин «Битломания».

Группа в период битломании становится больше чем музыкальной группой, она становится идолом, образцом стиля. В жанре кинематографа группа дебютировала, сняв весной-летом 1964 года фильм «A Hard Day's Night». Сюжет фильма основывается на событиях одного дня жизни группы, а музыкальным сопровождением к нему стал третий альбом Битлз с таким же названием [2].

Битлз слушает не только англоязычная аудитория, но и вся Европа. Чего не скажешь об СССР. Разумеется, для Советского Союза с его незыблемыми моральными устоями, музыка Битлз была мятежной и ненормальной. Коллектив запрещали, их пластинки не выпускали, но несмотря на все это, Битлз проникли в СССР. Музыка Битлз, в отличие от запрещенной литературы, в период застоя все-таки прорывалась, звучала. Поклонники доставали пластинки, переписывали их, на слух записывая композиции, старались выучить язык, чтобы понять, о чем поют исполнители. Тем временем правительство всячески старалось запретить творчество музыкантов. Если о них писали в газетах, то в отрицательном ключе. Например, в «Литературной газете» в 1964 году в разделе «Международный фельетон» была опубликована статья, посвященная Битлз, где их называют «бедными наивными жуками». Статья принадлежит перу композитора Никите Богословскому.

Существовала советская пропаганда Анти-Битлз. Более того, молодых людей, поклонников, задерживали милиционеры. Отличить поклонников легендарной группы было несложно, ведь они носили стрижки, как у кумиров. Первая композиция Битлз была выпущена на сборнике в середине 60-х годов. Это была песня «Girl». На пластинке песня была

обозначена как «Девушка — английская народная песня». После распада группы, в советском союзе были изданы еще 4 композиции, но также без упоминания названия коллектива.

В страну начинает постепенно проникать западная культура. И тут, возможно, появилось желание предпринимателей заработать на столь популярной группе. После долгих лет анти-рекламы всего западного и противоречащего идеологии, новому товару для повышения спроса нужно было срочно сделать рекламу, этот товар продающую. Отсюда и смена в настроении публикаций и статей о группе. Иллюстрация этих текстов представлена в журнале «Кругозор», который издавался в 1964—1992 годах. Это ежемесячный советский и российский литературно-музыкальный и общественно-политический иллюстрированный журнал с аудио-приложениями в виде гибких грампластинок. Тут можно проследить динамику изменения текстов статей и публикаций о Битлз. Первый выпуск о Битлз, а точнее, об одном его участнике — Поле Маккартни, вышел в свет в 1972 году [2]. Выпуск, который разорвал железный занавес, позволяя читателям узнать что-то новое о своем кумире и группе. В этой маленькой статье затронута биография музыканта и его творчество. В частности о его новой песне, которую он записал совместно с «Wings» — Give Ireland Back To The Irish [3, №10, с. 16].

Через два года «Кругозор» выпускает весточку о «рабочем парне из Ливерпуля» — Джоне Ленноне. Тут также затрагивается творчество исполнителя, в частности его новой песне [3, №4, с. 15].

В течение нескольких лет, а именно, начиная с 1972 года и по 1988 статьи о Битлах писались, творчество музыкантов было актуальным, несмотря на их распад. У каждого из Битлз началась своя сольная карьера. Журнал не оставляет это в стороне и ярко и красочно информирует своего читателя, дополняя это замечательными музыкальными произведениями. Последняя статья, которую выпустил «Кругозор» о Битлз, была напечатана в 1988 году. В ней идет более полная оценка творчества всего квартета. «Сквозь все течения, сквозь все моды, направления и страсти, как ледокол сквозь льды, проходит музыка Битлз. И все потому, что в своей основе это хорошая музыка» — слова автора этой публикации — Мэлора Стурау. [3, №12, с.18]

Проливая позитивный свет на образы исполнителей, журнал показывает и отношение людей к квартету в тот период.

Библиографический список

1. Багир-Заде А.Н. Битлз навсегда! Л.: Музыка, 1989.
2. Дэвис Х. Битлз. Авторизованная биография. М.: Радуга, 1993.
3. Журнал «Кругозор». Выпуски: 1972, №10; 1974, №4; 1988, №12.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1970-Е – 1980-Е.

В 2014 году Самарский государственный университет отмечал 95 лет со дня основания и 45 лет со дня возрождения. Но в 2015 году произошла реорганизация университета, и осуществилось присоединение его к Самарскому государственному аэрокосмическому университету, для дальнейшего создания нового высшего учебного заведения – Самарского национального исследовательского университета им. Королева. В связи с этим усилилась вероятность потери собственной индивидуальности и неповторимости университета и самого исторического факультета, как неотъемлемой его части. Поэтому особое значение приобретает сохранение «живой», коммуникативной исторической памяти о повседневной жизни университета на протяжении этих 45 лет.

В изучении университетской повседневности на всех этапах истории вуза ведущую роль может сыграть интервью как способ сбора информации, особенно видео-интервью. Видеокамера позволяет не только записывать, но и воспроизводить историю в живом изложении. А созданный на основе проведенных видео-интервью блог «Центр устной истории СамГУ» [1]. позволяет в максимально доступной форме показать изменения в жизни университета на протяжении всей ее истории.

Героями наших интервью являются выпускники и преподаватели исторического факультета Самарского университета. На данный момент собрано порядка 10 интервью с представителями разных поколений [1], которые позволяют пролить свет на неизвестные стороны университетской жизни, а также существенно дополнить и расширить уже имеющиеся данные, опубликованные в периодической печати, мемуарах и памятных изданиях [2, 3, 4, 5, 6, 7].

Для любого интервью очень важно задать правильные вопросы. Здесь существуют две крайности — разграфленный «вопросник» и его противоположность — уже не столько «интервью», сколько «свободный разговор». Во время проведения интервью нами был выбран метод «свободного разговора», где выделен ряд основополагающих тем для обсуждения. Всем участникам интервью было предложено вспомнить о времени обучения в СамГУ, или же о времени начала трудовой деятельности в университете. Также важнейшими вопросами для обсуждения с респондентами стали: причины их поступления на исторический факультет КуГУ; сложности студенческой и преподавательской жизни; быт и наука во второй половине 70-80-х гг.; формы девиантного поведения; общественная и творческая жизнь в университете и т.д.

Как показывают материалы интервью, жизнь Самарского (Куйбышевского) университета в 70-80-е годы XX века разительно отличалась как от периода его становления, так и последующего периода перестройки и построения нового государства.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории Александр Борисович Окунь, говоря о историческом факультета, вспоминает о сложностях во время поступления на него. «Это было серьезно, четыре вступительных экзамена: история, сочинение, русский и литература устно и иностранный язык. Конкурс был очень большой. Учитывался еще и аттестат. Всего нужно было набрать 25 баллов максимально возможных, “проходной” [балл – В.3.] был 23, у меня было 24. Исторический факультет был самым популярным в те времена, юридический таким спросом не пользовался» [8].

В свою очередь, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории Софья Михайловна Николаева так вспоминает о поступлении. «Я сначала думала о юридическом факультете, и даже поступала, там был у меня скандал, небольшой. А на следующий год подумала и поступила на исторический факультет. Дело в том, что медалисты не сдавали историю, и за одну оценку сдавали 2 экзамена, сочинение писали и русский и литературу» [9]. При этом Софья Михайловна отмечает легкость, с которой она поступила и училась на факультете: «Мне было интересно, в достаточной степени. А потом легко. На истфаке, я всегда говорила, учиться крайне легко» [9].

Безусловно, в том, что касается отношений студентов с руководством и увлечений студентов, вторая половина 70-х была более свободным временем в отличие от предшествующего периода, но по-прежнему жестко наказывалось любое открытое проявление инакомыслия. Как вспоминает А.Б.Окунь, «было такое политическое дело, раскрыта некая группа, которая занималась чтением и распространением [книг – В.3.] Солженицына и других запрещенных писателей, за это людей посадили, и дали реальные сроки» [8].

И сотрудников, и студентов исторического факультета не обходила стороной и общественная работа. Так о ней вспоминает Софья Михайловна Николаева: «Мы ходили, дороги чистили со студентами, кураторство было на всех курсах, в общежитии дежурили по ночам, в избирательных кампаниях участвовали, это были такие правила игры» [9].

Доктору исторических наук, профессору кафедры Российской истории Эдуарду Лейбовичу Дубману наиболее запомнились стройотряды, в которых он принимал активное участие. «Стройотряд – это такая добровольно-принудительная обязанность, которая превратилась в большое удовольствие развлекательное, и в то же время можно было заработать нормальные деньги. Многие были не слишком богаты, семьи были не слишком состоятельные. И поэтому мы работали, и сложился коллек-

тив. Были бригады физиков, математиков, историков, ну, у филологов слишком большая бригада не получалась, у них мальчиков было мало. Мы открывали для себя и Сибирь, Томскую область, Туву, Кызыл и так далее. Иногда нужно было и летом зарабатывать, и в университете, где могли, зарабатывали. То есть мы пытались и учиться, и зарабатывать, то есть вся гамма самых различных впечатлений сложилась в этих поездках, и в работе, и учебе» [10].

Александр Борисович также вспоминает об общественных работах: «Сразу после зачисления нас отправили на стройки, как раз в это время строились корпуса нашего университета. Я принимал участие в строительстве химико-биологического корпуса, меня до сих пор удивляет, как он сейчас стоит. Это было нормой в те времена, но в период перестройки все изменилось, и у студентов стал возникать резонный вопрос — с какой стати?!» [8].

Можно заключить, что, по воспоминаниям современников, университетская жизнь 1970-1980-х гг. в Куйбышевском (Самарском) государственном университете была насыщена и разнообразна. Университет уже преодолел стадию первичного становления, и на факультетах начала складываться своя самобытная жизнь. В числе традиций, имевших место в этот период, респонденты отмечают стройотряды, общественную работу, творческие мероприятия; часть этих традиций уже отмерла в силу объективных исторических тенденций, часть существует до сих пор.

Библиографический список

1. Центр устной истории СамГУ URL: <http://samgu-histoty.biogpost.ru> (дата обращения: 04.12.2015)
2. Дубман Э.Л., Кабытов П.С. О жизни и о себе // Самарский земский сборник. Самара. 2009. № 1(18).
3. Кабытов П.С. Судьба-эпоха: автобиография историка. Самара, 2008.
4. Мачнев В.Я. Истфак в сердце моем // Самарский земский сборник. 2008. Самара. №1 (17).
5. Матвеева Г.И. Экспедиции в прошлое. Записки археолога. Самара, 1998.
6. Куйбышевский государственный университет / Отв. ред. Храмов Л.В. Куйбышев, 1984.
7. Самарский государственный университет / Отв. ред. Кабытов П.С. Самара, 2009.
8. Интервью с Окунем Александром Борисовичем о роке, стройках, США и университетской повседневности от 03.12.2015 // Центр устной истории СамГУ. URL: <http://samgu-histoty.biogpost.ru> (дата обращения: 20.06.2015)
9. Интервью с Николаевой Софьей Михайловной от 04.12.2015 // Центр устной истории СамГУ. URL: <http://samgu-histoty.biogpost.ru> (дата обращения: 20.06.2015)
10. Интервью с Дубманом Эдуардом Лейбовичем: от 03.12.2014 // Центр устной истории СамГУ. URL: <http://samgu-histoty.biogpost.ru> (дата обращения: 04.12.2015)

ВКЛАД КУПЦОВ-СТАРООБРЯДЦЕВ В ДУХОВНУЮ И КУЛЬТУРНУЮ ЖИЗНЬ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ.

Рассмотрим вклад в культурное развитие губернии отдельной купеческой семьи. Среди самарского купечества широко было распространено стремление к благотворительности. Некоторые из этих имен самарцы помнят до сих пор. Но были в Самаре и другие имена, до сих пор малоизвестные горожанам. И первыми среди них должны быть названы купцы – братья Санины.

Бакалея Саниных в Самаре – это примерно то же, что Елисеевский гастроном в Москве. Именно Санины «приучили» самарцев к цивилизованной торговле. До этого все городские магазины были, по сути, лавками. Покупатель и продавец могли азартно торговаться, цена на товар устанавливалась по договоренности. Магазины братьев Саниных располагались на главных улицах города. Именно у Саниных самарцы впервые увидели ценники на товары. Горожане знали: товар у Саниных свежайший, без изъяна, в их бакалее не обвешивают и не обсчитывают.

Санины были старовеерами Белокрыницкого согласия. Свой предпринимательский талант и капитал они рассматривали как дар Божий и считали, что это налагает на них обязанность еще усерднее трудиться и помогать тем, кто не в состоянии обеспечить себе достойную жизнь.

Именно поэтому Санины занимались благотворительностью и общественной деятельностью. Особенно преуспел в этом старший из братьев Иван Львович (1831-1910). С конца 60-х гг. XIX века почти сорок лет его неизменно избирали гласным Самарской городской Думы, более тридцати лет – почетным мировым судьей и действительным членом Губернского присутствия по промысловому налогу Министерства финансов.

Занимаясь общественной деятельностью, Иван Львович не забывал и о своем деле. Один за другим открывались новые магазины, расширялся ассортимент товаров. Самарские барышни-сладкоежки могли купить в магазинах Ивана Санина не только «конфеты» и «шеколад», но и последние новинки парфюмерии [1]. Он организовал доставку товаров во все уездные города Самарской губернии и крупные села. Теперь жителям маленьких городов и сел не нужно было ехать в Самару, чтобы купить «душистое мыло» или сыр «рокфор» – все это по заказу доставлялось на дом [2,с.14].

Ивану Львовичу хотелось не только расширить семейное предприятие, но и попробовать свои силы в новом деле. Он стал инициатором создания и председателем правления Общества взаимного кредитования

– первого коммерческого кредитного учреждения в Самаре. Вскоре он стал совладельцем «Товарищества механического завода бывшего «Бенке и Компания», которое построило первый в Самаре пароход. Все его деловые начинания были успешны, а порядочность стала легендой. Недаром в первой половине 60-х гг. XIX века многочисленное купечество Самары избрало его главой купеческого самоуправления.

Жену Санин привез из Казани. Мария Кондратьевна из старинного старообрядческого рода Подуруевых стала ему настоящей помощницей и другом. Они открыли бесплатную столовую для бедных, помогали богадельням, приютам и обществу Красного Креста. Иван Санин был почетным членом Самарского губернского попечительства детских приютов. А Мария Санина была попечительницей Мариинского приюта для детей воинов.

В 1901 году Иван Санин стал одним из учредителей Общества любителей пчеловодства, садоводства и огородничества. Санины имели несколько дачных участков на окраине города и сами занимались селекцией. Выведенный Иваном Львовичем сорт яблок до сих пор популярен в Самаре и называется «санинская ранетка» [3, с.291]. С не меньшим энтузиазмом Иван Санин участвовал в благоустройстве Струковского сада – первого и до сих пор любимого самарцами общественного парка.

Общеизвестно, что в те, уже далекие времена открыто заявлять о своей принадлежности к Православной Старообрядческой Церкви означало поставить под удар карьеру. Однако никто из Саниных никогда не скрывал своей принадлежности к староверию. Будучи гласным Самарской городской Думы, Иван Санин был включен в состав Комитета по организации приема императора и должен был участвовать во всех официальных мероприятиях. Сопровождались они молебнами, которые возглавлял архиепископ Синодальной Церкви. С августейшими особами молилась вся местная элита, не молился лишь Иван Львович. Наверное, это требовало немалого мужества и внутренней силы.

И. Санин был награжден орденами Св. Станислава 2-й и 3-й степени и орденом Св. Анны 3-й степени. Это необычно для старообрядцев, официальное отношение к которым было более чем прохладным.

Санины мало походили на классических волжских купцов, знакомых нам по пьесам Островского. Ни кабацких увеселений, ни поездок к цыганам, ни желания пустить пыль в глаза. Дом Ивана и Марии Саниных был весьма скромным, особенно по сравнению с помпезными особняками богатых самарских купцов. Детей у них не было, а на себя они тратили мало. Каждое воскресенье супруги посещали старообрядческую модельню, на содержание и благоустройство которой жертвовали немалые суммы.

Во второй половине XIX – первой половине XX в. Самара была важным центром Белокриницкого согласия. Здесь жили старообрядческий епископ, протоиерей, несколько священников и диаконов. После принятия Манифеста 1905 г. официально разрешавшего староверам регистрировать общины и строить храмы, Иван Санин выступил инициатором регистрации Белокриницкой общины. Но свою заветную мечту – построить старообрядческий храм в Самаре – Санин так и не смог воплотить в жизнь.

8 сентября 1910 года Иван Санин скончался [4]. «В смерти Ивана Львовича самарцы понесли тяжкую утрату. Кто не знал Ивана Львовича? Вся Самара его знала. Всю свою жизнь он посвятил служению родному городу» [3, с.293].

Марии Саниной в год смерти мужа было уже 75 лет. Остаток жизни она посвятила памяти супруга. Она писала: «Так как муж не успел при жизни оформить свои благие намерения, то я считаю своей святой обязанностью привести в исполнение его благотворительные цели, каковые были и моими целями, так как по этим вопросам мы действовали сообща. Я приступила уже к исполнению наших общих христианских намерений и единственное теперь мое желание – при жизни своей выполнить их. Для этого и завещано им мне все имущество, и хотя о способе употребления его ничего в завещании и не сказано, но я сама в преклонных годах стою уже пред Судом Божиим и ни одной крохи из завещанного не вырону за пределы благотворительности» [5, л.1-25].

В память о муже открыла в Самаре две бесплатные столовые «для проходящих всех исповеданий обоего пола, лишенных возможности добывать пропитание личным трудом» [6, с.295]. Она обеспечила столовые капиталом «на вечные времена».

Но главное – Мария Санина помогла воплотить мечту мужа о храме. В 1912 году она выделила часть своей городской усадьбы под постройку старообрядческой церкви. А через четыре года в храме во имя Казанской иконы Божией Матери начались богослужения.

В годы Первой мировой войны Марию Кондратьевну, несмотря на ее преклонный возраст, избрали членом Комитета Самарской общины сестер милосердия. Но она не успела воплотить все свои планы. Не была построена инфекционная больница, не начато строительство корпуса для малоимущих рожениц [7, с.6].

Революция и Гражданская война уничтожили самарское купечество. И, к сожалению, где сейчас живут потомки Саниных, неизвестно.

Анализируя деятельность самарского купечества в конце XIX – начала XX веков, следует отметить, что в Самарской области оно, в исследуемый период, было на подъеме. Среди общей массы купечества ярко выделялись старообрядцы, которые активно участвовали, не только в экономической, но и в социально – духовной жизни Самарского края.

Библиографический список

1. ЦГАСО. Ф-146. Оп.1. Д.116.
2. Самарский край. №4. 4 октября. 1912. С.14.
3. Памятная книжка Самарской губернии 1910. Самара, 1910.
4. ЦГАСО. Ф-146. Оп.1. Д.212.
5. ЦГАСО. Ф-146. Оп.1. Д.263. Л. 1-25.
6. Чурина Ю.В. Социальный портрет Самарской губернии конца – начала XX века // Самарский земский сборник. 2007. №2(16).
7. Голос Самары. 16 сентября. 1915.

СЕКЦИЯ V. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А.В. Плещеева

Самарский национальный исследовательский университет

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЦАРЕМ СИРАКУЗ ГИЕРОНОМ II И РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ В ГОДЫ ПУНИЧЕСКИХ ВОЙН (263 – 215 ГГ. ДО Н.Э.)

Взаимоотношения Гиерона II и Рима отражают первые робкие шаги античной дипломатии по взаимодействию с потенциальными союзниками. Прежде всего здесь стоит отметить, что он вступил в союз с Республикой, после разгрома в 263 г. до н.э., поэтому необходимо установить, получили ли Сиракузы после капитуляции, обращение, сопоставимое с отношением к государствам добровольно пришедшими под римскую защиту.

Первоначально в Мессанском конфликте Гиерон выступил на стороне Карфагена. Однако успешные военные действия римлян и осада Сиракуз, вынудили Гиерона отправить послов к римским командующим искать мира. Условия мирного договора, которые достаточно четко прописаны в источниках (Полибий. I. 16. 3 – 9; Диодор Сицилийский. XXIII. 4. 1; Тит Ливий. Пер. 16; Орозий. 4. 7. 3), включали возвращение римлян, которые попали в плен до мирного соглашения, и выплату контрибуции в размере 100 талантов серебра. Римляне, в свою очередь, были готовы официально признать Гиерона в качестве правителя Сиракуз и некоторых городов, но, видимо, заставили царя отречься от всех претензий на территории на северо-востоке Сицилии [1 – 4].

Отношения Гиерона с Римом были формально неоформленным дружественным политическим союзом (*amicitia*), это видно из помощи царя римлянам. В Первую Пуническую войну его помощь была довольно минимальна: он никогда не вел армии против карфагенян, согласно источникам он только доставил необходимое продовольствие дважды – в 262 г. до н.э. (Пол. I. 18. 11). и 250 г. до н.э. (Диод. XXIV.1.4). Кроме того царь предоставил осадные машины (Диод. XXIII.9.5), корабли, и позволил использовать сиракузскую гавань для римских кораблей (Диод.

XXIV.1.7). Это не означает, что такая помощь была незначительна, но ее цель была строго ограничена демонстрацией лояльности Гиерона к Риму для укрепления политического союза (*amicitia*). Например, осадные орудия были предоставлены по конкретному «запросу» Рима (Диод. XXIII.9.5), все остальное было сугубо добровольными пожертвованиями в качестве «подарков» [5, р. 148; 8, с. 109].

Рим нуждался в местных союзниках на военных театрах за пределами Италии, и в этом случае Полибий (I. 16. 7 – 8) дает нам описание, как консулы старались привлечь Гиерона на свою сторону. Они предполагали (а, возможно, знали наверняка, учитывая плодородные почвы Сиракуз), что царь мог обеспечить в изобилии римскую армию. Возможно, также здесь сыграло роль понимание, что Рим не мог взять на себя потенциально длительную осаду Сиракуз, при этом параллельно ведя войну с Карфагеном, так как им не хватило бы флота и надежных поставок продовольствия для армии.

Царь Сиракуз был верным другом Рима, но в то же время, стараясь не оскорбить своего мощного союзника, он проводил и свою внешнюю политику. Яркий пример помощь Гиерона Карфагену в войне с наемниками в 240 – 230-х гг. до н.э. (Пол. I. 83.2-3). Т.е. он не стал просто царем-марионеткой Республики [6, р. 42 – 43].

Трансформация из незначительных взаимоотношений в достаточно основательный и прочный союз происходит в тяжелые дни Второй Пунической войны. Это период, когда сенат начал называть Гиерона «наиболее верным сторонником римской власти» и «особой опорой римского народа» [5, р. 166]. В начале войны Гиерон пообещал зерно и одежду для легионов бесплатно, и заверил консула Тиберия Семпрония, что он остается таким же верным союзником, каким он был в первой войне Рима с Карфагеном (Ливий. XXI.49.3-6; 50.7 – 11). После римского поражения в битве на Тразименском озере в 217 г. до н.э., Гиерон удовлетворил просьбу римлян о военной помощи и предоставил 500 критских лучников и 1000 человек легкой пехоты (Пол. III.75.7). В следующем году, царь послал еще флот с значительным запасом продовольствия (Ливия. XXII.37.1) и, как доброе предзнаменование, подарил 220-фунтовую статую Победы из чистого золота (Ливий. XXII.37.5-6) [7, р. 71].

После Канн проблемы Рима только усилились. Сразу после битвы, богатая сельскохозяйственная область Кампания перешла на сторону Ганнибала (Ливий. XXIII.7), и римской претор в Сицилии Тит Отацилий Красс был вынужден прибегать к Сиракузам, которые выплатили жалованье и кормили римские войска, дислоцированные на острове (Ливий. XXIII.21.5). Стратегическое положение Рима еще больше ослабло нападением Филиппа V Македонского. Гиерон прислал дополнительные 200 000 модиев пшеницы и ячменя. Кроме того, деньги, которые ранее были выделены на погашение долга царю за кормление и плату римским

войскам в прошлом году, теперь должны были быть направлены на содержание римского флота для предстоящей войны с Грецией (Ливий. XXIII.38.13). Это было последним решением царя в качестве друга Рима, ибо он умер в том же году.

Таким образом, отношения Республики и Гиерона менялись со временем и в конце концов стали одним из «особых отношений» Рима в Западном Средиземноморье. Данный политический союз (*amicitia*) реализовался в полной мере медленно путем постепенного усиления доверия (*fides*), что сопровождалось увеличением количества подарков и услуг, которым предавалось все большая значимость и символичность. Отрицательным последствием корректировки политики внуком Гиерона II Гиеронимом стало поглощение Сиракуз и их владений Римской республикой. Это повлияло на дальнейшее изменение в региональном балансе сил в Западном Средиземноморье в пользу Рима, которое пытался предотвратить Гиерон через свою гибкую политику.

Библиографический список

1. Полибий. Всеобщая история в сорока книгах / Пер. Ф. Г. Мищенко. СПб., 2005.
2. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека // URL: <http://simposium.ru/ru/node/863>
3. Ливий Тит. История Рима от основания города / Пер. М. Л. Гаспарова. М., 2002.
4. Орозий Павел. История против язычников / Пер. В. М. Тюленева. СПб., 2002.
5. Burton, P. J. Friendship and empire: Roman diplomacy and imperialism in the middle republic (353 – 146 BC). Cambridge, 2011.
6. Badian, E. Foreign Clientelae (264 – 70 BC). Oxford, 1958.
7. Lintott, A. Imperium Romanum: politics and administration. L., 1990.
8. Ревяко К.А. Пунические войны. Минск, 1988.

В.О. Федоров

Самарский государственный университет

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США (1820-1840-Е ГГ.)

Проблема колонизации и территориальной экспансии занимают важное место в американской истории. Начиная с момента высадки первых поселенцев на континент, шло непрерывное освоение и заселение его территории. Таким образом, постепенно происходило присоединение новых территорий, линия фронта постепенно сдвигалась и менялась.

«Теорию фронта» или «теорию границы» впервые выдвинул американский историк Фредерик Джексон Тернер. В центре ее внимания на-

ходила территориальная экспансия и американский запад, как ключевые, с точки зрения Тернера, факторы развития США и роли демократических институтов страны в частности.

Термин «фронтир» (от frontier – граница, рубеж) имел для Тернера прежде всего историческое значение и обозначал приграничную полосу либо область так называемых «свободных земель» во внутренних районах североамериканского континента, которая на протяжении всей истории страны вплоть до конца XIX в. осваивалась белыми поселенцами и постепенно перемещалась («подвижная граница») в ходе территориальной экспансии на Запад, достигнув Тихоокеанского побережья. Постепенно этот термин прочно вошел в научный и общественно-политический словарь и приобрел более широкое толкование как область или сфера, открывающая новые возможности [4, с. 7].

В рамках данной исследовательской работы рассматривается этап экспансии в период с 1820 по 1845 гг.

Основным объектом внимания американцев в этот период стал Техас. В ноябре 1820 г. в Сан-Антонио прибыл уроженец Коннектикута коммерсант и горнопромышленник Мозес Остин, обратившийся к губернатору Мартинесу с просьбой о предоставлении ему земли для основания колонии. В январе 1821 г. 300 американских семей получили разрешение поселиться в Техасе при условии, если они исповедуют католическую религию (практически это требование соблюдалось не слишком строго) и согласны присягнуть на верность испанской монархии.

Поселенцы получили 200 тыс. акров земли. Принятые Мексикой законы о колонизации предусматривали льготную продажу земли, которая распространялась и на иностранцев. В Техас начался массовый наплыв иммигрантов из южных штатов США. Все попытки мексиканских властей запретить или ограничить иммиграцию окончились безрезультатно. Американцам было достаточно лишь пересечь реку Сабин, и они уже оказывались в Техасе, в то время как Мексика практически не контролировала отдаленную провинцию и не имела там адекватного репрессивного аппарата.

В 20-е гг. правительство США несколько раз обращалось к мексиканским властям с предложением купить Техас или его часть, однако получало отказ. В целом отношения мексиканцев с колонистами развивались спокойно вплоть до конца 1829 года, когда в Мексике было отменено рабство. Это решение было неприемлемым для большинства выходцев из рабовладельческих штатов юга [2, с. 65-66].

К середине 30-х годов противостояние достигло высшей точки. В 1835 году генерал Антонио Санта-Анна совершил государственный переворот, захватил власть в Мексике и отменил Моральную федеративную конституцию, установив взамен личную диктатуру. Смену режима в сто-

лице американские поселенцы в Техасе использовали как повод для восстания. В марте 1836 года Техас был провозглашен независимой республикой, границы которой в одностороннем порядке расширялись на юге и западе до Рио-Гранде (границей Техаса традиционно считалась река Нуэсес) [1, с. 33].

В начале 1837 года Соединенные Штаты первыми из иностранных государств признали Техасскую республику. Однако когда спустя несколько месяцев речь зашла о вхождении Техаса в состав США, американское правительство заявило о несвоевременности подобного шага. Это произошло по нескольким причинам.

Во-первых, до середины 1830-х годов речь шла исключительно о покупке Техаса, то есть осуществление экспансии представлялось возможным в рамках договорной модели внешней политики. Теперь же аннексия была чревата дипломатическими осложнениями, а войной с Мексикой, то есть означала использование конфронтационной модели.

Во-вторых, изменилась ситуация и в самом Техасе. В 1820-е годы Техас был еще слабо заселен, и вопрос о рабстве применительно к этой территории носил гипотетический характер. Агрессивное освоение Техаса южанами стало заявкой на то, что в состав Союза войдет динамично развивающаяся рабовладельческая республика, из которой могло быть создано до четырех-пяти штатов. Подобная ситуация была неприемлемой для многих северян.

На протяжении последующих лет Техас успешно развивался как независимое государство, получив международное признание со стороны таких великих европейских держав, как Великобритания и Франция. Исключительно напряженными оставались отношения между Техасом и Мексикой. Вооруженные столкновения продолжались практически непрерывно. Мексиканцы не предпринимали серьезных попыток подчинить мятежную провинцию, однако локальные операции и приграничные рейды постоянно напоминали об их претензиях. Техасцы безуспешно добивались официального признания независимости со стороны Мексики и столь же тщетно пытались распространить свою власть вплоть до Рио-Гранде.

В ноябре 1844 года в ходе долгой политической борьбы президентом США был избран демократ и убежденный сторонник территориальной экспансии Джеймс Полк, основным пунктом программы которого было обязательное присоединение Техаса и Орегона. После выборов администрация Тайлера, понимая, что общественность готова поддержать присоединение, начала консультации с избранным президентом Полком и разработала план присоединения с помощью совместной резолюции. В резолюции заявлялось, что Техас будет признан в качестве штата, если

республика одобрит присоединение до 1 января 1846 года, что территория штата может быть разделена на несколько штатов, числом до пяти, и что государственные земли республики перейдут во владение штата Техас после его образования. Конгресс США принял совместную резолюцию 28 февраля 1845 года, за четыре дня до вступления Полка в должность президента. Вскоре после этого, Эндрю Джексон Донельсон, американский поверенный в Техасе и племянник бывшего президента Эндрю Джексона, представил американскую резолюцию президенту республики Техас Ансону Джонсу. 4 июля 1845 года конгресс Техаса одобрил вариант предложенного американцами присоединения с единственным голосом против, и начал писать конституцию штата. Граждане Техаса утвердили новую конституцию и постановление о присоединении 13 октября 1845 года. Полк подписал документы об официальной интеграции Техаса в США 29 декабря 1845 года.

Столь долгий срок вхождения Техаса в состав Соединенных Штатов, на мой взгляд, объясняется главным образом внутривнутриполитической борьбой и угрозой раскола и поляризации общества по принципу «Север-Юг».

Присоединение Техаса показало, что американское правительство готово постепенно переходить от договорной к конфронтационной модели внешней политики. Аннексия Техаса стала «пробой пера» для Вашингтона. В дальнейшем экспансия расширится и в сферу интересов попадут Орегон, Калифорния и Нью-Мексико. Но ситуация с Техасом так же показала внутривнутриполитический разлад между севером и югом, что в дальнейшем приведет к Гражданской войне.

Библиографический список

1. Миньяр-Белоручев К.В. Реформы и экспансия в политике США (конец 1830-х — середина 1840-х годов). М.: Издательский дом «Перспектив-АП», 2005.
2. Печатнов В.О. Манькин А.С. История Внешней политике США. М.: Международные отношения, 2012.
3. Соргин В.В. Политическая история США. XVII-XXвв. М.: Издательство «Весь мир», 2001.
4. Тернер Фредерик Дж. Фронтир в американской истории / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь Мир», 2009.

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КНЯЗЯ А.Е. ЧАРТОРЫЙСКОГО

Россия всегда являлась полиэтничным государством, населенной народами с разным уровнем социально-экономического и культурного развития, а также различным опытом существования территорий как самостоятельных государств. Одним из важнейших и острых вопросов Российской империи являлся польский вопрос, в решении которого первоочередную роль сыграл князь А.Е. Чарторыйский, представитель старинного польского рода и патриот Польши, друг Александра I и активный политический деятель Российской империи.

После переворота 1801 г. князь А.Е. Чарторыйский стал одним из членов Негласного комитета и приближенным Александра I, дружба князя с которым сложилась еще до вступления императора на престол, а в 1804 г. он занял пост министра иностранных дел [2, с. 206]. По его собственному признанию, главной своей задачей князь считал создание наиболее благоприятных условий для восстановления независимости Польши в тех границах, какие она имела до первого раздела [6, с. 88]. Но этот план не был претворен в жизнь, так как российский император был больше обеспокоен отношениями с Францией.

Отдалившись от Александра I и внешней политики России в период Отечественной войны 1812 г., князь А.Е. Чарторыйский в 1813 г. вновь стал напоминать в письмах императору о планах устройства польских областей. Начиная с 1813 г., чувствуя близкое и окончательное поражение Наполеона, а значит – новое решение польского вопроса, князь ищет встреч с Александром I, пытаясь повлиять на решение судьбы Польши. На Венском конгрессе, проходившем в сентябре 1814-июне 1815 г. князь А.Е. Чарторыйский, несмотря на неопределенный статус, сумел доказать, что решение польского вопроса имеет общеевропейское значение [4, с. 25].

После Венского конгресса князь А.Е. Чарторыйский принимал активное участие в разработке польской Конституции, над проектом которой он начал работать еще в Вене. В подготовке проекта Конституции он ориентировался на Конституцию 3 мая 1791 г., которая изображалась им как верш совершенства, а возрождение Польши видел «на тех самых началах, которые были положены в основу последних реформ Речи Посполитой» [1, с. 102]. Александр I, положительно оценив проект, 9 мая 1815 г. издал декларацию о будущем устройстве Царства Польско-

го, а 15 ноября обнародовал Конституцию Царства Польского. А.Е. Чарторыйский рассчитывал стать наместником польским, но был назначен императором на пост сенатора-воеводы, а также членом Административного совета [6, с. 112]. В 1823 г. князь ушел в отставку и до 1830 г., удалившись в свое имение Пулавы, не занимался активной политической деятельностью [2, с. 209].

Вновь князь А.Е. Чарторыйский появился на политической арене во время Польского восстания 1830–1831 гг. Проводимая российским правительством политика в Царстве Польском, направленная на ограничение конституционных свобод поляков, вызвала возмущение поляков, выразившееся в деятельности легальной сеймовой и нелегальной армейской и студенческой оппозиции [5]. Популярный в стране, князь А.Е. Чарторыйский был избран председателем национального повстанческого правительства Польши. Он начал активную дипломатическую деятельность, рассчитывая на нейтралитет Пруссии, благосклонность Австрии и интервенцию западных государств. Но князь А.Е. Чарторыйский и его соратники (дворяне, аристократы) преследовали только национальные задачи – восстановление государственности Польши, игнорируя задачи социальные, что и обрекло восстание на гибель [3, с. 77].

Понимая, что восстание было обречено, а его последствия будут пагубными для судьбы Польши, Чарторыйский был готов идти на компромисс с Россией. Однако под давлением сейма, 25 января 1831 г. он был вынужден подписать акт о детронизации Романовых в Царстве Польском, но заявил членам сейма, что этим актом они «погубили Польшу» [2, с. 212]. Восстание было подавлено, Царство Польское потеряло былые права автономии, а А.Е.Чарторыйский был лишен императором Николаем I княжеского достоинства Российской империи [3, с. 118].

После восстания 1830 г. А.Е. Чарторыйский уехал в Париж. Круг людей, образовавший вокруг него во французской столице, положил начало польским культурно-просветительским, благотворительным, политическим и другим организациям в эмиграции, центром которых стал отель «Ламбер» [2, с. 214].

Таким образом, роль Адама Ежи Чарторыйского в решении польского неоспорима. Его проекты явились основной базой для последующей выработки решений относительно восстановления Польского государства. Принимая во внимание значение его действий на последующее развитие событий, можно говорить, что князь А.Е. Чарторыйский был одним из выдающихся теоретиков польского вопроса XIX века.

Библиографический список

1. Беседы и частная переписка между императором Александром I и кн. Адамом Чарторыйским / Оупбл. кн. Ладиславом Чарторыйским (1801–1823); Пер. с фр. С. Явленской; [Предисл. Ш. де Мазад]. М.: Сфинкс, 1912.

2. Григораш И. В. Адам Ежи Чарторыйский (1770-1861) // Новая и новейшая история. 2002. №3. С. 205-218.

3. Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1815 – 1881). СПб, 1907.

4. Луферчик Е.Г. Решение польского вопроса на Венском конгрессе // Мир в новое время: сб. материалов XII всероссийской науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых по проблемам истории международных отношений XVI-XX вв., С.-Петербург, 9 февраля 2010 г. / С.-Петерб. гос. ун-т; редкол.: А.Н. Власов [и др.]. СПб.: СПбГУ, 2009. С. 24-27.

5. Маринин М.О. Внешняя политика российской империи в условиях европейского кризиса 1830-31 гг. [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: М., 2013.

6. Чарторыйский, А. Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I / Пер. с фр. А. Дмитриевой: В 2 т. Т. I / А. Чарторыйский. М., 1913.

В.Ю. Рябова

Самарский национальный исследовательский университет

ОБРАЗ РУССКОГО ЭМИГРАНТА «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ» В МЕМУАРАХ ПИСАТЕЛЕЙ И ПУБЛИЦИСТОВ

Исследование такого явления, как эмиграция, является актуальным для любого государства во все времена. Причины эмиграции обуславливаются целым комплексом факторов и напрямую связаны с политикой государства. Русская эмиграция «первой волны» является самой многочисленной и представляет особый интерес для исследователей. Многие эксперты сходятся в мнении о том, что труды эмигрантов «первой волны» представляют особую ценность для культурного наследия России.

Однако первые немногочисленные работы, посвященные становлению и деятельности эмиграции носили преимущественно «обличительно-пропагандистский» характер. Авторы этих работ: В. Белов, А. Киржениц, И. Лунченков, А. Бобрищев-Пушкин, Н. Кичкасов и др. стремились продемонстрировать исключительно негативную роль эмигрантов в годы Гражданской войны, их антисоветскую деятельность.

В 50-60-х годах основную массу публикаций составляли не научные исследования, а работы, основанные на личных воспоминаниях бывших эмигрантов, возвратившихся в СССР после Второй Мировой войны. [1, 2, 3].

Весь цвет русской литературы, отозвавшийся на страшные события революционного переворота и гражданской войны, запечатлевший рухнувшую дореволюционную жизнь, оказался в эмиграции и стал духовным оплотом нации. Одна из наиболее известных акций по высылке

интеллигенции вошла в историю под названием «Философский пароход». В непривычных условиях зарубежья русские писатели сохранили не только внутреннюю, но и политическую свободу. Несмотря на тяжелую жизнь эмигранта, они не перестали писать свои прекрасные романы и поэмы.

Расселение представителей русской эмиграции происходило вокруг следующих основных центров: Константинополь, София, Прага, Берлин, Париж, Харбин, Шанхай. Эмигранты уезжали также в Латинскую Америку, Канаду, Польшу, Скандинавию, США. Проблеме изучения «первой волны» русской эмиграции посвящены труды таких авторов, как М.В. Ковалев, В.А. Митрохин [4, 5].

Одними из самых достоверных и интересных источников «Первой волны» являются мемуары писателей и публицистов того времени. Особый интерес представляют мемуары В.В. Шульгина. Он писал об эмиграции: «Нам могут приписывать все, что угодно, наши враги. Но мы то сами знаем правду. Лучшая часть русской эмиграции болела за русский народ. Ее мечта была свергнуть Советскую власть. В лице Гитлера эмиграция увидела «освободителя» [6].

Бесспорно, одним из наиболее ярких представителей эмигрантов-литераторов «первой волны» является И.А. Бунин. Его рассказы, повесть «Митина любовь» (1925 г.), и автобиографический роман «Жизнь Арсеньева» – которые Бунин начал писать в 1920-х годах, и которые он опубликовал частями в 1930-х и 1950-х годах, были признаны критиками и русскими читателями за рубежом, как свидетельство независимости русской культуры в эмиграции. Его творчество было гораздо более восхвалено в эмиграции, где его рассматривали как старшего из живущих русских писателей – эмигрантов, придерживающихся в литературе традиций Толстого и Чехова. Именно Бунин стал первым русским литератором, получившим премию Нобеля в 1933 году, а 16 февраля 1924 года И.А. Буниным в Париже была произнесена речь, излагающая так называемую миссию эмиграции: «...Да будет нашей миссией не сдаваться ни соблазнам, ни окрикам. Это глубоко важно и вообще для несправедного времени сего, и для будущих праведных путей самой же России» [7].

Таким образом, несмотря на сохранение первой волной эмиграции всех особенностей русского дореволюционного общества, положение беженцев было трагическим. В прошлом у них была потеря семьи, родины, социального статуса, рухнувший в небытие уклад, в настоящем – жестокая необходимость вживаться в чуждую действительность. Надежда на скорое возвращение не оправдалась, к середине 1920-х стало очевидно, что России не вернуть и в Россию не вернуться. Боль ностальгии сопровождалась необходимостью тяжелого физического труда, бытовой неустроенностью; большинство эмигрантов вынуждено было завербо-

ваться на заводы «Рено» или, что считалось более привилегированным, освоить профессию таксиста. Если верить мемуарам самих эмигрантов, русская эмиграция, с одной стороны, представляла собой обособленное явление, связанное общими традициями, ценностями, а с другой, делилась на две группы: тех, кто «болел душой» за русский народ и, в конечном итоге, «раскаялся» и принял советскую власть, и теми, кто до конца жизни остался ее ярким противником.

Библиографический справочник

1. Шульгин В.В. Письма к русским эмигрантам. М., 1961.
2. Любимов Л.Д. На чужбине. Ташкент, 1965.
3. Мейснер Д.И. Исповедь старого эмигранта. М., 1963, Миражи и действительность. Записки эмигранта. М, 1966.
4. Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге 1920-1940гг. Саратов, 2012.
5. Митрохин В.В. Русское зарубежье: поиск идей и политическая практика 20-30 гг. XX века. Саратов, 2001.
6. Шульгин В.В. Письма к русским эмигрантам. М., Соцэкгиз, 1961. 95 с.
7. Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы, под редакцией Милицы Грин. Франкфурт-на-Майне, 1977-1982.

А.В. Федорова

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД: ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Одно из самых ценных достояний любой страны – историческое и культурное наследие. Оно разнообразно и требует бережного отношения и постоянной заботы. При этом оно должно быть открыто и доступно людям. Проблема сохранения историко-культурного наследия в современных условиях приобрела особую актуальность. Во многих странах существуют организации по охране культурно-исторического наследия.

Показательным примером деятельности в сфере охраны исторического и культурного наследия является Национальный фонд объектов исторического интереса и природной красоты (National Trust for Places of Historic Interest or Natural Beauty), обычно именуемый просто Национальный фонд (National Trust) – британская некоммерческая и негосударственная организация, основанная в 1895 году для охраны «берегов, сельской местности и зданий Англии, Уэльса и Северной Ирландии» [1].

Время было выбрано правильное, сначала незаметно, но постепенно нарастая, шел процесс разорения крупных земельных владений, сильно подорванных вскоре во время Первой мировой войны и окончательно «добитых» после Второй мировой.

Организованный в результате частной инициативы, ныне Национальный фонд является ведущей силой, занимающейся охраной природного и культурного наследия Британских островов. Под его защитой находятся 565 тысяч акров (2286,5 квадратных километра) сельских ландшафтов, более 500 миль (около 805 километров) ненарушенного побережья; 300 исторических зданий и садов, открытых для посещения. Организация насчитывает более 4 миллионов членов, координируемых 16 региональными и 3 ведущими бюро, в том числе в Лондоне. Его миссия – «сохранение особенных мест навсегда и для всех» («We protect and open to the public – for ever, for everyone») [2].

Политика Национального фонда определяется советом, половина членов которого – выборные, а половина – назначаемые заинтересованными организациями по направлению центральных и региональных бюро.

Первый Акт Национального фонда, прошедший через парламент в 1907 году, торжественно гласит, что «Организация Национальной опеки создана в целях содействия постоянному сбережению ради блага нации земель и арендуемых владений, в том числе зданий, обладающих природной красотой или исторической ценностью, сохраняя насколько это возможно и целесообразно, естественные черты владения, растений, животных, обитающих на этих землях» [3, с. 3]. Этот Акт дал Национальному фонду право неотчуждаемости владения, то есть невозможности продажи их без согласия парламента, что является одним из базовых принципов организации.

Идеей сохранения наследия и ее воплощением Национальным фондом обязана личной инициативе трех ее основателей. Их союз оказался счастливым и плодотворным, сформировавшим Национальный фонд практически в том организационном виде, каком существует ныне [4, с. 18].

Вдохновителем организации явилась мисс Октавия Хилл (Octavia Hill) (1838-1912), вся жизнь которой посвящена реформе землепользования. Мисс Хилл соединяла в себе качества талантливой провидицы и «приземленного» практика. Никто лучше ее в то время не осознавал всей опасности, угрожавшей жизни городов и сел от распространяющейся индустриализации. Октавия Хилл в совершенстве владела искусством обращения людей в свою бескорыстную веру, могла привлекать деньги на дело охраны наследия, обращаясь одновременно к щедрости и к совести людей. Наряду с сэром Робертом Хантером и сэром Хардвиком Ронсли, Октавия взяла на себя миссию спасителя в сохранении старинных зда-

ний, которые находились под угрозой сноса, образовав Национальный фонд [1]. Октавия Хилл сыграла важную роль в сохранении дома в деревне Алфривтон в Восточном Сассексе (Alfriston Clergy House in East Sussex). Это был первый дом, который приобрел Национальный фонд. Его стоимость составляла 10 фунтов стерлингов, он был соломенный и наполовину бревенчатый. Здание датировалось 1350 годом постройки и использовалось священником церкви, находящейся неподалеку.

Сэр Роберт Хантер (Robert Hunter) (1844-1913), к которому первоначально обратилась Октавия Хилл за советом, был человеком с большим опытом работы и в государственных, и в общественных благотворительных организациях. Именно он позднее разработал учредительные документы, правовую основу Национальный фонд в форме, наиболее подходящей для охраны наследия.

Опора Национального фонда — его члены, сотрудники и добровольные помощники. Деятельность организации не ограничивается только членскими взносами, подписками, дарениями и другим. В дело сохранения памятников природы, истории и культуры многие вкладывают свой труд, идущий от самого сердца.

Британцам свойственна ностальгия по прошлому, обычаи и традиции для них крайне важны. Для британцев такие понятия как «история» и «традиция» подразумевают, что нечто прошло достойную проверку временем, и поэтому его непременно следует сохранить [5, с. 3].

Библиографический список

1. National Trust for Places of Historic Interest or Natural Beauty. Official Website [Electronic Resource]. URL: <http://www.nationaltrust.org.uk/> (Retrieved: 29.10.2015).
2. National trust / About us. Official website[Electronic Resource]. URL: <http://www.nationaltrust.org.uk/about-us/> (Retrieved: 11.09.2015)
3. The National Trust Acts 1907-1971. The National Trust Act 1907, 1988.
4. Мнацаканян Р.А., Мурашкина С.И. Опыт организации «Нэшнл Траст» в охране природного и культурного наследия Великобритании//Охрана наследия за рубежом: опыт прошлого и современные проблемы (Сб. ст.) / Отв.ред. Р.А.Мнацаканян. М., Изд. РНИИ культурного и природного наследия, 1994.
5. Майол Э., Милстед Д. Эти странные англичане = The Xenophobic Guide to the English. М., Эгмонт Россия Лтд, 2001.

**«ПЛАН ЗАКРЫВАЮЩЕЙСЯ ДВЕРИ» АЛЬФРЕДА ФОН ШЛИФФЕНА –
«УТЕРЯННАЯ ПОБЕДА» ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ**

Фигуру генерал-фельдмаршала, графа А. фон Шлиффена без преувеличения можно назвать легендарной. В истории военной мысли XX века он оставил весьма заметный след. Его военно-теоретические идиомы плана «превентивной войны» 1905 года являлись опорой немецкой военной науки накануне Первой Мировой войны (1914 – 1918).

Однако в отечественной и зарубежной военной историографии нет единого мнения по поводу эффективности и целесообразности плана войны, созданного А. фон Шлиффеном. Первая группа военных историков (К. Юстров, В. Ф. Новицкий, А. М. Зайончковский, А. Л. Сидоров, Н. Стоун) выражает мнение о том, что план Шлиффена не мог дать возможность Германской империи выиграть Первую Мировую войну, так как содержал в себе «недооценку Германским Генеральным штабом вооруженных сил Российской империи и Франции в предстоящем противостоянии и неправильное понимание современной войны – как «тотального противостояния», а не как «военной кампании одного удара».

Вторая группа исследователей (В. А. Меликов, В. Герлиц, Б. Такман, М. В. Оськин, М. Хейстингс) утверждают, что план Шлиффена являлся единственно верным средством и воспользовавшись им, Германская империя могла добиться победы в Первой Мировой войне, но данный план был отвергнут руководством Германского Генерального штаба, что привело Германскую империю к «позиционной войне» в 1914 году, к которой она не была готова, и таким образом, к полному ее краху.

Следовательно, встает вопрос: что есть на самом деле план Шлиффена – это гениальный военный проект, даровавший победу Германской имперской армии над вооруженными силами Антанты, или «военная утопия», которая являлась тупиком в развитии Германской военной мысли накануне Первой Мировой войны?

Автор на основе анализа материалов теоретических разработок А. фон Шлиффена и их обоснованности со стороны руководства Германского Генерального штаба, хотел бы представить свою точку зрения на данный вопрос.

Развенчивая миф о «недооценке Германским Генеральным штабом вооруженных сил России и Франции», А. фон Шлиффен учитывал, согласно «Памятной записке от 1905 года», при выполнении военных операций как на Западе, так и на Востоке, следующие условия:

1) Возможность Франции и России быстрее провести мобилизацию собственных вооруженных сил, чем Германия; [2, с. 221].

2) При возможной высадке английского экспедиционного корпуса в районе Кале, Германской армия должна будет оказать противодействие союзным англо – французским силам; [2, с. 221].

3) Не рассчитывать на успех вспомогательных действий союзных войск (Италии и Австро-Венгрии) в ходе военной кампании; [2, с. 222].

4) Вследствие неудачи наступления германских вооруженных сил на юге Франции, южная группировка войск должна втянуть французские войска в кровопролитные оборонительные бои по линии сосредоточения левобережье р. Саар – Страсбург, при условии временной сдачи противнику территорий Эльзаса и Лотарингии, до разгрома главными силами – северной и средней группировками войск англо–французских соединений по направлениям Брюссель – Намюр, р. Маас –Мезьер; [2, с. 224].

5) При условии прорыва линии обороны русскими силами на Востоке, восточная группировка войск должна будет втянуть русские войска в кровопролитные оборонительные бои по линии сосредоточения Данциг – Торн – Познань, при условии временной сдачи территории Восточной Пруссии, до переброски главных сил с Западного фронта после разгрома Франции. Данная переброска сил должна начаться через 5 недель от начала кампании на Западе. Согласно плану А. фон Шлиффена, в план не входила идея вторжения на территорию центральной части России и захват ее столиц – г. Санкт-Петербурга и г. Москвы. [2, с. 225].

Согласно руководству Германского Генерального штаба, разгром регулярных сухопутных сил Российской империи вынудит российского императора заключить мирное соглашение с кайзером – так как германские вооруженные силы будут готовы снова совершить «финальный бросок на Восток», а Генеральный штаб Российской империи не сможет во время провести мобилизацию новых армейских соединений, из-за фактора довольно большой протяженности страны.[2, с. 225].

Окончательный удар Шлиффен соединял с обходом Парижа, отеснив в восточном направлении французов и англичан к крепостям на р. Мозель, ближе к границе Швейцарии, где войска противника будут окончательно уничтожены, как бы повторяя «действие закрывающейся двери». Весь ход войны, как на Западе, так и на Востоке должен продлиться в течение 56 дней [2, с. 225].

Но как отмечает В. Герлиц, данный план противоречил национальной военной доктрине, которая господствовала в Германской военной элите в начале XX века – «незыблемость территории священного Второго Рейха», подвергнув критике А. фон Шлиффена на счет «возможных

рисков» войны на два фронта — оставления территорий Эльзы и Лотарингии на Западе, и Восточной Пруссии на Востоке [1, с. 171].

Согласно словам генерала фон Бернарди «территория и границы Второго Рейха священны и незыблемы. Не один сапог вражеского солдата не должен вступить на немецкую землю. Германия должна использовать только 2 вида действий на войне — это наступление и натиск» [1, с. 172]. Не найдя поддержки собственного плана среди офицеров Германского Генерального штаба, А. фон Шлиффен был отправлен в отставку 1 января 1906 года.

Таким образом, автор работы пришел к мнению о том, что план войны от 1905 года, являлся отличным военным проектом, который мог даровать победу Германской империи над Антантой, но в силу неугодности замыслов Шлиффена перед преобладающим германским национализмом, царивший среди офицеров Германского Генерального штаба, превратили план Шлиффена в «утерянную победу» Германской империи.

Библиографический список

1. Görlitz W. The German Generalstaff. Its history and structure (1657–1945)., New York: Hollis & Carter, 1953. 510 p.
2. Schliffen A. V. Krieg gegen. Frankreich. Denkschrift von 1905 // Justrow K. Feldherr und Kriegstechnik., Oldenburg: Gerhard Stalling, 1933.329 p.

Д.С. Парфирьев

Московский государственный университет

СССР И СОТРУДНИЧЕСТВО ЛИТВЫ С УКРАИНСКИМИ НАЦИОНАЛИСТАМИ (1920-Е – 1930-Е ГГ.)

Конфронтация между Литвой и Польшей продолжалась почти весь межвоенный период. Литовские власти не могли смириться с утратой Вильнюсского региона, в 1920 году занятого поляками, и в одностороннем порядке разорвали дипломатические отношения с южным соседом. С тех пор возврат утерянных земель стал не только целью внешнеполитического курса прибалтийского государства, но едва ли не смыслом всего его существования.

О связях литовцев с украинской эмиграцией в Москве знали еще в 1920-х годах, когда военно-политические круги Литвы готовились организовать на окраинах Польши восстание «порабощенных народов» — белорусов, украинцев, литовцев и немцев. В эти планы пытались вовлечь и СССР, но в Москве сомнительную инициативу встретили про-

хладно [1, р. 146-147]. Между тем, отслеживать ход развития сотрудничества между украинцами и Литвой советскому руководству не составляло труда: до 1927 года роль главного партнера Каунаса в украинской эмигрантской среде играло правительство в изгнании Западно-Украинской народной республики (ЗУНР) во главе с Е. Петрушевичем, который был агентом влияния СССР [2, р. 593].

К 1928 году расстановка сил в лагере украинских союзников Литвы изменилась: ЗУНР потеряла свое влияние на Каунас, и ее нишу полностью заняла Украинская войсковая организация (УВО) во главе с Е. Коновальцем. В начале 1929 года на базе УВО была создана Организация украинских националистов (ОУН). В отношении СССР ОУН сразу избрала довольно жесткую риторику: националисты обвиняли советские власти в репрессиях украинской интеллигенции, в развязывании искусственного голода в УССР. Оуновцы организовывали антисоветские демонстрации во Львове, а в 1930 году даже планировали теракт против полпредства СССР в Варшаве (польская полиция вовремя предотвратила задуманное) [3, с. 111-114]. В сложившейся ситуации руководство СССР, осведомленное о контактах ОУН с Литвой, интересовало, какую позицию в этой связи занимают литовцы. Осенью 1932 года в украинские эмигрантские круги Каунаса сумел внедриться советский агент по фамилии Герман. Он стал выяснять, направлена ли деятельность ОУН в Литве только против Польши, или также против СССР, и его заверили, что деятельность организации в Литве носит исключительно антипольский характер. Вскоре выяснилось, что Герман связан с советским посольством в Каунасе, а разрешения на его пребывание в стране добивался лично советский полпред. После разоблачения Герман немедленно покинул Литву [4, к. 114].

В пропаганде литовско-украинской дружбы как литовцы, так и их украинские союзники, избегали даже малейших антисоветских выпадов. На манифестациях в Каунасе украинцы высказывали претензии только на земли Восточной Галиции, входившей в состав Польши, не говоря ни слова о Советской Украине [5, л. 5]. Газеты, призывая к освобождению Вильнюса, сравнивали его по значению для украинцев не с Киевом, а с Львовом [6, с. 201]. Так продолжалось чуть больше четырех лет. В конце 1933 – начале 1934 года ОУН, протестуя против «голодомора» в УССР, усилила свою антисоветскую деятельность, причем не только в сфере пропаганды. По Западной Украине прокатился ряд антисоветских боевых акций, самыми громкими из которых были убийство боевиком ОУН сотрудника советского консульства во Львове и взрыв в помещении редакции просоветской газеты [3, с. 258; 268]. Власти Литвы – несомненно, под влиянием советской стороны – отреагировали на произошедшее: в 1934 году в Каунасе перестали печатать украинское националистическое издание.

тическое издание «Сурма» и «Ведомости Литовско-украинского общества» (ЛУО). Свернута была и деятельность самого ЛУО — именно посредством этой организации ОУН получала пропагандистскую поддержку в Литве. Впрочем, полного разрыва связей между литовскими правящими кругами и ОУН не произошло — еще несколько лет литовцы продолжали снабжать украинских националистов паспортами и визами, а также помогать финансово. В Москве об этом знали — известный разведчик П. Судоплатов, в середине 1930-х годов внедрившийся в ОУН в качестве агента, сам пользовался литовским паспортом [7, с. 36; 42]. Примечательно также, что некоторые представители политической элиты Литвы, прежде взаимодействовавшие с УВО-ОУН, после 1934 года охотно сотрудничали с советскими учреждениями. Так, вчерашние лидеры ЛУО М. Биржишка и В. Креве-Мицкявичюс, еще в 1928 году лично встречавшиеся с Е. Коновальцем, позднее состояли во Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей (ВОКС) и в Обществе изучения культуры народов СССР в Каунасе [7, л. 10; 12]. Видимо, деятельность этих людей в прежние годы советской стороне не претила.

На протяжении всего периода взаимодействия между правящими кругами Литвы и УВО-ОУН Москва не пыталась влиять на процесс и лишь иногда зондировала обстановку в этом направлении. В советском руководстве были уверены (и не ошибались), что литовско-оуновское сотрудничество носит чисто антипольский характер. Поэтому на общий ход развития отношений между СССР и Литвой того периода связи последней с УВО-ОУН не влияли. По-видимому, единственный раз советская сторона вмешалась в ситуацию в 1934 году, заставив Литву прекратить пропагандистскую поддержку ОУН, поскольку та угрожала перерастать из антипольской плоскости в антисоветскую.

Библиографический список

1. Butkus Z. Attitudes of the Soviet Union and Germany towards the Question of Vilnius between the World Wars // Lithuanian Historical Studies. 2000. № 5.
2. Magocsi P.R. A History of Ukraine. Toronto, 1996.
3. Мірчук П. Нарисісторії ОУН. 1920–1939 роки. К., 2007.
4. Archiwum Akt Nowych (AAN). Ministerstwo Spraw Wewnkrtrznich (MSW). Sygn. 1040.
5. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 308к. Оп. 19. Д. 31. Л. 3.
6. Jossowski P. Po tejitamtejstronie Niemna. Stosunkipolsko-litewskie 1883–1939. Warszawa, 1985.
7. Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 2005.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5283. Оп. 5. Д. 653.

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ВЬЕТНАМА И КАМПУЧИИ В КОНЦЕ 1970-Х – НАЧАЛЕ 1980-Х ГОДОВ

Целью данной работы является исследования советской политики по отношению к Вьетнаму и Кампучии в конце 1970-х – начале 1980-х годов. Это важно не только в рамках изучения истории внешних сношений СССР, но и раскрытия роли Советского Союза в разрешении различных конфликтов в странах «третьего мира». Для этого используются документы из Российского Государственного Архива Новейшей Истории России (РГАНИ) и Государственного Архива Российской Федерации (ГА РФ), а также воспоминания дипломатов.

Советское правительство поддерживало освободительное движение в Индокитае на протяжении 30 лет. В середине семидесятых годов местные коммунисты одновременно пришли к власти, что не забывало этот регион от межнациональных противоречий. «Красные кхмеры», пришедшие к власти в Камбодже, переименованной ими в Демократическую Кампучию, боялись потерять независимость. Это привело их к сотрудничеству с Китаем, тогда как Вьетнам сблизился с СССР, вступив в СЭВ в 1978 году [1, с. 436]. В конце этого же года серия пограничных конфликтов привела к вторжению вьетнамской армии на территорию Кампучии. Хотя уже к началу января 1979 года большая часть страны оказалась под контролем вьетнамских войск, часть «красных кхмеров» во главе с Пол Потом продолжала борьбу на протяжении 1980-х годов [2, с. 365; 376].

Ханой не сообщил Москве о начале этого конфликта. Несмотря на ожидание вьетнамских властей советской помощи, в данный момент это не было выгодно советской стороне. По воспоминаниям посла СССР в США А.Ф. Добрынина, оккупация вьетнамскими войсками территории Кампучии мешала советско-американским переговорам по ОСВ-2. Также с критикой советской и вьетнамской внешней политики выступил Дэн Сяопин, который в это время прибыл в США с официальным визитом [3, с. 435; 438]. Договор об ограничении стратегических вооружений был все-таки подписан, но, несмотря на достигнутые договоренности, период «разрядки» закончился. Одной из причин этого был кампучийский кризис. Данная ситуация вскрыла противоречия не только между СССР и США, но и между Советским Союзом и Китаем.

Кампучийско-вьетнамские столкновения сразу привлекли внимание. Уже на 67-ом пленарном заседании XXXIV сессии Генеральной ассамблеи ООН, было проведено обсуждение положения в Кампучии с призывом «немедленного вывода всех иностранных сил» [4]. Статьи в западной

прессе с анализом советско-китайских и вытекающих из них кампучийско-вьетнамских противоречий рассматривались в отделе пропаганды ЦК КПСС еще в 1978 году [5, л. 44]. Впоследствии, в страноведческих справках МИДа одним из пунктов была позиция той или иной страны по Кампучии [6, л. 16; 35; 162; 208].

Советский Союз оказывал дипломатическую и идеологическую поддержку Социалистической Республики Вьетнам (СРВ). Во время 30-дневной вьетнамо-китайской войны, вызванной событиями в Кампучии, СССР оказывал помощь СРВ по договору о дружбе от 3 ноября 1978 года. В первую очередь организовывалась воздушная переброска частей вьетнамской армии силами советской авиации. В мемуарах А.М. Александров-Агента написано о том, что члены Политбюро без колебаний проголосовали об усилении группировки советских войск на Дальнем Востоке [7, с. 167]. Также эта война ускорила подписание договора о создании советской базы в бухте Камрань.

Важно учитывать, что СССР оказывала помощь СРВ и Народной Республике Кампучия (НРК), провьетнамскому режиму, в различных сферах. Так, в июне 1980 года кампучийской делегации была оказана материальная помощь для печатного органа Единого фронта национального спасения Кампучии газеты «Кампучия» в размере 10,5 тысяч рублей [8, л. 149]. Вместе с этим, происходила интеграция НРК в социалистическую систему. Например, кампучийская делегация принимала участие в совещании руководителей государственных ведомств по делам религий с 11 по 14 августа в 1980 году [9, л. 33].

Итак, во время нового витка «холодной войны» политика Советского Союза в отношении этих двух стран происходила в рамках интеграции их в сообщество социалистических стран и оказании всесторонней поддержки. Развитие взаимоотношения в различных сферах помогало преодолеть разрушения, вызванное долгими военными конфликтами. Важно и то, что сотрудничество продолжилось и после распада СССР в начале 1990-х годов.

Библиографический список

1. Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945 – 1985). Новое прочтение. М., 1995
2. Мосяков Д.В. История Камбоджи. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2010
3. Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962 – 1986). М., 1996
4. Архив сессий ГА ООН: <http://www.un.org/ru/ga/sessions/>
5. РГАНИ. Ф.5. Оп. 75. Д.330.
6. ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 145. Д. 3970.
7. Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. М., 1994.
8. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 144.
9. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д.142.

ПОЛЕТ «СОЮЗ-АППОЛОН» – ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СОРОК ЛЕТ

«Человечество приобретает всемирный океан, дарованный ему как бы нарочно для того, чтобы связать людей в одно целое, в одну семью...»
Циолковский К.Э.

События, связанные с подготовкой и реализацией программы «Экспериментальный полет Аполлон Союз (ЭПАС)» охватывает период 1967 – 1975 гг. Целый ряд документов по ЭПАС до сих пор остаются недоступными не только для широкой общественности, но и для историков и специалистов в космической области. 1975 год считается пиком короткого периода, получившего название периода разрядки международной напряженности, а сама программа явилась символом разрядки.

В силу того, что ЭПАС стал важным событием в новейшей истории, его современный исторический, политологический и культурологический анализ представляются весьма актуальными.

Целью работы является определить место и роль ЭПАС в истории освоения космоса и истории советско-американских отношений.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать основные факторы, определившие ход и развитие программы;
2. Определить основные проблемы, связанные с реализацией программы, и пути их решения;
3. Оценить долгосрочные результаты ЭПАС и его влияние на международное сотрудничество в космосе.

Впервые о возможности международного сотрудничества в космосе было заявлено вскоре после запуска первых спутников. 15 марта 1958 года Хрущев высказал свои предложения о сотрудничестве в космосе и внес 7 и 18 ноября того же года проекты советских резолюций на обсуждение XIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Но они были отвергнуты Соединенными Штатами, т.к эти предложения не обеспечивали сколько-либо значительного их влияния в тех международных рабочих органах, которые должны были заниматься этой проблемой.

Подобные шаги на сближение были и с американской стороны, например, выступление президента Д.Кеннеди в ООН 25 сентября 1961 г, посвященное этому вопросу. Но реакция последовала ожидаемая, эта речь была объявлена подрывающей «первенство и приоритет» США, бюджет НАСА был сокращен на 600 миллионов долларов, палата представителей приняла постановление, запрещающее использовать хотя бы один цент для организации лунной экспедиции в сотрудничестве со странами коммунистического лагеря.

ЭПАС не мог появиться во времена «холодной войны», хотя слов о сотрудничестве и в те годы произносилось немало. Как писал английский еженедельник «Нью сайентист» в марте 1965 года: «Конструкторам и инженерам, работающим над проектом «Аполлон, идея полета на Луну в этом десятилетии на космическом корабле, сконструированном совместно Россией и Америкой, всегда казалась карикатурной». До 1970 года освоение космоса велось изолированно двумя странами США и СССР, для которых получение превосходства в этой борьбе было решающим фактором. Но что же изменилось, а главное почему? Можно выделить следующий комплекс причин и предпосылок, определивших возможность реализации программы ЭПАС:

1) Экономические. Сокращение общего бюджета НАСА и Советской космической программы, да и в целом эта интеграция позволила бы уменьшить расходы на космическую отрасль обеих стран при большей эффективности исследований;

2) Политические. Политика разрядки создавала благоприятные условия для обоюдогодного сотрудничества в космосе, которое, в свою очередь, имело огромное политическое значение, являясь символом разрядки;

3) Научно-технические. Сотрудничество двух ведущих научных школ в освоении космоса должно было обеспечить синергетический эффект.

От первой неформальной встречи сторон в 1970 г. до полета она охватывает период в пять лет.

Техническими директорами экспериментального проекта «Союз–Аполлон» были назначены с советской стороны член-корреспондент АН СССР Константин Давыдович Бушуев и с американской – Глинн Ланни, руководителями полета соответственно – летчик-космонавт СССР Алексей Станиславович Елисеев и Питер Франк.

Экипаж «Союза-19» составляли космонавты Алексей Леонов (командир) и Валерий Кубасов (бортинженер), экипаж «Аполлона» – астронавты Томас Стаффорд (командир), Вэнс Бранд (пилот командного модуля) и Дональд Слейтон (пилот стыковочного модуля). 17 июля корабли состыковались, став прообразом будущей международной космической станции.

Для решения задачи, которые были поставлены в процессе подготовки к полету, были созданы смешанные советско-американские группы ведущих специалистов. Важнейшими из них являлись:

– Лингвистическая проблема взаимодействия людей из разных языковых культур без переводчиков.

– Задача осуществления совместного управления полетом одновременно из двух центров.

– Совместимость систем жизнеобеспечения экипажей из СССР и США при наличии принципиально разных подходов к ним, включая состав атмосферы в кораблях.

— Проблемы обеспечения, во-первых, доступа в космические аппараты извне и, во-вторых, возможности блочного строительства крупных объектов.

Как вспоминает Алексей Леонов, участник того самого экспериментального полета: «Английский язык и в самом деле оказался для нас, советских космонавтов, наиболее трудной частью во всей программе подготовки к полету. Слова никак не хотели лезть в голову. Пришлось часто засиживаться за полночь. Зато какая потом была радость, когда появилась уверенность, и слова вроде бы сами стали складываться в осмысленные фразы! Не буду особенно хвастать своим английским, скажу только, что и американским астронавтам наш русский язык давался не легче. И Стаффорд, и Слейтон, и Бранд приложили немало усилий, прежде чем научились старательно выговаривать русские слова. Зато вся наша пятерка научилась великолепно понимать друг друга на «рустоне», как в шутку стали называть наш смешанный англо-русский язык. «Рустон», образованный из соединения слов «русский» и «Хьюстон», доставил немало хлопот техническому персоналу программы ЭПАС как с советской, так и с американской стороны. Наши переговоры во время совместных тренировок не были в состоянии перевести и самые опытные переводчики...» [1].

Но и техническая часть полета была тем еще испытанием для разработчиков. С этой целью созданы общие стандарты и системы связи, а также протоколы процедур взаимного поиска и сближения кораблей. Также был разработан специальный переходной отсек, в котором космонавты перед переходом в «чужой» корабль проходят процедуру адаптации путем декомпрессии.

Особой проблемой была возможность блочного строительства, без ее решения оставались невозможными как спасение космонавтов, так и создание космических станций. Эта задача была решена советской стороной путем разработки конструкции, производства и многократных испытаний универсального стыковочного узла. Каждый такой стыковочный агрегат может выполнять и активную, и пассивную роль, поэтому они полностью взаимозаменяемы. Данная разработка — одна из немногих, созданных в рамках проекта ЭПАС, базовые элементы которой применяются до сих пор.

15 июля 1975 года запуском кораблей «Союз-19» в СССР и «Аполлон» в США начался первый в истории человечества совместный космический полет представителей разных стран. Во время этого экспериментального полета были выполнены все основные задачи программы: сближение и стыковка кораблей, переходы членов экипажей из корабля в корабль, взаимодействие Центров управления полетом, а также выполнены все запланированные совместные научные эксперименты. Экипаж

«Союза-19» возвратился на Землю 21 июля, экипаж «Аполлона» – 25 июля.

Этот полет внес существенный вклад в разрядку международной напряженности, установлению дружественных связей между народами, накоплению бесценного опыта совместного решения сложных научно-технических, экологических и культурологических проблем современной цивилизации. Это был большой шаг в будущее.

Сорокалетие программы ЭПАС отмечается в условиях, когда отношения между Россией и США достигли наихудшего состояния со времен «холодной войны». Свертывание совместных программ, зеркальное введение санкций, информационное противостояние – это далеко не полный перечень характеристик состояния международных отношений. Однако стабильно продолжается сотрудничество России и США в космической сфере, страны сохраняют крайнюю заинтересованность в его продолжении. Процесс интеграции космических программ, начатый стыковкой Союз – Аполлон в 1975 г., стал необратимым, свидетельством чего является МКС, которая вот уже 17 лет работает на орбите в интересах 15 стран – участников программы.

Библиографический список

1. Голованов Я. К. Правда о программе Apollo. М., 2000; Леонов А.А. Солнечный ветер. М., 1977.
2. Хардести В., Айсман Д. История космического соперничества СССР и США. СПб, 2009.
3. Хозин Г.С. США: космос и политика. М., 1987.
4. Хозин Г.С. Великое противостояние в космосе (СССР-США). М., 2001.

Ю.О. Черноиваненко

Самарский национальный исследовательский университет

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КНР: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Россия и КНР являются ключевыми игроками на мировой арене, во многом формирующими современный международный порядок. В условиях же политического кризиса и экономических санкций для России принципиальное значение приобретает восточноазиатское направление внешней политики и в частности отношения с Китаем. Формы взаимодействия двух стран многочисленны, однако в условиях современных тенденций, а именно глобализации и регионализации, особое место отводится такой форме отношений как приграничное сотрудничество, которое несет в себе колоссальный потенциал и является одним из инстру-

ментов для развития приграничных территорий России и КНР. В ниже изложенном исследовании мы попытались выявить проблемы российско-китайского приграничного сотрудничества, а также определить перспективы взаимодействия государств в данной сфере.

В результате исследования было установлено, что при выстраивании отношений друг с другом Китай и Россия исходят из своих национальных интересов. С российской стороны – это усиление своего веса в Восточной Азии; обеспечение безопасности собственных границ; развитие и модернизация Сибири и Дальнего Востока [1]. Китай же заинтересован в дружественных отношениях с Россией, поскольку, во-первых, совпадающие цели данных государств в АТР выступают гарантом стабильности в регионе; во-вторых, КНР необходим доступ к ресурсам Дальнего Востока, а также к российским технологиям в области атомной энергетики и военной техники; и, в-третьих, Россия – естественный союзник КНР в решении глобальных задач на мировой арене [2].

Вместе с тем, существенным препятствием в развитии приграничного сотрудничества двух стран является недостаточная проработка российского законодательства, так как в России до сих пор отсутствует закон, регулирующий данный вопрос [3, с. 165].

Кроме того, социально-экономическая характеристика российских приграничных регионов таит в себе ряд преград, препятствующих развитию приграничного сотрудничества Китая и России. Это выражается в малонаселенности российских приграничных территорий, неразвитости экономики, неблагоприятном инвестиционном климате, а также слабо развитой инфраструктуре [4]. Однако некоторые из этих проблем можно решить именно за счет взаимодействия с Китаем, например путем реализации инфраструктурных проектов и привлечения китайских мигрантов для работы в сельском хозяйстве и строительстве (именно в этих сферах стабильно наблюдается нехватка рабочей силы).

В ходе данной работы были рассмотрены основные формы российско-китайского приграничного сотрудничества: торговля, инвестиции и транспорт. Хотя возобновление российско-китайских приграничных связей произошло в 1983 г., до 2000-х гг. это взаимодействие носило крайне хаотичный характер и осуществлялось в незначительных объемах [5, с. 214]. В XXI в. ситуация начала изменяться – значительно возросли объемы приграничной торговли, увеличился приток китайских инвестиций в приграничные регионы, стали осуществляться совместные проекты России и КНР по развитию трансграничной инфраструктуры. Так, например, в настоящее время Китайская Народная Республика является главным торговым партнером субъектов Российской Федерации [6, 7], а в течение последних пяти лет основной приток иностранных инвестиций в данные регионы идет именно из Китая [8,9]. Более того, в 2015 г.

планируется реализация совместных проектов по возведению железно-дорожного и автодорожного мостов, а также канатной дороги через реку Амур [10].

Все выше изложенное говорит нам о колоссальных успехах, достигнутых Россией и Китаем в сфере приграничных связей. Однако в настоящее время доля приграничной торговли во внешнеторговом обороте двух стран составляет только 15% [11, с. 21], а объем китайских накопленных инвестиций в ДФО – 1% [12, с. 240]. Что же касается сотрудничества двух государств, в транспортной сфере, то для достижения совместной цели увеличить российско-китайский товарооборот до 200 млрд долларов к 2020 г. [13], а также получения возможности для России принять участие в проекте «Экономический пояс Великого Шелкового пути» [14], необходимо усилить взаимодействие на данном направлении.

Однако, несмотря на данные факты, прогноз по дальнейшему развитию российско-китайского приграничного сотрудничества положительный, чему есть ряд причин. Во-первых, обе стороны осознают значимость приграничного взаимодействия для развития собственных территорий, о чем свидетельствуют Программа – 2018, а также «План российско-китайского инвестиционного сотрудничества». Во-вторых, в настоящее время Российское Правительство ведет работу по совершенствованию отечественного законодательства с целью создания благоприятных для бизнеса условий на Дальнем Востоке. В-третьих, сейчас между китайской и российской сторонами уже ведутся переговоры по подписанию соглашений о строительстве новых инфраструктурных объектов. Все это позволяет нам сделать вывод о том, что в ближайшее время приграничное сотрудничество России и КНР продолжит интенсивно развиваться.

Библиографический список

1. Российский совет по международным делам, Российский центр исследований АТЭС. Интересы России в Азиатско-Тихоокеанском регионе: безопасность и развитие. // Итоги первого Азиатско-Тихоокеанского форума. 2012. №1.
2. Голобоков А.С. Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая. URL: http://www.ojkum.ru/arc/lib/2010_03_12.pdf (Дата обращения 15.03.2014).
3. Вагин В.Д. Правовые основы приграничного сотрудничества в Российской Федерации // Труды Псковского политехнического института. URL: http://pskgu.ru/projects/pgu/storage/wt/wt142/wt142_12.pdf (Дата обращения 26.05.2015).
4. Федеральная служба государственной статистики URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14s/Main.htm (Дата обращения 06.05.2015).
5. Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI века). М.: Восток – Запад, 2005.
6. Дальневосточное таможенное управление федеральной таможенной службы URL: <http://dvtu.customs.ru/index.php> (Дата обращения 12.05.2015).

7. Сибирское таможенное управление федеральной таможенной службы URL: <http://stu.customs.ru/index.php> (Дата обращения 12.05.2015).

8. Прямые иностранные инвестиции в России: региональный аспект // Национальное рейтинговое агентство. 2013. URL: http://www.ra-national.ru/uploads/rus/files/analytic/file_review/14.pdf (Дата обращения 12.06.2015).

9. Прямые иностранные инвестиции в России: региональный аспект. Итоги 2013 года // Национальное рейтинговое агентство. 2014. URL: http://www.ra-national.ru/uploads/tyrus/files/analytic/file_review/20.pdf (Дата обращения 12.06.2015).

10. Соглашение о совместном строительстве моста через реку Амур (Хэйлунцзян) в районе городов Благовещенск – Хэйхэ (заключено между Правительствами РФ и КНР 26.06.1995). // URL: http://www.mid.ru/bdcomp/spd_md.nsf/0/0810F7ADF311D8BB43257E6800417D37 (Дата обращения 16.06.2015).

11. Петровский В.Е. Проблемы развития российско-китайских торгово-экономических, финансовых и приграничных отношений // Российский совет по международным делам. М.: Спецкнига, 2015.

12. Александрова М.В. Межрегиональное и приграничное сотрудничество России и Китая // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. М. ИД «Форум», 2013. С. 240. – 1%

13. Товарооборот Китая и России к 2020 году может достичь \$200 млрд. // InfraNews. 24.04.2015. URL: <http://infranews.ru/novosti/vazhnoe/41543-tovarooborot-kitaya-i-rossii-k-2020-godu-mozhet-dostich-200-mlrd/> (Дата обращения 15.06.2015).

14. Лукин А.В. Идея «экономического пояса Шелкового пути» и евразийская интеграция // Международная жизнь. 2014. №7. URL: http://igpi.ru/bibl/other_articl/1406820606.html (Дата обращения 13.06.2015).

Д.С. Хохлунова

Самарский национальный исследовательский университет

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ДИАЛОГЕ РОССИИ И ФРГ В ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД

Несмотря на переход мира в постбиполярное состояние, вопрос обеспечения безопасности на европейском континенте стоит намного острее, чем это было в последние десятилетия холодной войны. Сегодня особенно важно отметить, что в ходе глобализации возросло значение и диверсификация понятия «безопасность»: оно усложняется, все больше размываются границы деления безопасности на внутреннюю, внешнюю и общественную.

В настоящее время состояние отношений между Россией и ФРГ не соответствует потребности поиска совместных ответов на актуальные вызовы современности: украинский кризис, активизацию международных террористов ИГИЛ, стремительную миграцию населения из Ближнего Востока и Африки в Европу. Российские эксперты отмечают не-

способность международного сообщества после окончания холодной войны создать новую неделимую систему безопасности с учетом интересов всех сторон [1, с. 11].

Действительно, после ликвидации ОВД и распада Советского Союза в 1991 г. Россия как правопреемница СССР утратила статус сверхдержавы, ее влияние на события в Европе стало минимальным. Германия, восстановив государственную целостность и суверенитет, напротив, переместилась в лагерь победителей благодаря глубокой интеграции в НАТО, ЕС и другие важнейшие международные организации. С точки зрения геополитики изменились параметры безопасности ФРГ, которую окружали теперь исключительно союзники и друзья. Впервые за всю свою историю с военной точки зрения Германия достигла статуса абсолютной безопасности [2].

В 1990-е гг. Берлин активно выступал за включение стран ЦВЕ в эти объединения, чтобы не дать им соскользнуть в нестабильное состояние, создающее угрозы для нее самой. С другой стороны, ФРГ желала воспрепятствовать тому, чтобы Россия при создании новых европейских структур чувствовала себя в изоляции и вновь встала на путь конфронтации [3]. Осознавая невозможность обеспечения безопасности и стабильности в Европе без России, а также нуждаясь в российском рынке и богатейших природных ресурсах, Германия способствовала развитию контактов Россия-ЕС.

Москва взяла курс на демократизацию и ускоренное сближение с ЕС и США, чтобы вписаться в изменяющуюся систему международных отношений на равных позициях с ведущими игроками. В 1994 г. РФ заключила с ЕС Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, однако постепенно российской стороне стало понятно, что Запад не считает Россию равноправным партнером. Практика переноса западных правил и норм на российскую действительность сопровождалась попытками со стороны ФРГ и других стран-членов ЕС вести диалог с Россией с позиции доминирования.

В 1999 г. представители НАТО нарушили устное обещание М.С. Горбачеву о том, что блок «ни на один сантиметр не продвинется на восток» [4]. Германия поддержала данный акт, а также осуществление военной интервенции в Югославию без мандата ООН, поставив тем самым под угрозу национальную безопасность РФ и фактически выдавив ослабевшую Россию на периферию Европы. С этого момента Россия начала выстраивать отношения с европейскими соседями, делая акцент на национальных интересах.

В 2000 г. был запущен процесс евразийской интеграции по отношению к странам СНГ. Постсоветское пространство обозначалось как ключевое направление российской внешней политики, вторым важнейшим направлением продолжало оставаться европейское. Россия не забыла о проекте Большой Европы, а заявила о стремлении сформировать многополярный мир, определила себя как независимый центр силы в нем [5].

Сильный негативный эффект на перспективы построения новой архитектуры европейской безопасности оказывает тесная политическая связь между ФРГ и США. Американцы умело используют НАТО в качестве инструмента контроля над европейскими государствами. Поэтому ни одна детально разработанная концепция построения коллективной безопасности в Европе, а тем более на евразийском пространстве, способная хотя бы в незначительной степени ослабить позиции США, пока что не была реализована.

Украинский кризис 2014 г. продемонстрировали тяжелейший институциональный дефицит в Европе. Ни Совет Россия-НАТО, ни многочисленные европейские организации, ни СБ ООН не смогли сыграть решающую роль в предотвращении, смягчении или урегулировании кризиса. Наибольших успехов в кризисном урегулировании смогла добиться ОБСЕ. Очевидно, что ее рано вычеркивать из списка основных звеньев архитектуры европейской безопасности.

Снижение уровня отношений между Россией и ФРГ до исторического минимума, санкции и ответные меры России нанесли вред обеим сторонам. Тем не менее, дискуссия в Германии вокруг российских инициатив не прекратилась до сих пор. Немецкие аналитики, прежде всего, выделяют энергетическую сферу в качестве одного из главных составляющих возможной договоренности. Диалог продолжается: обе стороны выступают за необходимость установления контактов и обсуждения торгового сотрудничества между ЕС и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС).

Библиографический список

1. Преодоление разногласий в вопросах безопасности в 2015 году. Российская, американская, европейская позиции. № 21/2015 / [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД) / Пер. с англ. М.: Спецкнига, 2015.
2. Павлов Н.В. Роль и место ФРГ в процессах глобализации. Режим доступа: / Н.В. Павлов // MGIMO.ru. 2013. Февраль. URL: <http://www.g10-bal.ru/doc/4994/index.html> (дата обращения 05.11.2015)
3. Тиммерманн Х. Расширение НАТО на Восток – интересы, противоречия, концепция // Создание новой системы европейской безопасности и роль международных организаций: проблемно-тематический сб. / отв. ред. Т. Г. Пархалина. М.: ИНИОН РАН, 1996.
4. Bild-Medienpreis der Einheit für Michail Gorbatschow „Die Deutschen waren nicht aufzuhalten“. 02.04.2009. Режим доступа: <http://www.bild.de/politik/2009/bild-medienpreis/die-deutschen-warennicht-aufzuhalten-7864098.bild.html> (дата обращения 06.11.2015)
5. Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 12.02.2013г. URL: http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/0/6D84DDEDED8BF7DA644257B160051BF7F (дата обращения 29.10.2015)

РОЛЬ ЕС В БОРЬБЕ С ПРИНУДИТЕЛЬНЫМ ТРУДОМ

На сегодняшний день у человечества существуют глобальные проблемы. Глобальные это те виды специфических проблем, которые охватывают ни один регион, а в целом все международное пространство. И, разумеется, такие проблемы в силу и масштабности решаются, также коалиционными усилиями.

В фокусе внимания, такая проблема, как принудительный труд. Эта проблема существует с незапамятных времен и течением разных социальных, экономических и культурных факторов изменялось и трансформировалось, однако решение этой проблемы до сих пор не существует.

Данная проблема будет проиллюстрирована на примере ЕС, необходимо рассмотреть, позицию ЕС по отношению к проблеме принудительного труда, а так же обратить внимание на предлагаемые способы решения данной проблематики, как внутри своего региона, так и за его пределами.

Не смотря на то, что в ЕС существует сильная правовая база, уважение и соблюдение прав человека и прочие ценности, однако проблема принудительного труда не обошла и ЕС стороной. По оценкам Walk Free на территории ЕС проживает порядка 500000 человек находящихся в крайней степени зависимости. Это приблизительно 2% от общего количества подневольных 29,8 миллионов человек [1, с.29].

Ежегодно 10 тысяч болгарских женщин пересекают границу, часть из них попадает в руки злоумышленникам. Около 11% проституток Германии являются болгарками, некоторые из них оказались в этом положении путем обмана. Болгария, Румыния и Молдавия являются основными источниками сексуального трафика в страны ЕС [1].

Уровень жизни граждан ЕС позволяет приобрести даже самому бедному гражданину личного раба. На сегодняшний день, цена человека составляет приблизительно 100\$ этой суммы достаточно, что бы приобрести человека и эксплуатировать его в своих интересах. Откуда происходит угроза человеческого трафика на территорию ЕС? Очевидно, что от ее ближайших соседей Турция, Марокко, Постсоветское пространство, Балканский полуостров, а так же от некоторых членов ЕС Болгария, Румыния, человеческие трафики с этих стран пользуется большим спросом из-за его географического расположения [2].

В ЕС пользуются спросом два вида принудительного труда – сексуальное рабство (преимущественно исходит из Румынии, Болгарии, Молдовы, Украины), а так же домашнее принуждение, в целях бытовых услуг (Турция, Марокко, Алжир) [3].

Исходя из выше сказанного, можно сделать следующие выводы:

- в странах ЕС существуют социальные проблемы, так как там есть спрос на принудительный труд;
- в странах ЕС пользуется популярностью домашнее и сексуальное – преимущественно спрос на принудительный труд существует среди бедных слоев населения ЕС.

Теперь обратимся к некоторым членам ЕС и их методы по борьбе с принудительным трудом, необходимо рассмотреть политику ЕС по отношению третьим странам, где существует проблема принудительного труда.

Стратегия ЕС в отношении Центральной Азии, охватывающая Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, была принята в 2007 году [1]. Она направлена на укрепление участия ЕС в торговле, энергетике, вопросах безопасности, образования, защиты окружающей среды и других стратегических вопросах в странах Центральной Азии, а также на продвижение прав человека и верховенства права. Стратегия также включает механизм регулярных диалогов по правам человека со всеми пятью странами Центральной Азии.

Создание механизма диалогов по правам человека между ЕС и Казахстаном и ЕС и Кыргызстаном предоставляет возможность открытого и откровенного обмена мнениями и обсуждения ситуации с правами человека в этих странах. Однако эффективность влияния этих диалогов по правам человека будет серьезно ограничена до тех пор, пока ЕС не установит систему оценки и временных рамок по конкретным обязательствам, договоренность о которых достигнута обеими сторонами [3].

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, методы, которые использует ЕС для борьбы с принудительным трудом:

- Прописывают строгую правовую базу по мерам ответственности за принудительный труд;
- Финансирование различных исследований, мониторингов и конференций, посвященных принудительному труду;
- Применение санкций по отношению к странам, где существует – Проведения различных митингов против принудительного труда;
- Финансирование дорогостоящих расследований в рамках европола.

Библиографический список

1. Глобальный альянс против принудительного труда; международная конференция труда, 93-я сессия 2005 год.
2. Modern slavery // Телеканал 24 doc и Live Journal. Режиссер: Тина Дэвис и Томас Робсам. Норвегия, 2009.

3. Отчет о проведении регионального семинара для представителей организаций работодателей о стратегиях пресечения торговли людьми и принудительного труда // Международная Организация Труда. Международный центр развития миграционной политики. Федерация работодателей Украины. 2008. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@declaration/documents/meetingdocument/wcms_098450.pdf (Дата обращения 26.04.2015).

А.М.Тихонова

Самарский национальный исследовательский университет

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ С 1991 – ПО 2015 ГГ.

В 90-е годы XX века происходят важные структурные изменения в системе международных отношений. Изменения на мировой арене и становление новой России предопределили развитие активного политического диалога между Москвой и Парижем. Точкой отсчета новых отношений стал договор от 7 февраля 1992 [1, п.3], закрепивший стремления развивать «новые отношения согласия».

Политика Бориса Ельцина и Франсуа Миттерана, а в дальнейшем Жака Ширака, способствовала росту положительной динамики русско-французских отношений. С 1996 начинает свою работу Российско-Французская межправительственная комиссия по вопросам двухстороннего сотрудничества на уровне глав правительств, определяющая стратегию развития отношений в торгово-экономической, научно-технической и других областях. К концу 1990-х наметилось резкое ухудшение отношений, обусловленное двумя главными проблемами – критикой Парижа относительно контртеррористической операции в Чечне и проблемой российских долгов Франции.

Российско-французские отношения получили новый импульс развития благодаря политике, проводимой В.В.Путиным и Ж. Шираком. Ключевым направлением двухстороннего сотрудничества является борьба с терроризмом, международной организованной преступностью. С 2002 г. действует российско-французский Совет сотрудничества по вопросам безопасности. В 2003г. два государства резко высказались против операции США в Ираке [1, п.8].

Расширилось участие гражданских обществ в развитии российско-французских отношений. Активную роль на этом важном направлении играет созданная в 2004г. по инициативе двух президентов Ассоциация «Российско-Французский диалог». Было заключено соглашение об упрощении выдачи виз гражданам Российской Федерацией и Европейского Союза в 2006г [3, п.2]

После выборов президента Н. Саркози произошел поворот во внешней политике Франции в сторону США. Однако оппозиция Франции по вопросам присоединения Грузии и Украины к Плану доступа к членству в НАТО и сохранение стратегического союза говорят о сохранении фундаментальных основ Внешней политики. После южно-кавказского конфликта позиции Франции в вопросах европейской безопасности и отношениях с Россией были конкретизированы. Они были изложены Н. Саркози на конференции по мировой политике в Эвиане в 2008г. и в Мюнхене 2009 г. [2, п.5]. Франция поддержала Россию по созданию нового пакта безопасности и предложила вести переговоры в рамках формата ОБСЕ, но при этом оговорила ряд условий: а именно участие американской стороны в диалоге России и Европы, а так же отказ от политики сфер влияния на постсоветском пространстве. Ближнее зарубежье должно было стать сферой кооперации, а не соперничества.

Несмотря на политические изменения, отношения в сфере культуры остаются на высоком уровне. Важная составляющая экономических и культурных связей – сотрудничество на межрегиональном уровне. Между субъектами России и регионами Франции действуют около 20 договоров о сотрудничестве. Примером активных прямых связей может послужить сотрудничество между Парижем и Москвой, Бордо и Санкт-Петербургом, Орловской областью и регионом Шампань-Арденны и др. В 2010г. во Франции прошел год России, в России – Год Франции. [5, п.4]. В 2014 году в России и Франции были проведены совместные крупные мероприятия, посвященные российско-французскому союзу, в честь 100-летия начала Первой мировой войны.

Политический курс Франсуа Олланда еще больше изменил вектор внешней политики в сторону США. Но общность историко-культурных связей и взглядов, не может не влиять на развитие отношений. Франция является страной, которая ввела минимум экономических санкций в отношении России в связи событиями на Украине в 2014 г.

Нестабильная обстановка в мире привела к ряду терактов. Последние события в Париже заставили пересмотреть Францию свою внешнюю политику [4,п.5]. Франсуа Олланд, предложил создать единую коалицию для борьбы с «Исламским государством» во главе с Россией, Францией и США.

The Washington Times пишет о том, что совместные усилия российских и французских властей против «Исламского государства» за последнее время принесли более весомый результат, чем все предыдущие действия Соединенных Штатов.

Сотрудничество России и Франции всегда являлось и продолжает оставаться одним из постоянных факторов международной жизни, активно воздействующих на решение основных проблем, как в Европе, так и во всем мире.

Библиографический список

- 1.МИД России // Информационные материалы министерства иностранных дел URL: <http://archive.mid.ru//ns-reuro.nsf> (Дата обращения: 12.11.2015)
- 2.France Diplomatie// The Ministry of foreign Affairs URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/en> (Дата обращения: 10.11.2015)
- 3.Консульский департамент МИД России// Нормативная база двухсторонних консульских соглашений. URL: <http://www.kdmid.ru/docs.aspx> (Дата обращения:30.10.2015)
- 4.Посольство Франции в Москве// Дипломатия Франции URL: <http://www.ambafrance-ru.org> (Дата обращения: 5.11.2015)
- 5.Посольство Российской Федерации во Франции // Сотрудничество в области культуры URL: <http://ambassade-de-russie.fr/index.php/>(Дата обращения: 25.10.2015)

СТЕНДОВЫЕ ДОКЛАДЫ

О.А. Александровская

*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет*

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В РАМКАХ РАБОТЫ ВОЛГОГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВООПИК СЕР. 1960 – СЕР. 1980 ГГ.

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВО-ОПИК) было основано в 1966 году. Первоначально общество представляло из себя кружок «Родина», созданный при МГУ, а позднее уже был принят законодательный акт, который давал общественной организации широкие полномочия, в том числе и наравне с Министерством культуры согласовывать проекты застройки городов в исторических частях, разрабатывать списки памятников для постановки на государственную охрану [1, с. 215]. Основное назначение организации – сохранение, возрождение и пропаганда культурного наследия народов СССР, общественный контроль за состоянием и использованием памятников истории и культуры.

Волгоградское отделение ВООПИК приступило к фактической работе с января 1967 года. Работа строилась по различным направлениям, одним из которых было вовлечение молодежи в процесс сохранения исторического наследия и памяти о своем героическом крае. В Волгоградской области особенно благодатно развивалось военно-патриотическое воспитание – история города – это, в первую очередь, история подвига Сталинграда.

Школьники и молодежь города активно включались во все формы работы общества: выявление и постановка на учет памятников, шефская помощь, поисковое движение, агитация и пропаганда знаний о прошлом своей страны, деятельность студенческих строительных отрядов.

В 1968 г. в рамках подготовки и проведения Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы было выявлено и поставлено на учет 60 памятников [2, л. 5]. К 1972 году количество учтенных памятников составляло уже 2085 [5, л. 11] и с каждым годом цифра возрастала. Кроме того, что памятники просто находили, силами молодежи их также приводили в надлежащий вид, что

было особенно важно, учитывая особенности региона- подавляющее большинство памятников представляло из себя обелиски на одиночных и братских захоронениях.

Благодаря работе общества и привлечению к этому школьников и молодежи на новый уровень выходит поисковое движение. Ежегодно на отчетных конференциях выступает представитель от поискового отряда с представлением результатов своей деятельности. Интенсивную работу в рамках этого направления проводил отряд красных следопытов школы № 86, которые искали информацию о защитниках города и устанавливали с ними переписку [7, л. 4]. В 1972 году в области было организовано комсомольско-молодежное объединение «Поиск». Проводится большая работа по связи с родными погибших, с поисками неизвестных имен захороненных, с уходом и шефством за памятниками истории и культуры [3, л. 35].

Многие школы в этот период работают под лозунгом «Бери себе в пример героя» [7, л. 12]. В учебных учреждениях создаются комнаты славы и музеи, посвященные подвигу земляков. Благодаря участию в походах по местам боевой славы, школьники и студенты пополняют информационный фонд для издания Свода памятников [4, л. 11].

Кроме того, молодежь принимает активное участие и во Всесоюзных мероприятиях, конкурсах и соревнованиях: фотоконкурс «Отечество», конкурс любительских фильмов, военно-спортивные игры «Орленок» и «Зарница» [7, л. 15].

Работа с молодежью в рамках Волгоградского отделения ВООПИК в сер. 1960-х- сер. 1980-х гг. строилась логично и последовательно. Школьники, студенты и комсомольский актив включались в систему сохранения и передачи материального и духовного культурного наследия своего края, своей страны. Таким образом, проанализировав и обобщив опыт работы Волгоградского отделения ВООПИК, можно сделать вывод, что многие формы и методы организации работы являются актуальными и на сегодняшний день и с незначительными поправками могут применяться в организации военно-патриотического воспитания с современной молодежью.

Библиографический список

1. Галкова О.В. Российские традиции охраны отечественного культурного наследия. Волгоград, издательство ВГПУ «Перемена», 2011.
2. Годовой отчет о работе Волгоградского областного отделения ВООПИК за 1968 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИ-ВО). Ф. 6911. Оп. 1. Д. 5.
3. Годовой отчет о работе Волгоградского областного отделения ВООПИК за 1972 год. //ЦДНИВО. Ф.6911. Оп. 1. Д. 32.

4. Годовой отчет о работе Волгоградского областного отделения ВООПИК за 1969 г. // ЦДНИВО. Ф. 6911. Оп. 1. Д. 9.
5. Годовой отчет о работе Волгоградского областного Совета ВООПИК за 1971 г. // ЦДНИВО. Ф.6911. Оп.1. Д.23.
6. Годовые планы облсовета и секция на 1985 год. // ЦДНИВО. Ф. 6911. Оп. 1. Д. 134.
7. Протокол 2-й отчетно-выборной конференции ВООПИК от 19 марта 1968 года. // ЦДНИВО. Ф.6911. Оп. 1. Д.1.

О.Н. Гречишникова

*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет*

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ОРНАМЕНТАЛЬНОГО ЭЛЕМЕНТА «РАКОВИНА» В СИСТЕМЕ ДЕКОРА РУССКОЙ ХРАМОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Орнаментальная система убранства древнерусских храмов – сложная разветвленная структура, насчитывающая значительное количество отдельных элементов. В данной статье будет уделено внимание орнаментальному мотиву «раковина».

В данном контексте привлекают внимание закомары Архангельского собора Московского кремля. Трактую символ ракушки, следует упомянуть об охранной функции, ведущей свой путь еще от языческих воззрений [15, с. 43]. Рассматривая раковину в контексте водной тематики, вспоминаются древние восточнославянские обереги. Дома славян от нави, упырей защищали Русалки – берегини. Чаще всего эти изображения находились на наличниках окон, у входа в дом [1]. Возможно, этот отголосок и прослеживается в изображении ракушки на Архангельском соборе.

Орнаментальный мотив раковины получил широкое распространение на Руси. Однако, в этом можно проследить некое противоречие: с подобным декором самая ранняя постройка, которую нам удалось обнаружить, датируется 1505 годом. В это время сакральный смысл орнаментации уже уходил в забвение. К XVI в. городская среда будет знать только христианскую трактовку орнамента [6, с. 12]. К тому же, нельзя говорить о языческой традиции символа, если он появляется лишь в XVI веке.

Вновь встает вопрос об истоках орнаментального мотива. На протяжении веков ракушками богато украшались не только Российские соборы. Раковины, как элемент декора, относятся к античному дизайну. В римской архитектуре, как правило, они располагались в верхней части

ниш со скульптурами на театральных стенах. Греки считали раковины олицетворением Афродиты. Позднее раковина стала непременной принадлежностью декора рококо, барокко, а также присутствовала в декоре Ренессанса[9].

Также декорирование изображениями раковин распространено во Франции. Одно из ранних изображений находится на стене римско-католического храма Святого Иакова в Лангедоке и датируется 1245 годом[9].

В качестве еще одного примера следует привести замок Азе-Ле-Ридо, строившийся в 1510-1528 годах. Симметрия его ансамбля обнаруживает антикизирующее влияние итальянской архитектуры. Раковины украшают люкарны с фронтонами замка [10, с. 86].

Особый интерес представляет парижский собор Сен-Сюльпис 1646 года [10, с. 181]. Он хранит две гигантские кропильницы – натуральные раковины, подаренные Венецианской республикой королю Франциску [12].

Таким образом, относительно Франции можно сказать, что некоторый процент применения раковин в декоре связан с заимствованием черт итальянской архитектуры.

Нельзя упустить из внимания и декор построек Испании. В Саламанке находится дом ракушек, построенный в начале XVI века. Фасад здания усыпан раковинами: по разным данным их количество варьируется от 300 до 4000[5].

В кафедральном соборе Сантьяго-де-Компостела на мраморных сводах располагается ракушка с крестом в виде меча. На выходе из собора у основания храма находится барельеф в форме раковины. Считается, что на этой раковине держится собор, и до тех пор, пока она на месте, традиции почитания апостола Иакова в Галисии ничто не угрожает. В центре площади Пласа-дель-Обрадеро находится раковина. На улице города Орнсе в мостовую также вмонтировано изображение ракушки [11].

Таким образом, можем отметить, что относительно широкое распространение мотив раковины получил в декоре соборов Западной Европы. Причина такого размаха в следующем: в Средние века начала выделяться практика Великого паломничества в Испанский город Сантьяго-де-Компостела [16], в котором хранится величайшая христианская святыня – мощи апостола Иакова [8]. К ним дорога проложена через всю Европу: от границ Франции, через горные перевалы, уютные долины, маленькие сонные деревушки до собора Святого Иакова [16]. Апостол Иаков почитается как небесный покровитель и защитник Испании [8]. Первое паломничество в Компостелу из Франции письменно засвидетельствовано в 950 году [3]. Иаков – покровитель паломников. Его эмблема – ракушка, сегодня является ориентиром для путников [8]. Пилигримы гордились тем, что в своих странствиях достигли океана, поэтому, возвращаясь, увешивали свою одежду раковинами[13].

Западнее Сантьяго-де-Компостела расположена местность Финистерре (от лат. «Finisterra» -конец земли), окончечность континентальной Европы, воспринимаемая священной. Здесь встречаются все четыре природные стихии. Поверхность раковины морского гребешка напоминает огонь – лучи заходящего солнца, возможно, поэтому ракушка стала символом паломничества в Компостелу [3].

Однако все еще требует прояснения широкое распространение этого символа на Руси. Словарь архитектурных терминов говорит о том, что мотив орнамента в виде стилизованной раковины, расположенный в кошниках, заимствован из декора Архангельского собора Кремля [14]. Этот собор построен итальянским архитектором Алевизом Новым. Раковины в закомарах насторожили заказчиков, но зодчий объяснил, что здесь они являются символом Богородицы, родившей Христа как жемчужину. Такой символизм понравился русским архитекторам [4]. Впоследствии этот элемент получил широкое распространение в России [2, с. 482].

Интересно то, что в нашей церкви сохранилась молитва, обращенная Богородице, где ее прямо отождествляют с раковиной://Пространная скиния Слова, / радуйся, Пречистая, / раковина, Божественный Жемчуг произведшая; / радуйся, Всечудная, с Богом примиренная / всех, Тебя, Богородица, / блаженной именующих всегда[7].//

Окончательную ясность могла бы внести информация об этой молитве: существовала ли она до 16 века, или отождествление раковины с Богородицей началось после строительства Архангельского собора. Однако такую информацию обнаружить не удалось.

Во всяком случае, ясно, что раковина, как символ, существовала в Европе с X века, и нашла свое отражение в орнаментальных мотивах соборов. На Руси же ее распространение шло путем копирования декора Архангельского собора, построенного итальянским архитектором, для которого этот символ являлся привычным и родным.

Библиографический список

1. Велесов круг. Славянские обереги // <http://www.velesovkrug.ru/obnovleniya-na-sayte/slavyanskie-yazyicheskie-oberegi.html>
2. Губарева М.В., Низовский А.Ю. Сто великих храмов мира. М., 2000.
3. Ефимов В. А. Путь Сантьяго (CaminodeSantiago): Заметки о паломническом путешествии // <http://www.wholeworld.ru/poslednie-novosti/palomnichestvo-puti-santyago.html>
4. Ефанова В. Н. Закомарные раковины// Самиздат. 2009 // http://samlib.ru/e/efanova_w_n/zakomar_rakoviny.shtml
5. Испания. Саламанка. Дом с ракушками // Христофор // www.christofor.ru/spain/Salamanca/casa_conchas.php
6. Казарина В. Культурные знаки в народной вышивке // Народное творчество. 2007. №4.

7. Канон благодарственный с акафистом Пресвятой Богородице. Православное Богослужение. Переводы Богослужбных книг // <http://azbyka.ru/bogoslužhenie/molitvoslov/molitv10.shtml>

8. Корытко О, Павлушкова Е. Путь Святого Апостола Иакова//2012 // <http://www.pravoslavie.ru/put/54758.htm>

9. Костин М. Дизайн и декор античной классики // http://www.facade-project.ru/spravochniki/gazdel_statej/fasadnyj_dekor_v_stilyah_arhitektury/antichnaya_klassika/

10. Краткая художественная энциклопедия. Искусство стран и народов мира. Москва, 1981.

11. Маликова Ю. Сантьяго-де-Компостела: по пути Святого Иакова// <http://trip-point.ru/2015/07/02/%D1%81%D0%B0%D0%BD%D1%82%D1%8C%D1%8F%D0%B3%D0%BE-%D0%B4%D0%B5-%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B0-%D0%BF%D0%BE-%D0%BF%D1%83%D1%82%D0%B8-%D1%81%D0%B2%D1%8F%D1%82%D0%BE%D0%B3/>

12. Марсель Изи-Шварт (перевод с французского – И. Борисова). Раковины – убийцы // Вокруг света. 1973// <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/4899/>

13. Струйская Л. Раковина св. Якова// <http://www.wholeworld.ru/materials-puteshestviya/rakovina-sv-iaкова.html>

14. Словарь архитектурных терминов // <http://www.vernak.narod.ru/proekts/moscow/terms.html>

15. Фокина Л.В. Орнамент. Москва, 2005.

16. Чернышева Т, Чернышев А. Пальмовая ветвь, ключи и ракушка Святого Иакова // <http://www.bez-granic.ru/index.php/2013-08-04-13-26-15/vse-rubriki-zhurnala/puteshestviya-po-miru/2168-palмовaya-vetv-klyuchi-i-rakushka-svyatogo-iaкова.html>

И.А. Хомицевич

*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет*

К ВОПРОСУ О ТИПАХ РЕДКИХ ПУЛОВ ВОДЯНСКОГО ГОРОДИЩА XIV В.

Водянское городище находится в Волгоградской области у г. Дубовки. Исследования средневекового города, начавшиеся более ста лет назад, продолжают в настоящее время и носят охранный характер. Материалы раскопок, встречаемые на Водянском городище, разнообразны. Это и керамика, кости животных, бусины, остатки сооружений, захоронения людей и многое другое. В данной работе речь пойдет об одной из самых полезных для археолога категории находок – монетах.

В Золотой Орде с середины XIII до конца XV в. существовало биметаллическое монетное дело – чеканились серебряные и медные монеты

[3, с. 12]. Для археологов наибольшую ценность и интерес представляют медные монеты, которые именуются пулами. Эта ценность заключается в том, что они способствуют датировке исследуемого памятника.

Медные монеты чеканились, в основном, большими партиями под именем правящего хана и с изображением различного рода орнамента [3, с. 13]. На Водянском городище чаще всего встречаются пулы с чеканкой пятиконечной и шестиконечной звезды, льва и солнца, двуглавого орла, цветка в форме розетки, сокола. По монетам такого типа можно установить имена ханов, при которых они чеканились, а, следовательно, и год чеканки. Но помимо указанных, распространенных типов монет встречаются и редкие типы.

Прежде чем анализировать данные пулы, стоит определить основной критерий редкости монет. В первую очередь таким критерием выступает тираж чеканки монет. Но в данном исследовании акцент будет сделан не на эмиссию медных монет, а на количество найденных пулов при археологических раскопках Водянского городища с 1997 по 2006, а так же с 2009 по 2014 г. Те типы, которые на сегодняшний день представлены 1-3 монетами, при общей выборке 369, будут отнесены к редким.

Это такие типы, как:

1. Медные монеты с чеканом зайца. В материалах научных отчетов археологических раскопок Водянского городища с 1997 по 2006, а так же с 2009 по 2013 такая монета представлена в единичном экземпляре. К сожалению, пул анонимный, на нем не указана так же дата и монетный двор. Поэтому установить, где и когда чеканился данный тип, не удалось.

В работе Лебедева В.П. и Клокова В.Б. «Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен» представлено еще 2 экземпляра данного типа. Но эта работа может быть использована как вспомогательная, так как ими за основу взяты «случайные сборы монет», в том числе из частных коллекций [1, с. 60].

2. Следующий тип – это монеты с изображением павлина. В материалах указанных выше отчетов этот тип представлен так же единичной находкой. Датируется эта монета 1380-1390 г.

3. Монеты с изображением четырех рыб, направленных головами к центру. Данная монета по результатам раскопок так же единична, но известно, что она датируется 1390 г., а чеканились такие монеты в Хорезме [1, с. 104]. А это древний регион Средней Азии. Такая удаленность центра чекана данного типа монет, объясняет то, что находка единична и была завезена на Водянское городище в результате торговли.

4. Монеты с изображением верблюда. Данный тип монет представлен единичной находкой, совершенной при раскопках городища в 2014 году. Место выпуска этого типа пулов не указано, однако большая концентрация их находок в золотоордынском городе Маджаре, на Северном Кав-

казе, и очень большая их редкость на других городищах, обнаружение перечеканки по пулу Джанибека II, пока встречены только на Маджарском городище. Это может свидетельствовать о выпуске данного типа пулов в Маджаре [2, с. 434].

Итак, мною рассмотрены четыре типа редких медных монет, которые встречались в результате археологических раскопок Водянского городища. Редких типов значительно больше, о чем говорит работа Лебедева и Клокова. Но данное исследование основано только на данных научных отчетов, без привлечения частных коллекций или других источников.

Однозначно дать ответ на вопрос, почему встречаются редкие типы очень сложно. Скорее всего, это связано либо с удалением на значительные расстояния монетного двора, где чеканились пулы определенного типа (как, например, Хорезм), либо это связано с локальностью чекана и обращения медных монет (например, выпуск пулов с изображением верблюда). Но нельзя исключать того факта, что чеканы с изображением различных животных могли быть связаны с зодиакальными особенностями, которым на Востоке уделяли особое внимание и золотоордынцы в том числе. А, следовательно, эмиссии медных монет действительно могли быть небольшими, выпущенными к определенному событию.

Библиографический список

1. Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Т. II. Нижний Новгород, 2000.
2. Лебедев В.П., Павленко В.М. Монетное обращение золотоордынского города Маджар // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6. Золотоордынское время. Сб.науч. работ / Гл. ред. А.В. Евглевский; Ин-т археологии НАН Украины; Донецкий нац. ун-т. Т.6 Донецк:ДонНУ, 2008.
3. Пачкалов А.В. Монетное дело и денежное обращение в Улусе Джучи // Inegrazione, assimilazione, esclusione e reazione etnica. A cura di G. Girauda e A. Pavan.Vol. I. Napoli, 2008.

М.С. Королева

Мордовский государственный университет

СПОСОБЫ ДЕКОРИРОВАНИЯ ПЛАТЬЯ ДРЕВНЕЙ МОРДВЫ ТЕШСКОГО БАССЕЙНА

Костюм, несомненно, является одной из главных отличительных черт любого народа. Его пошив и декор могут видоизменяться со временем, подвергаться влияниям из вне. Поэтому вечным вопросом является его первичный вариант, от которого это видоизменение и происходило.

Одной из самых первых реконструкций древнемордовского костюма стала разработка Вороной Р.Ф. [2, с. 33-38]. Она проводила анализ Цнинских памятников, наиболее изученных к тому времени. На сегодняшний период накоплен достаточно большой материал по другим памятникам. На их основе встает возможность не только восстановления, но и сравнения очковых черт костюма и выявление их местных вариаций.

Согласно материалам Тешского бассейна археолог Мартянов В.Н. разработал свою реконструкцию, в особенности головного убора [4, с. 88-106]. Но анализа сохранившихся немногочисленных тканей так и не было проведено. А ведь эти материалы могут дать ценную информацию о жизни древней мордвы-эрзи.

Для проведения анализа были отобраны материалы из Стеково 2, Заречное 2, Красное 1, 3 и Личадеevo 5. Всего было рассмотрено 15 единиц текстиля. В основном это фрагменты шерстяной ткани полотняного переплетения. Один лишь фрагмент саржевого переплетения с элементом вышивки. Неожиданностью стал экземпляр тонкой ткани растительного происхождения, подтвердивший гипотезу о существовании двух видов рубах – тонкой нательной и шерстяной верхней. Нити имеют тонину от 0,3 до 0,6 мм типа Z кручения, что характерно для древней мордвы [3, с. 1]. Цвет ткани от светло до темнокоричневого.

Для восстановления облика рубахи необходимо привлечь этнографические данные. Известно, что мордва-эрзя шила рубаху из двух полотен. Шов проходил по центру спереди и сзади, оставляя сверху место для горловины. Остальные два шва проходили по-бокам [7, с. 144]. Образовавшийся большой вырез застегивался сьюлгамой. А само платье богато украшалось вышивкой. На археологических материалах сохранились линии сгиба ткани, но нитки, к сожалению, давно сгнили. Об их наличии и шве приходится только догадываться.

Из всех представленных материалов удастся восстановить малую часть декора. Самой простой из них была вышивка оловянным бисером «гантелеобразной» формы, характерного для финно-угорских народов. В погребении 31 Красного 3 бисер прослежен по низу подола, заходящего спереди перпендикулярно вверх (рисунок 1, 1). Это может указывать на наличие разреза спереди для удобства шага. Данный тип встречается в памятниках Вадской мордвы и датируется VIII-IX вв. [1, с. 144] Погребение 10 того же могильника декорировано трапециевидными и конусовидными привесками, расположенными аналогично (рисунок 1, 2) [5, с. 350]. Подобный способ оформления встречается в памятниках Цнинской мордвы [2, с. 35, рис. 2, 3].

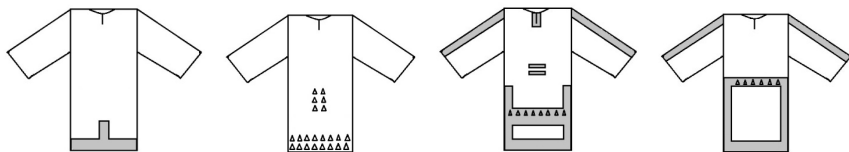

Рисунок 1. Реконструкция декора платьев Тешской мордвы

Фрагменты оловянного бисера с привесками часто встречаются в Стексово 2. Однако, восстановить элементы декора возможно только по 104, 111 и 124 погребениям [5, с. 222, табл. 105, 1; с. 219, табл. 102, 1; с. 227, табл. 110, 3]. В них вышивка бисером проходит по низу, бокам и центру платья в комбинации с привесками (рисунок 1, 3-4). Так же украшались рукава, а иногда ворот платья. Схожий вид встречен в погребении 46 2-го Журавкинского могильника [6, с. 110, рис. 35, 1]. Их датировка VIII-IX вв. по погребениям Стексово 2 [1, с. 145].

Хорошо сохранившийся фрагмент вышивки представлен в погребении 14 Личадеево 5. Бисер пришит в 5 полос плотно друг к другу с интервалом 2 мм [5, с. 303, табл. 163, 11]. Такая вышивка не только выглядела нарядно, но и укрепляла край изделия, предотвращала заминание, создавала подобие «каркаса». Оригинальная форма бисера заставляла рукодельницу поочередно пришивать верх и низ, образуя с изнанки стежки-столбики. Вышивка велась по счету нитей, как и традиционная мордовская шерстяными нитями.

Таким образом, между тканями и орнаментом Тешского бассейна выявлены схожие черты с бассейнами рек Вад и Цна. В период VIII-IX вв. происходил процесс локализации и деления на эрзю и мокшу. Но общие черты развития одного народа продолжают существовать. Это значит, контакты продолжались, а вместе с тем традиции и костюм оставались общими.

Библиографический список

1. Вихляев В.И. Хронология мордовских могильников населения I-XIV вв. западной части Среднего Поволжья / В.И. Вихляев, А.А. Беговаткин, О.В. Зеленцова, В.Н. Шитов. Саранск, 2008.
2. Воронина Р.Ф. О некоторых деталях одежды Среднепеченской мордвы VIII-XI вв. // Краткие сообщения Академии Наук СССР. М., 1974. Вып. 140.
3. Королева М.С. Древнемордовский текстиль VIII – XI вв. // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2015». М., 2015. № 9.
4. Мартъянов В.Н. Декоративный комплекс женского костюма мордвы-мокши VIII – XI вв. // МНИИЯЛИЭ Труды. Материалы по археологии Мордовии. Саранск, 1976. Вып. 52.

5. Мартянов В.Н. Древняя история Арзамасского края. Арзамас, 2004.
6. Петербургский И.М., Вихляев В.И., Святкин С.В. Второй Журавкинский могильник. Саранск, 2010.
7. Сокровища культуры Мордовии // Наследие народов РФ. М., 2012. Вып. 13.

М.Т. Накишова

Уральский федеральный университет

ПЕРСОНА ЦАРЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ МАРКЕР ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ XVII ВЕКА

*Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда,
проект № 14-18-01873 «Границы и маркеры социальной стратификации
в России XVII–XX вв.»*

Время правления Алексея Михайловича, бесспорно, является ключевым для политической истории русского государства. Ведь именно в этот период сформировались те тенденции, которые стали предтечей петровских реформ. Так, процесс становления самодержавия, начавшийся еще при Иване III, при втором Романове активно набирал обороты. Он обуславливался переходом от вассалитета к подданству, обожествлением царской власти и укреплением ее могущества. Соответственно, менялось и отношение народа к своему правителю.

Царская власть играла огромную роль в жизни людей. Территориальное объединение, создание административного аппарата и появление общей идеологии «Москва – Третий Рим» – все это было недостаточным для нормального существования и функционирования государства. Как показал трагический опыт Смутного времени, часто сменяющиеся государи, преследовавшие личные цели, могли довести страну до разорения и чуть не лишить ее суверенитета. Важно понимать, что государь был не только тем, кто правит и издает указы, но и неким символом единства огромного по своей территории государства.

Авторитет царя распространялся в равной степени на всех подвластных ему людей без всяких исключений. Подданные – это холопы Великого государя, будь то родовитый боярин или бедный крестьянин. Так, путешественник Адам Олеарий, описывая характер монархии в Московском государстве, сообщает: «Государь, каковым является царь или великий князь, получивший по наследию корону, один управляет всей страной и все его подданные, как дворяне и князья, так и простонародье, горожане и крестьяне, являются его холопами и рабами, с которыми он обращается как хозяин со своими слугами» [4, с. 265].

Обладая неограниченными властными полномочиями, государь передавал определенную их часть широкому кругу политических институтов. Вместе с тем, он отдавал и часть своей чести, которая защищалась законодательством как одна из высших ценностей. Оскорбить находящегося на государственной службе означало оскорбить государях [2, с. 301]. Так, понятие «государь» отождествлялось с «государством», включая в себя не только конкретное властное лицо — царя — но и его административный аппарат.

Помимо этого, имя царя в XVII веке стало лозунгом различных восстаний. И горожане Пскова, и казаки Разина бунтовали в поддержку праведного, доброго государя против бояр, якобы изводивших царскую семью. Подобными же мотивами оправдывали свои действия многочисленные лже-сыновья Алексея Михайловича — они утверждали, что идут на помощь к отцу в борьбе против изменников.

Как мы видим, царь выступал важнейшим фактором объединения. Он объединял всех жителей Московии, как своих подданных, весь государственный аппарат — как держателей части власти и чести государя, определенные группы — как некий лозунг, ради защиты которого стоило бунтовать. Даже для тех, кто действовал против самого государя, царь все равно являлся неким символом единства — они объединялись для борьбы с ним.

Идеализация царя, вера в его справедливость и праведность повлияли на то, что с XVII века царь начинает играть в роль своеобразного маркера идентичности. Хорошо проиллюстрировать данный тезис могут так называемые дела о «непристойных речах».

Непристойными речами называли довольно широкий круг политических преступлений: именованья себя братом, сыном царя, соседом государя, сопоставления отдельных частей тела с царскими, а так же любые высказывания о государе, о его родственниках и придворных, рассказы о его любовных похождениях, шутки, сказки, легенды и многое другое [2, с. 54]. Единственное, что объединяло все эти дела — указание на близость к царю.

Произнося, например, слова: «в меня де такова ж борода, что у государя» [3, с. 49] — курский тюремный сторож Стенька ни в коем случае не хотел сказать, что царь отдал ему свою бороду. Вряд ли он вообще хоть раз в жизни мог иметь счастлившую случайность видеть государя. Такое сравнение, на наш взгляд, связано со стремлением выделиться из коллектива, наделить себя какими-то значительными качествами. Для народа царь в XVII в. был своеобразным идеалом, «земным богом». Поэтому переноса на себя его характеристики, люди, как им казалось, становились особенными, близкими к всеобщему авторитету, социально важными и защищенными.

Вообще, сама тенденция как-то себя отметить, вырваться из коллективизма кажется нам интересной, так как это проявление современных веяний. Тем более что, пытаясь обрести уникальность, человек подчеркивал сходство не с Богом, недоступным и вечным, а с лучшим из людей, как и все обладающим своими достоинствами и недостатками.

Итак, в XVII в. царь занимал высшее положение в социальной иерархии, концентрируя в своих руках все властные механизмы и олицетворяя собой государство в целом. Одновременно, он возносился над этой иерархией, становился вне ее, тем самым воплощая в себе для людей не только символ единства и маркер идентичности, но и живой идеал, близость к которому определяла их социальный статус и авторитет в обществе.

Библиографический список

1. Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII. М. : Новое лит. обозрение, 1999. 720 с.
2. Коллманн Н.Ш. Соединенные чество: Государство и общество в России раннего нового времени. М.: Древлехранилище, 2001. 459 с.
3. Новомбергский Н. Я. Слово и Дело Государевы. Т. 1. Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
4. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. [Электрон. ресурс]. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1861. 174 с. . URL: <http://www.twirpx.com/file/1227613/> (дата обращения: 21.09.2015).

Я.С.Мариненко

Томский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ АКЦИОНИЗМА В РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Акционизм представляет собой комплекс ярких и действенных сторон художественной жизни. В России он приобрел определенную популярность, главным образом, среди оппозиционных общественных объединений. Для оппозиционеров акционизм иногда выражается в виде несанкционированных и неожиданных для властей акций. По словам одной из современных представительниц данного течения – Екатерины Самуцевич, «это явление в нашей стране вполне устоявшееся, но и в то же время маргинальное» [1].

Как правило, важной составляющей акционизма является перформанс. Последнее можно трактовать как короткое представление, исполненное одним или несколькими участниками перед публикой. Акции перформанса заранее планируются и протекают по некоторой программе [2].

Наиболее яркими представителями отечественного современного искусства в нашей стране можно считать «пионеров» московского акционизма – движение «Э.Т.И.» («экспроприация территории искусства»), появившееся в начале 1990-х годов [3]. Их поступки, приуроченные к актуальным проблемам российской действительности, вызвали в свое время серьезный общественный резонанс.

Перформанс «Э.Т.И. – текст» вошел в число самых громких художественных акций протеста в России по версии журнала Forbes [4]. Прошел он 18 апреля 1991 года на Красной площади в Москве. Телами участников на брусчатке было выложено нецензурное слово. Акция была приурочена к выходу так называемого «закона о нравственности», по которому в публичных местах запрещалось ругаться матом. Идея акции (кроме ее очевидного протестного смысла) состояла в совмещении двух противоположных по статусу знаков: Красной Площади, как высшей иерархической географической точки на территории СССР, и самого запрещенного маргинального слова. Собственно, это самый эффективный способ скандала (большинство скандалов делаются именно так: привнесение в высший, сакральный, официальный контекст чего-то маргинального, запрещенного, вытесненного).

По факту проведения акции было возбуждено уголовное дело по статье 206 часть 2 «Злостное хулиганство, отличающиеся по своему содержанию исключительным цинизмом или особой дерзостью». Дело было закрыто через три месяца следствия, по отсутствию состава преступления [5, с.52].

Во многом похожей по смысловой нагрузке перформанса и реакции на него является другой жест современного искусства, проведенный двадцать лет спустя объединением девушек-феминисток Pussy Riot – это так называемый панк-молебен «Богородица, Путина прогони!». Последний имел место 21 февраля 2012 года в Храме Христа Спасителя, где участницы группы выступили на амвоне и исполнили текст песни. Спустя несколько месяцев Н.Толоконникова, М.Алехина и Е.Самуцевич были осуждены по статье «хулиганство по мотивам религиозной ненависти», получили 2 года колонии строгого режима, а видео-ролик, смонтированный на основе материалов их выступления в храме, был признан экстремистским. Своей акцией девушки хотели обратить внимание на актуальную проблему российской действительности: сращивание Русской Православной Церкви и государственного аппарата, несмотря на официальное позиционирование последнего как светского органа. Pussy Riot, как и в случае с «Э.Т.И.», данным инцидентом привнесли в сакральный контекст пространства современного храма запрещенный и вытесненный элемент (в частности, древнерусский институт юродства и скоморошество). Российский академик Д.С.Лихачев в работе «Смех в Древней Руси»

пишет следующее: «Активная сторона юродства заключается в обязанности «ругаться миру», обличая грехи сильных и слабых и не обращая внимания на общественные приличия. Более того: презрение к общественным приличиям составляет нечто вроде привилегии и неперемennого условия юродства, причем юродивый не считается с местом и временем, «ругаясь миру» даже в Божьем храме» [6, с.58].

Возвращаясь к акции на Красной площади, стоит упомянуть отрывок из отзыва в журнале «Огонек»: «В данный момент правоохранительные органы добиваются от Осмоловского (лидера организации) ответа: что это было – политическая акция или обыкновенное хулиганство? Осмоловский с надеждой на то, что его поймут, объяснил, что в акции не было никакого политического смысла (в отношении памятника Ленину), что акция эта чисто художественная, и цель ее – «десакрализация Красной площади и превращение ее в место действительно народное» [5, с.51].

В перформансе Pussy Riot общество и властные структуры тоже изначально увидело не то, что подразумевали девушки. Это очевидно из названия приговора – «хулиганство по мотивам религиозной ненависти». Однако участницы утверждали, что акция была политической в форме жеста современного искусства, и никакого «богохульства» там нет [7].

Еще один момент, в котором пересекаются рассматриваемые инциденты – это отсылка акций к элементам смеховой культуры. Относительно «Э.Т.И.-текст» в журнале «Мегаполис-экспресс» была посвящена статья «Обидели юродивого...»:

«Это просто не укладывается в голове, – сказал мне Григорий Гусаров, один из организаторов и вдохновителей студии. – Нас хотят обвинить в том, что мы совершили какой-то политический демарш, а ведь это всего-навсего *скоморошья* акция, не имеющая ничего общего с политикой. То, что культура перестает быть высококобой, выходит на улицу в поисках непосредственного контакта со зрителем, стремится вовлечь его в стихию, – естественный процесс, давно существующий на Западе и имеющий вековые традиции на Руси» [5, с.53].

На прениях в Хамовническом суде в августе 2012 года Надежда Толконникова заявила от имени группы Pussy Riot, что они «являются шутами, скоморохами, юродивыми, но не преступниками» [8]. Профессор московской духовной академии Андрей Кураев напомнил, что акция в Храме Христа Спасителя проходила в период Масленицы. А Масленица, как известно, – это христианский праздник, во время которого в древней Руси осуществлялась своеобразная социальная разрядка, подобно тому, что происходило на средневековых европейских карнавалах. «Учиненное ими [девушками], конечно, безобразие, но – законное безобразие. Масленица на дворе. Время *скоморошества и перевёртышей*» [9].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что российский акционизм — явление масштабное, хотя с момента проникновения в наше социальное пространство до сих пор особой поддержки не получает. К акциям деятелей современного искусства пока относятся настороженно, иногда настороженно в высшей степени — в виде уголовных наказаний. Перформансы в основном имеют своей целью обратить внимание на актуальные проблемы действительности, и приобретают успех как раз благодаря умению точно и нестандартно ударить в «самое больное место», привнести «в высший, сакральный, официальный контекст что-то маргинальное, запрещенное, вытесненное».

Библиографический список

1. Акционизм [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://actionism.ru/>, свободный (дата обращения 05.11.2015).
2. Краткий словарь терминов: перформанс [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:<http://bibliotekar.ru/slovarZhivopis/145.htm>, свободный (дата обращения 05.11.2015).
3. Акция «ЭТИ-текст» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://actionism.ru/art-group/aktsiya-%C2%ABeti-tekst%C2%BB-khui-na-krasnoiploshchadi.html>, свободный (дата обращения 05.11.2015).
4. 12 самых громких художественных акций протеста в России [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.forbes.ru/sobytiya-photogallery/lyudi/84791-12-samyh-gromkih-hudozhestvennyh-aktsii-protesta-v-rossii/photo/1>, свободный (дата обращения 05.11.2015).
5. Ковалев А. Российский акционизм 1990-2000, Издательство: Издатель Арсений Мещеряков, 2007.
6. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. — Л.: Наука, 1984.
7. Толоконникова: акция Pussy Riot носила политический характер [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ria.ru/incidents/20120806/717808352.html#ixzz3QxPKA7QQ>, свободный (дата обращения 05.11.2015).
8. Девушки из Pussy Riot назвали себя юродивыми [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://polit.ru/news/2012/08/07/iurodivii/>, свободный (дата обращения 05.11.2015).
9. Диакон Кураев о выходке Pussy Riot в Храме Христа Спасителя: «Это законное безобразие» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.online812.ru/2012/02/21/005/>, свободный (дата обращения 05.11.2015).

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

На сегодняшний день, важная роль в становлении России как демократического государства отводится гражданскому обществу, одним из приоритетных инструментов формирования которого является институт общественных организаций. В последнее время роль и статус данного элемента гражданского общества явно увеличивается, заметно растет количество общественных объединений в стране, являющихся серьезной опорой власти в проведении общественно-политических, социально-экономических и духовных преобразований. В связи с этим руководством современной России немаловажная роль отводится институту общественных организаций, их влиянию на политическую жизнь и становление гражданского общества.

Большая часть современных общественных объединений базируется на опыте советских организаций подобного типа. Однако не менее значимым является изучение практики общественных объединений досоветского периода, их вклада в политическую, социальную, экономическую и духовную сферу жизни страны [1, с. 243]. И этот опыт, безусловно, может быть востребован и в настоящее время.

После либеральных реформ, проведенных Александром II в 1860-х-1870-х гг., общественные организации получили большую свободу действий. Однако качественная и количественная эволюция общественных объединений связана не только с совершенствованием законодательства в отношении самоорганизующихся обществ, но и с изменением социальной действительности, характеризующейся социокультурным сдвигом, требовавшим новых форм развития общества. Вот почему изучение эволюции и деятельности института общественных объединений именно в этот период представляется нам актуальным.

XIX век – время зарождения гражданского общества в России. Переломным этапом в истории развития общественных объединений в России стал период «Великих реформ», а именно отмена крепостного права. С этого времени общественные объединения проходят эволюцию от полуправительственных организаций до самоорганизующихся общественных объединений, группирующихся по интересам [1, с. 218]. Провинциальная общественность начинает стремиться к выражению самостоятельности и гражданской позиции перед государством.

Развитие городов Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. проходило неравномерно. Города являлись центрами модер-

низационных процессов в стране, и именно городской среды касались в первую очередь все самые значимые изменения в обществе [2, с. 146]. Так как к моменту начала модернизации уровень развития этих городов был различен, а местами и абсолютно полярен, то и экономическое, социокультурное и политическое развитие этих городов в конце XIX — начале XX вв. проходило с разными темпами и определенной спецификой. Именно в это время происходит рост городского населения, что в целом было общей урбанистической тенденцией Российской империи конца XIX в.. В стране осуществляется первая промышленная революция, связанная с паровым двигателем и развитием машинного производства.

Причины возникновения общественных организаций носят достаточно двойственный характер: с одной стороны, в создании данной сети гражданских объединений была заинтересована центральная власть, преследующая определенные политические цели (имея на тот момент уже опыт работы подобных организаций в центральном регионе страны). И в то же время, создание общественных объединений выявило на свет целый комплекс социальных проблем: демографические проблемы, отсутствие организованной медицинской помощи, проблема неграмотности и малограмотности, низкий уровень культуры, нехватка квалифицированных специалистов в сфере образования и медицины [1, с. 187]. И уже на первом этапе общественные объединения являются важной опорой центра в стабилизации обстановки, решении насущных проблем за счет организованной общественной инициативы.

Функциональная деятельность данных гражданских объединений свидетельствует о достаточно высокой степени активности провинциальной общественности, органично вписавшейся в единое политическое и социокультурное пространство Российской империи [3, с. 66]. Рост количества организаций свидетельствует о новом построении общества, ориентированном на формирование социальных институтов гражданского общества в городе. Такое усиление позиций добровольных организаций в социокультурной и общественно-политической жизни к началу XX в. свидетельствует о начавшемся процессе формирования гражданского общества.

Фактором же, тормозившим развитие общественных организаций, было отсутствие у них достаточного капитала [3, с. 64]. Некоторые общественные организации прекращали свою деятельность вследствие финансовых проблем, поскольку не могли обеспечить необходимым большое количество нуждающихся в ходе общественно-благотворительной деятельности. Поскольку основным источником их финансирования являлись членские взносы и сбор пожертвований [3, с. 63], наличие которых зависело от ответственности и активной трудовой деятельности участников общественных организаций, то имущественная несостоятельность

и некоторая социальная индифферентность ряда представителей гражданских ассоциаций не способствовали финансовой активности организаций. Большинство интересных идей и проектов, предлагавшихся общественными организациями, к сожалению, оставались нереализованными.

Библиографический список

1. Бредли Д. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России// Общественные науки и современность. М., 1994.
2. Медушевский А.Н. Формирование гражданского общества: реформы и контрреформы в России// Реформы и реформаторы в истории России. М., 1995.
3. Назарян В.Р. Проблемы теории общественных организаций // Вопросы теории общественных организаций. Сб. статей / АН СССР. Ред. кол. И.А. Азовкин. М., 1977.

А.А. Микеленис

Иркутский государственный университет

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ЭКСПАНСИОНИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ С.Ю. ВИТТЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Активизация дальневосточной политики России на рубеже XIX и XX веков оказалась связана с планами, а затем и с началом строительства Сибирской железной дороги. По времени это совпало с приходом в правительство Сергея Юльевича Витте. Молодой сановник, будучи дилетантом в международных отношениях, решил связать свою карьеру с программой грандиозных действий на Дальнем Востоке. Речь шла об экономической экспансии в Китае, Корею, Монголии, где быстро развивающаяся российская промышленность нашла бы рынок сбыта посредством будущей Сибирской железной дороги.

Основой всех воззрений Витте на внешнюю политику являлось глубокое убеждение, что Россия не может и не должна воевать, но и не должна допустить утверждения другой державы как гегемона на Дальнем Востоке [1, с. 159]. Программу министра финансов в то время можно свести к следующим тезисам: установив дружеские отношения с Пекином, следовало широко развернуть в Поднебесной деятельность русского капитала, затем к этому присоединился план строительства по Маньчжурии русской железной дороги (КВЖД) и желание получить незамерзающий порт на Желтом море. С этого момента С. Ю. Витте стал главным архитектором политики Петербурга на Дальнем Востоке, ему принадлежала исключительная по своему характеру роль: обладая важными

рычагами власти благодаря занимаемому посту, Витте выстроил удивительный механизм мирной экономической политики проникновения в регион, главными инструментами которого являлись КВЖД и Русско-Китайский банк.

КВЖД становилась не просто средством для развития торговли, а одним из важнейших инструментов экономической экспансии России в Китай. В литературе сделано даже предположение, что С. Ю. Витте намеревался окружить Китай с севера целой сетью железных дорог, что, по сути, являлось аннексией его северной части [3, с. 61]. Позже С. Ю. Витте признавал, что в 1896 г. с получением концессии на КВЖД русское правительство предполагало присоединение Маньчжурии к России, но не ранее как спустя 25–50 лет, когда сознание важности для экономической жизни проведенной дороги войдет в плоть и кровь местного населения, и в стране разовьется и упрочится экономическое влияние России. Промышленные предприятия, Китайская Восточная железная дорога и Русско-Китайский банк должны были этому содействовать [2, с. 95]. Однако ожидавшегося всплеска русско-китайской торговли не последовало. Для формально частного общества КВЖД коммерческая сторона предприятия была не главной. КВЖД выполняла все заказы военного и морского ведомств, поэтому на убыточность предприятия не обращали внимания [2, с. 114]. Без сомнения, КВЖД со временем нашла свое место в экономике Маньчжурии и много способствовала экономическому развитию региона. Однако это было далеко от тех замыслов, которые связывали с южной веткой Транссиба российские власти. Вложенные деньги до 1914 г. не только не были окуплены, но и вообще не приносили отдачи. Это означает, что в качестве экономического проекта, КВЖД оказалась несостоятельной.

Русско-Китайский банк замышлялся как орудие политики С. Ю. Витте в Китае, инструмент для строительства КВЖД, а также приобретения концессий в Маньчжурии и контроля за ними, особенно после боксерского восстания. В целом, на первых порах чисто коммерческие операции превалировали в деятельности Русско-Китайского банка. А. Ю. Ротштейн при понимании и поддержке С. Ю. Витте стремился избежать того, чтобы банк оказался лишь финансовым инструментом для достижения политических целей, и в целом это ему удалось. Именно такой подход позволил банку состояться как серьезному финансовому институту, просуществовавшему несколько десятилетий, невзирая на бурные события на Дальнем Востоке.

Механизм экономического воздействия Витте путем Общества КВЖД и Русско-Китайского банка перестал окончательно работать в 1902 г., после подписания договора о поэтапном выводе войск из Маньчжурии. По нашему убеждению, сам договор нельзя рассматривать только как

неудачу России, он означал невозможность проведения политики «договорных преимуществ», к которой прибег С. Ю. Витте после краха политики экономической экспансии. В ходе обсуждений явственно проступили изменения во взглядах министра финансов на цели и методы дальневосточной политики. Сначала он отказался от движения в Центральный и Южный Китай, сосредоточившись на его северных окраинах, позднее С.Ю. Витте также признал, что чисто экономические рычаги не приносят желаемых результатов и сделал ставку на закрепления экономических преимуществ с помощью договоров – путь, который также не принес результата. С этого времени уже можно говорить о системном кризисе всей дальневосточной политики России. Мы имеем в виду то, что механизм постановки целей и выбора путей их реализации окончательно перестал работать как единое целое.

Библиографический список

1. Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 т. М.: Наука, 2002. Т. 1: Пути сообщения и экономическое развитие России. Кн. 2. Ч.1. 2004.
2. Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008.
3. Попов А. Л. Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888 – 1903 гг.) // Красный архив [Электронный ресурс].- 1932. – Т. 52. Режим доступа – <http://istmat.info/node/37049>

И.А. Калмыков

Нижегородский государственный университет

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СОЦГОРОДА В ВОСПОМИНАНИЯХ ГОРЬКОВЧАН (НА ПРИМЕРЕ ПОСЕЛКА ИМ. С. ОРДЖОНИКИДZE ГОРОДА ГОРЬКОГО)

Поселок им. С. Орджоникидзе представлял собой жилой поселок Горьковского авиационного завода №21, детища первой пятилетки. Эта хозяйственно-территориальная единица обладала относительно самодостаточным производственным циклом, зоной размещения населения, привязанного к производству и объектами социальной инфраструктуры. По критериям, выведенным историком М.Г. Мееровичем, данный поселок мы можем называть соцгородом [1].

Воспоминания о тыле периода Великой Отечественной войны оставили несколько десятков человек, жителей поселка, которые отложились в фондах Музея истории и трудовой славы авиазавода «Сокол», а также в личных архивах. В немногих из публиковавшихся мемуаров вни-

мание уделялось в основном производственным вопросам, агитационно-массовой работе. В этой связи представляется актуальным всесторонне проанализировать данный вид источников и попытаться с их помощью реконструировать военную повседневность социалистического поселения.

Поселок дробился на несколько зон по принципу характера построек. Из рассказа Ирины Резниковой: «Мы приехали в Горький 22 июня 1941 года. Округа авиационного завода показалась мне глухой деревней. В поселке все было по ранжиру: рабочие жили в бараках, много было частных домов, где люди держали живность, военные и начальники среднего звена селились в трехэтажных капитальных домах, называемых «бетоламенные». Заводскому руководству и ударникам давали квартиры в четырехэтажных сталинках» [2].

Детальные воспоминания оставил Василий Котицын (в годы войны – начальник энергобюро авиазавода). Он свидетельствовал: летом 1941 года среди жителей поселка и работников завода преобладал определенный оптимизм, вся серьезность ситуации здесь, в тылу, стала очевидна несколько позднее. «Каждое утро невольно все тянулись к репродукторам, – пишет В.П. Котицын, – чтобы услышать очередную сводку Совинформбюро со сведениями о положении на фронтах. Начиная свою работу, Московская радиостанция им. Коминтерна в самом начале своего вещания утром транслировала песню «Священная война». Утром торопливо умывались и одновременно обменивались с соседями по квартире о новостях, связанных с положением на фронтах. <...>

Пришла зима 1942 года, а вместе с зимой и значительные житейские затруднения: заводу не хватало электроэнергии, угля, мазута. Поселок не отапливался. По квартирам жители поставили железные печки с выходом дымовых труб в окна. Электрическое освещение для поселка давалось вечером на 2-3 часа, а иногда и совсем не включалось» [3]. Не являлось секретом плохое состояние дорог, жилого фонда авиационного поселка – критика всюду звучала со страниц заводской многотиражки, однако по прошествии времени эти трудности не представлялись существенными для авторов воспоминаний.

Школьником застал войну Юрий Первин (сын старшего военпреда авиазавода): «Когда гремела война, пособия по географии для нашего поколения сменились другими. С суровой горечью сорок первого и ликующей гордостью сорок четвертого такими пособиями стали географические карты Европейской части Советского Союза, где взрослые (да и мы, малыши, тоже) передвигали маленькие красные флажки, обозначающие линию фронта. Одно из памятных воспоминаний войны – вечер, проведенный в нашей семье славным советским летчиком А.И. Покрышкиным, он приезжал на завод, в военную приемку: я сидел у него коленях, считал его ордена и медали на груди» [4].

Выступления гостей-фронтовиков в красных уголках цехов, клубах, на различных собраниях – все это говорило об отсутствии культурной и идеологической изоляции соцгородков от жизни в большом городе, в стране. Многие вспоминали, как после приезда в начале 1942 года М.И. Калинина жители поселка повсеместно стали высаживать картофель, что стало большим подспорьем в пропитании [5].

Источники сохранили информацию и о культурной жизни поселка. После основной смены работники предприятий находили в себе силы идти на репетиции художественной самодеятельности, в клубах работали кинопередвижки, выступали лекторы. Конструктор А.М. Раппопорт вспоминал: «Коммунисты и комсомольцы активно взялись за организацию художественной самодеятельности: был создан «шум-джаз» оркестр. Музыкальные инструменты не хватало, но годы войны приучили к изобретательности. Вскоре у нас уже были барабан, гитара, скрипка. Остальное сделали из подручных средств: гребенок, бутылок, ложек и других «ударных». Появился драмкружок, готовились и сольные выступления»- [6]. Труженики тыла Р.Ф. Кокорина, Н.Н. Шиповникова свидетельствовали, что многие рабочие стремились провести свободное время за книгой, из-за нехватки литературы записывались в очередь [6].

Особая тема – воспоминания людей о Дне Победы. Кто-то запомнил этот знаменательный день до минут, у кого-то из переживших он слился с сотнями других горестных и радостных мгновений. Мемуаристы сходятся в том, что мгновенных изменений, которых так ждали от мирного времени, не случилось.

Юрий Первин писал: «Самой яркой ночью у людей нашего поколения стала навсегда запомнившаяся ночь с 8 на 9 мая 1945 года. ...Толпа огромная, казавшаяся бесконечной, толпа восторженная, радостная сразу же заполнила улицу Чаадаева. Никогда раньше столько народа одновременно видеть не доводилось. Люди пели, танцевали, смеялись (в войну люди нечасто смеялись), обнимались, целовались. Даже незнакомые. Всех, кто был в военной форме, качали, подкидывали в воздух, не спрашивая их желания»[4].

Подводя итог обзору мемуарных источников, можно отметить, что в комплексе они представляют собой ценный набор сведений, с высокой степенью достоверности позволяющий реконструировать повседневность города Горького в годы Великой Отечественной войны.

Библиографический список

1. Меерович, М.Г. Концепция социалистического расселения // Архитектон: известия вузов. 2008. № 3 (23) (электронный ресурс). Режим доступа: http://archvuz.ru/2008_3/7
2. Интервью с Резниковой И.Д. 18 апреля 2013 г. // Личный архив Калмыкова И.А.

3. Котицын В.П. Воспоминания // Музей истории и трудовой славы ПАО НАЗ «Сокол».

4. Первин Ю.А. Улица детства и повороты судьбы (электронный ресурс). Режим доступа: http://letopis-nn.ru/?page_id=731

5. См.: Зайчик С.Е. Наш сборочный цех // Музей истории и трудовой славы ПАО НАЗ «Сокол».; Мараев Е.Е. Воспоминания // Музей истории и трудовой славы ПАО НАЗ «Сокол».

6. В суровые годы... : Московский (Кагановичский) район Нижнего Новгорода в годы Великой Отечественной войны: справочник / сост. В. В. Страхова, Т. В. Кучерова. – Н. Новгород: Кварц, 2010. (электронный ресурс). Режим доступа: www.letopis-nn.ru/wp-content/uploads/2013/08/kaganovich_raion_1941-1945.doc

А.М. Иорданская

Ленинградский государственный университет

МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ ИНОСТРАННЫХ ДИПЛОМАТОВ В РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

По характеру своей деятельности, личным и семейным связям, дипломаты всегда находились в центре внимания общественности. Отдельные аспекты пребывания иностранных дипломатов в России уже были освещены в современной отечественной историографии [2, с. 412-416], в то время как специфика материально-бытовых условий их жизни так и не была рассмотрена.

Прежде всего, необходимо обратиться к тому, что собой представляло рабочее пространство дипломата как официального представителя иностранного государства. Финансовая сторона размещения дипломатического представительства решалась четырьмя вариантами: 1) государство приобретало в собственность здание для представительства (Германия); 2) государство арендовало здание или его часть, как правило, на долгий срок (Англия); 3) посланнику в дополнение к жалованию представлялась сумма для аренды помещения миссии (Италия); 4) дипломат оплачивал аренду здания из жалования или личных средств (Соединенные Штаты Америки).

Так, правительство Великобритании на протяжении более чем 50 лет являлось арендатором половины особняка Салтыковых – с 1863 по 1917 г. В 1863 г. ежегодная плата составила 8 тыс. р., с 1873 г. – 10750 р., с 1879 г. – 15 тыс. р., с 1894 г. – 18 тыс. р., с 1904 г. – 25 тыс. р. [4, л. 2 об., 3, 8 об., 6, 6 об.]. Согласно договору о ренте, в распоряжение британской миссии поступали помещения на 4-х этажах: вечерние залы, большая и малая столовые, танцевальные залы, большая, малая и угловая

гостиные, большой кабинет [5, л. 1–2 (об)]. Помещения снимались без мебели, за исключением элементов декора. Ремонт и стилизация внутри помещений производились и оплачивалась послом самостоятельно [4, л. 1 об., 4, 8].

Посольства и миссии работали ежедневно. Официальное время работы посольства, в которое оно было открыто для приема, варьировалось с 10 до 17 часов и в среднем составляло 2–2,5 часа. Сравнительно небольшое число представительств работало больше: посольства Австро-Венгрии, Англии, Германии и Соединенных Штатов Америки были открыты для посетителей 4 часа в день [см.: 1]. Специфика работы дипломатических представительств была такова, что не предполагала нормированного рабочего графика. Загруженность дипломатов во многом зависела от текущей политической обстановки на международной арене. В моменты особой международной напряженности секретарские служащие буквально жили в канцелярии. Г.Д. Брюс, вспоминая годы службы вторым секретарем британского посольства в 1913–1918 гг., писал: «мы проводили большую часть дня, а впоследствии и ночи в канцелярии» [6, с. 159]. Секретари миссий работали с корреспонденцией в канцеляриях даже по ночам [8, с. 21]. Шифровка и дешифровка телеграмм, требующая особой концентрации и внимания, была особенно нелюбимой среди секретарей и воспринималась как «изнуряющий труд» [9, с. 92].

Отпечаток на работу представительства накладывало и то, что иностранные посольства и миссии располагались, как правило, в роскошных дворцах и особняках, без приспособленных для канцелярской работы помещений. Практически всю площадь занимали гостиные, торжественные залы и бальные комнаты. Но дипломаты были вынуждены мириться с неудобствами, поскольку строительство нового здания для посольства было слишком дорого [7, с. 344]. Здание посольства должно было символизировать величие и статус представляемого государства. При выборе здания для размещения представительства в первую очередь учитывалась престижность расположения здания, его представительность; санитарно-бытовые условия проживания были второстепенны. Таким образом, в своей повседневной жизни дипломаты были вынуждены исходить, прежде всего, из интересов национального престижа, а не собственных удобств. Вся праздность и дороговизна жизни % вынужденный шаг для создания благоприятного образа представляемой страны.

Поскольку большинство представительств не имели постоянного адреса, первостепенной задачей прибывшего дипломата становился поиск жилья, что в условиях перенаселенности Петербурга превращалось в достаточно сложную задачу. Здание представительства являлось местом проживания главы миссии и его семьи. Остальные сотрудники представительства в лучшем случае могли рассчитывать на комнату в посоль-

стве, а чаще всего арендовали жилплощадь с кем-то из сослуживцев. Как правило, это были небольшие квартиры в отдаленности от центра Петербурга, где цены на аренду и покупку недвижимости были значительно ниже. Ввиду своего материального положения, начинающий карьеру дипломат не мог позволить себе иного: жалование младших чинов посольства было небольшим, а значительными личными средствами большинство из них не располагало. На материальную поддержку со стороны МИД рассчитывать не приходилось: доплата за найм жилища, если была, предполагалась только послам и советникам посольства [10, с. 172]. Бытовые условия жизни рядового дипломата были далеки от идеальных. К примеру, один из секретарей болгарского дипломатического агентства являлся квартирантом поэтессы Евгении Михайловны Левшиной, проживая в еще необжитых и не отремонтированных комнатах [3, л. 15].

Таким образом, сходные материально-бытовые условия пребывания иностранных дипломатов в России, ненормированный рабочий график, зависевший от ряда внешних факторов, формировал специфический уклад жизни, свойственный исключительно дипломатической профессии. Сложности бытового, материального и морального свойства, с которыми иностранными дипломатам приходилось сталкиваться, способствовали становлению товарищеского и корпоративного духа среди членов иностранного дипломатического корпуса, увеличивая его внутреннюю консолидацию и внешнюю обособленность. Иерархичность структуры иностранного дипломатического корпуса, жесткая регламентация жизни его членов церемониальными правилами и проколом, не соответствовала демократическим основам его внутренней жизнедеятельности. Дипломаты воспринимали представительство как «дом-семью», у каждого члена которой, наравне с правами есть обязанности, неисполнение или отклонение от которых резко осуждалось. В рамках повседневной жизни представительства формировалось социокультурное пространство, в котором «коллективное» преобладало над «индивидуальным». Всеми принимаемые и разделяемые внутренние правила функционирования дипломатических миссий, упрощали координацию совместных действий и повышали эффективность работы представительства.

Библиографический список

1. Весь Петербург (Петроград). СПб., 1897-1917.
2. Иорданская А.М. Между войной и миром: англо-русские отношения и повседневная жизнь британских дипломатов в России // Военная история России: люди и события (к 70-летию Великой Победы). СПб., 2015.
3. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 124. Д. 2446.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1048. Оп. 1. Д. 132.

5. РГИА. Ф. 1048. Оп. 1. Д. 139.
6. Bruce H. J. Silken Dalliance. London, 1946.
7. Cross A. A Corner of a Foreign Field: The British Embassy in St Petersburg, 1863–1918 // Personality and Place in Russian Culture: Essays in Memory of Lindsey Hughes. London, 2010.
8. Dufferin and Ava Ava H.G.B. My Russian and Turkish Journals. New York, 1916.
9. Hamilton F. S. The Vanished pomps of Yesterday. London, 1921.
10. The Foreign Office List. London, 1965.

О.Н. Константинова

Тольяттинский государственный университет

ПРИНЯТИЕ КОНСТИТУЦИИ 1993 ГОДА КАК ОПТИМАЛЬНЫЙ ПУТЬ ВЫВОДА ГОСУДАРСТВА ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Созданию Конституции Российской Федерации 1993 г. предшествовали поистине глобальные события, результатом которых стало формирование нового государственного режима. Суть данных событий в нашей стране, знаменовала собой кризис [1, с. 53]. Поэтому принятие нового нормативного акта можно рассматривать с точки зрения поиска оптимального пути выхода из политического или конституционного кризиса 1993 года.

Историография этого явления довольно обширна, хотя масштаб данной перемены пока не получил должной оценки. Из спектра работ историков можно выделить те, которые посвящены поиску причин политического кризиса.

Руслан Хасбулатов, возглавлявший в 1993 году Верховный Совет России, видит причиной конституционного кризиса «провал экономических реформ», проводившихся правительством в начале 1990-ых годов и переводом выяснения его причин в политическое русло [2, с. 271].

М.Р. Зезина акцентирует внимание на применении эпитета «центр оппозиции» к Верховному Совету во главе с А.И.Рущким и Р.И.Хасбулатовым, ставя справедливый вопрос: оппозиции кому, если они сами представляли законодательную власть? Отмечается, что депутаты бойкотировали предлагаемые законы, пытались ограничить власть правительства и президента [3]. При этом, по мнению исследователя многие авторы акцентируют внимание на переходном характере российской государственности, когда перед страной стоял выбор формы государственности: президентская республика, парламентская республика или парламентско-президентская.

О.Г. Румянцев в работе «Конституционный кризис в Российской Федерации и возможный выход из него» [4, с. 5-14] четко определяет семь причин конституционного кризиса в нашей стране. Систематизируем их:

1. Незавершенность перехода к новой форме правления: от советской республики к подобию республики президентской.

2. Мировоззренческий конфликт между либеральными реформаторами про-западной ориентации и традиционалистами-патриотами.

3. Обострение разногласий между Федеральным Центром и регионами.

4. Крушение Союза ССР.

5. Жестоко смущенное общественное сознание (разрушение Варшавского договора, Союза ССР, дезинтеграция России, падение роли и престижа русского народа).

6. Параллельное осуществление радикальной экономической реформы.

7. Большая роль субъективного, личностного влияния на политику России.

Первой ласточкой к окончанию конституционного кризиса стало подписание Президентом 21 сентября 1993 года указа № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», предписывавшего Верховному Совету Российской Федерации и Съезду народных депутатов прекратить свою деятельность и назначившего на 11-12 декабря выборы в Государственную Думу.

7 октября 1993 года — Президент принимает указ «О правовом регулировании в период поэтапной конституционной реформы», фактически принимая на себя полномочия законодателя.

9 октября Президент прекратил полномочия Советов всех уровней, а уже 26 октября — принял указ о реформе МСУ. 12 декабря состоялось всенародное голосование по Конституции России, в ходе которого за Конституцию проголосовали 58 процентов участников референдума, а также выборы в Совет Федерации и Государственную Думу первого созыва. 25 декабря 1993 года — Новая Конституция Российской Федерации была официально опубликована и вступила в силу на всей территории России, завершив политический кризис.

Аллакулыев М.Б., исходя из теории общественного договора, в своей работе выдвигает тезис о том, что Конституция РФ 1993 г. не является результатом достижения национального согласия, что она была разработана, как средство легитимизации победы одной силы над другой. Конституция РФ смогла вывести страну из затянувшегося конституционного кризиса, сохранив целостность России и дееспособность самой власти [5].

В целом, можно сказать, что новая российская Конституция восприняла структуру, характерную для многих новейших конституций. Она

включила в себя основы конституционного строя России, составляющие совокупность принципов, основных ее положений, являющихся первичной нормативной базой как для остальных положений конституции, так и для всей системы действующего законодательства и иных нормативно-правовых актов. Конституция Российской Федерации 1993 года соответствовала требованиям международного права.

При наличии других возможных путей выхода из кризисной ситуации, введение нового законодательного акта явилось наиболее цивилизованным из них. Принятие Конституции как выход из кризиса в очередной раз доказало фундаментальность нормативной правовой базы как основы государственного строя.

Библиографический список

1. Адаевская Т.И., Ямашев В.М. Динамика численности и сферы занятости населения города Тольятти в 1950–2009 гг. // Вестник Гуманитарного института ТГУ. 2009. №1.
2. Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1997.
3. Зезина М.Р. Политический кризис 1993 г. в освещении школьных и вузовских учебников истории // www.russie.hypotheses.org
4. Румянцев О.Г. «Конституционный кризис в Российской Федерации и возможный выход из него» // Конституционный вестник №15. Март 1993.
5. Аллакулыев М.Б. Конституционный кризис 1993 г. в России / http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/thesis/s5/s5_05.pdf

Е.С. Замуленко

Самарский национальный исследовательский университет

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПФО НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.

Географическое положение ПФО уникально, с одной стороны это близость расположения к центру России, что определяет обширные рынки потребительских товаров, а так же наличие удобных выходов на Западный Казахстан, Узбекистан и Таджикистан. Регион обладает уникальным транзитным положением, так как расположен на перекрестке международных транспортных коридоров, соединяющих Сибирь и Дальний Восток, а также страны Восточной Азии с европейской частью России и государствами Европы. Эти особенности позволяют рассматривать данный регион в срезе проблемы миграционных процессов в России.

В России миграционные процессы изначально играли огромную политическую и социально – экономическую роль. По словам В.О. Ключевского, многовековая история Российского государства – это история непрерывно колонизируемой страны. Расширение территории сделало

из России многонациональное государство. Оно превратило ее в страну с особой этнографической структурой. [1]. На этапе исследования миграционных процессов, немаловажным становится изучение миграционных потоков, географии выхода и вселения, состава переселенцев, а так же выработкой переселенческих концепций и системы льгот, стимулирующих перемещение населения в заселяемые регионы.

На конец XX века приходится целый ряд эпохальных событий в экономике и политической жизни страны, изменивших характер всех социальных процессов. Впервые в истории России, в мирный период, расширенный тип воспроизводства населения сменился суженным. Как следствие этого, с 1992 года смертность в Российской Федерации превысила рождаемость и данное соотношение останется таким по настоящее время. В этот же период изменились направленность и динамика миграционных процессов; на смену центробежному вектору миграции, направленному из центральной части Европейской России к южным, северным и восточным окраинам страны преваляровавшему в течение более пяти столетий, пришло явление, получившее название «западного дрейфа» населения. Анализ территории Российской Федерации по направлению и интенсивности миграционных потоков в динамике за два последних десятилетия дает сложную конфигурацию основных зон приема и выхода мигрантов. Это в полной мере относится и к территории Приволжского федерального округа, ставшего в конце XX – XXI вв., в силу ряда социально – экономических причин, регионом с высокой миграционной активностью населения.

Результатирующим показателем миграционных процессов, позволяющим анализировать закономерности территориального перераспределения населения, является сальдо миграции (миграционный прирост). Отношение сальдо миграции к численности населения того или иного региона показывает интенсивность миграционного прироста, что позволяет сравнивать территории с различным уровнем заселения. [2].

На миграционной карте России Приволжский округ занимает вторую после Центрального округа позицию по привлекательности мигрантов, но его преимущество на фоне других округов быстро убывает. В 1991-1995гг. миграционный прирост населения в Приволжском округе составил 758 тыс. человек против 929 в ЦФО, 1996-2000 гг. – 408 и 840 тыс. человек соответственно.

Как и подавляющее большинство регионов России, решающую роль в миграционном пополнении населения Приволжского округа играет поток из стран СНГ. В Приволжский округ в основном прибывает население из Казахстана и Средней Азии (эти два региона обеспечивают три четверти миграционного прироста, полученного за счет стран СНГ). Заметно участие Закавказья (11%) и Украины (10%).

В Приволжском округе выделяют следующие типы миграции:

Внутриокружная миграция. При миграции в пределах округа население сдвигается в Самарскую, Нижегородскую обл. и в Башкортостан. Однако сдвиги не ведут к существенному перераспределению населения в пределах округа, что лишний раз подчеркивает отсутствие динамичных полюсов роста.

Таким образом, многие регионы округа в настоящее время находятся под двойным прессингом: округ в целом и каждый его регион отдает население Центру (прежде всего Москве и Московской обл.), остальные мобильные контингенты выезжают в вышеназванные региональные центры. В условиях сокращения миграции из стран СНГ и ослабления миграции из восточных регионов страны часть субъектов Приволжского округа становятся отдающими территориями.

Внутрирегиональная миграция. Для изучения миграции на внутрирегиональном уровне выбраны три региона округа – Нижегородская и Оренбургская обл., Республика Удмуртия. Сокращение миграционного потока в последние годы приводит к тому, что чаще всего в сельских административных районах естественная убыль населения сопровождается миграционным оттоком, а это ведет к существенным потерям населения.

В пределах регионов округа имеет место «шаговая» миграция. Отток населения из села идет не напрямую в региональный центр, а в малые и средние города. Это видно на примере Нижегородской области. Во многих сельских районах и малых городах наблюдается напряженная ситуация на рынках труда. Что так же заставляет их жителей выезжать на работу как в региональный центр, так и в другие регионы страны. В пределах рассматриваемых регионов отсутствуют четко выраженные центростремительные миграции. В условиях сокращения внешней миграции (прежде всего из стран СНГ) многие регионы европейской части страны становятся миграционными донорами Москвы.

Вместе с тем увеличение внешней миграции может быть осуществлено, но не за счет русских и представителей других титульных народов России. Миграционный поток будет достаточно пестрым по этническому составу, что уже видно на примере ряда регионов Приволжского округа.

Это ставит перед страной в целом и перед каждым регионом в частности две перспективы: быстрые сокращения численности населения или постепенное изменение его этнического состава за счет мигрантов. К этим вызовам должны быть готовы федеральные и местные власти, а так же местное население.[3].

Библиографический список

1. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987.
2. Житин Д.В. Территориальные особенности локализации миграционных потоков в Российской Федерации // Известия РГО. 2011. Т. 143. Вып. 3. С. 16-31.
3. Мкртчян Н.В. «Миграция и регион» на примере Приволжского федерального округа // Мир России. 2004. №2.

Ю.В. Арапова

Самарский национальный исследовательский университет

ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В связи с реформированием местного самоуправления в России в социально-политической практике выделяются новые стратегические направления государственной политики и развития законодательства в сфере городского самоуправления. Для эффективной реализации преобразований и выработки рекомендаций по решению дискуссионных проблем необходимо учитывать и обобщать исторический опыт организации местного самоуправления. В частности наибольший интерес представляет деятельность городских Дум второй половины XIX – начале XX вв. Результативность органов городского самоуправления во многом зависела от социально-политической активности гласных городских дум и в особенности такой значимой фигуры, как городской голова.

Роль и статус городского головы в системе управления городом менялась с момента введения этой должности, изначально в его компетенцию входила лишь организация выборов городских депутатов, но после введения Городового Положения 1892 г. он уже являлся руководителем сразу трех учреждений городского самоуправления. Городской голова контролировал законность и правильность выборов в думу на городских избирательных собраниях, являлся председателем думы и управы.

Должность городского головы впервые упоминается в Манифесте 25 декабря (14 декабря ст.ст.) 1766 года о созыве комиссии и указы о порядке выборов в депутаты для сочинения проекта нового Уложения. Городской голова должен был организовывать выборы городских депутатов. Требования к кандидатам в городские головы и депутаты были равнозначными: «Каков должен быть депутат городской, которого выбирать будут, таковому же надлежит и голове городскому быть в каждом городе, а именно, чтоб оба были, 1-е. действительно дом, или дом и торг, или дом и ремесло, или дом и промысл в том городе имеющие, 2-е. не банкрутные, в штрафах, подозрениях и явных пороках не бывалые, 3-е. доб-

рой совести и незазорного поведения». Избирался городской голова на два года: «и у кого больше голосов: избираю, тому объявят, что он от своего города выбран быть головою на два года» [3, с. 1092-1110]. Таким образом городской голова избирался всеми домовладельцами города и выступал представителем всего городского общества.

После издания 21 апреля 1785 г. «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» должность городского головы приобрела новый статус – руководитель всех органов городского самоуправления. Этот закон предусматривал избрание головы, как руководителя городской общей думы, шестигласной думы и депутатского собрания для составления обывательской книги. Городской голова все также занимался организацией и проведением выборов, на него возлагалось общение с правительственными учреждениями, он был инициатором и исполнителем решений дум. Являясь главой он нес ответственность за выполнение общественных поручений доверенных Думе [2, 25-39]. Должность Городского головы за все время существования Екатерининской системы ни разу не упразднилась.

Спустя более 80 лет возникла острая необходимость в реформировании городского самоуправления. В 1870 г. было принято Городовое Положение, регламентирующее работу распорядительной и исполнительной ветвей власти. Городовое положение 1892 г., пришедшее на смену закону 1870 г., ущемляло права дум, частично трансформировало систему городского общественного управления, и изменяло правовое положение ее должностных лиц. Лица, избранные в должность Городского головы, и «заступающих его место» в губернских, областных и входящих в состав градоначальств городах, утверждались в должностях министром внутренних дел (ст. 118) [1, с.121]. В зависимости от личности головы складывался и характер взаимоотношений с учреждениями центральной и губернской власти. Следовательно, от профессионализма, личных качеств, авторитета городского головы зависела эффективная деятельность органов городского самоуправления.

Должность городского головы была общественной и денежное вознаграждение за нее долгое время не полагалось. Но не смотря на это, занять ее стремились самые известные горожане. Купцы, занимавшие должность городского головы, зачастую использовали возможности этого статуса себе на пользу. Так, должность городского головы позволяла получить звание почетного гражданина, что повышало статус человека и его семьи. Однако нередко были случаи, что пост городского головы негативно сказывался на коммерческой деятельности. Так, Самарский городской голова Василий Ефимович Буреев, трижды избираемый на эту должность, за два срока исполнения обязанностей, не только не разбогател, а наоборот стал испытывать серьезные денежные проблемы.

Предпринимательская деятельность В.Е. Буреева не ограничивалась торговлей овощными, галантерейными и меховыми товарами, но и распространялась на сельскохозяйственное и промышленное производство, а также он сдавал недвижимость в аренду. Однако занимаемая должность отнимала много времени и отрывала от основной предпринимательской деятельности, что привело к серьезным финансовым затруднениям. В 1870 г. Самарская городская Дума сообщала о налоговых недоимках, числящихся за Буревым, суммой 572 р. 96,5 к. [4, с.281]. Это привело к тому что, когда 2 декабря 1869 г. Дума в третий раз избрала Буреева на пост городского головы, он отказался от должности из-за отсутствия средств к исполнению этой службы. Самарская городская дума высоко ценила деятельность В.Е. Буреева и готова было платить жалованье из городских доходов или за счет доходов Самарского общественного Банка [5, л.11]. Но Министерство внутренних дел высказалось против подобного решения. Таким образом, можно отметить тот факт, что занимаемый высокий пост не всегда приносил выгоды, а даже наоборот был обременителен и накладен для собственной коммерческой деятельности городского головы.

Таким образом, городской голова являлся одной из важнейших фигур городского самоуправления. Должностные полномочия, которые распространялись на распорядительную и исполнительную функции, способствовали укреплению власти головы городской Думы. Быстрота рассмотрения дел принятий решений и эффективность их осуществления и тем самым продуктивность работы думы во многом зависела от головы городской думы. Дума, при определенных качествах и авторитетного городского головы, теряла свою ведущую роль и подчинялась руководству сильного начальника. Однако такое происходило крайне редко. Как правило выбранные на эту должность купцы, преследовали личные цели и выгоды. Лишь немногие показали себя талантливыми, ответственными и дальновидными руководителями.

Библиографический список

1. Городовое положение с законодательными мотивами, разъяснениями и дополнительными узаконениями. Сост. С.Г. Щегловитов. С.-Петербург, 1892 г.
2. Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право // Отечественная история. 2001. № 3. С. 25-39.
3. Полное собрание законов Российской империи. Т. XVII. [СПб]., 1830., Ст. 12801. С. 1092-1110.
4. Черкасова М. В., Фролова К. В. Деятельность городского головы В.Е. Буреева (по документам ЦГАСО) // Городская культура и город в культуре: мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф.: в 3-х ч. Самара, 2012. Ч. 1. С. 275-283
5. ЦГАСО. Ф.1. Оп.3. Д.3551.

Научное издание

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XXI Всероссийская конференция
молодых историков
(Самара, 4–5 декабря 2015 г.)

Материалы и доклады

Публикуется в авторской редакции
Художественный редактор *Л. В. Крылова*
Титульное редактирование *Л. А. Кнохиновой*
Компьютерная верстка, макет *Л. Н. Законовой*

Подписано в печать 07.04.2016.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 13,0. Уч.-изд. л. 14,0. Гарнитура «Newton».
Тираж 100 экз. Заказ № 1366
Издательство «Самарский университет»,
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
Тел. (846) 334-54-23. E-mail: lizam@ssu.samara.ru
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Медиа-Книга».
г. Самара, ул. Песчаная, 1.
Тел. (846) 267-36-82. E-mail: izdatkniga@yandex.ru

